ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

8.

33627

Пров. 50

Стр.

481. Сказаніе объ Азовскомъ сидѣніи, какъ Донскіе казаки сидѣли въ осадѣ отъ Турокъ во градѣ Азовѣ, пять тысячъ человѣкъ противъ триста тысячъ человѣкъ. (Сообщено **А. А. Карасевымъ**).

499. Изъ бумагъ графа **М. Н. Муравьева-Виленскаго**: всеподданнѣйшая записка о нравственномъ положеніи Бѣлоруссіи и о способахъ сближенія оной съ Россійскою имперіей (1830).

513. Изъ далекаго прошлаго: I) Прототипы Фонвизинскаго Митрофанушки. II) Балетмейстеръ Ланде. III) А. П. Сумароковъ. (Сообщилъ **В. Мустафинъ**).

518. Чешскій фабрикантъ въ Курской арестантской ротѣ (1864). **А. А. Танкова.**

522. Записки графа **М. Д. Бутурлина**. 1857 и 1858 годы. (Служба въ Калугѣ).

590. Русское Генеалогическое Общество. **Л. М. Савелова**, съ послѣсловіемъ издателя.

594. Объ учрежденіи Андреевскаго ордена. **П. М. Майкова.**

600. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ отцу его. 1802.

644. А. Н. Креницынъ. Его стихи и посланіе къ нему **Е. А. Баратынскаго**. Статья **Н. В. Кренипына.**

648. Что значитъ „рыскамора“ и „кикамора“. А. С.

649. „Горе отъ Ума“ въ Пермской Межевой Конторѣ. **Князя Н. В. Шаховскаго.**

652. Архимандритъ Фотій (по семейнымъ разсказамъ). **В. Соловьева**

655. Къ торжеству 16 Августа 1898 года. П. Б.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1898.

Л. Волковъ. Адамъ Мицкевичъ и его произведенія (Критико-біографическій очеркъ). Варшава, 1897. Мая. 8-ка, 78 стр.

Небольшая книжка, полная содержаніемъ. Желательно, чтобы кто-нибудь перевелъ ее на Польскій языкъ. Это первый опытъ разоблаченія лжи, лежащей въ основѣ всей дѣятельности Мицкевича. Немногіе, умудренные опытомъ Поляки, въ сущности сознаютъ эту ложь, но не рѣшаются гласно о ней говорить. Такъ, покойный Лелевель, въ бесѣдахъ съ нами, лѣтомъ 1858 года, въ Брюсселѣ, осуждалъ Мицкевича и говорилъ, что съ такими вожаками Полякамъ не избѣгнуть окончательной погибели. Прелесть его поэзіи непререкаема; но для безпристрастнаго читателя есть въ ней что-то болѣзненное, какая-то утомляющая напряженность. Мицкевичъ до изнеможенія рисуется; онъ лишенъ Пушкинской простоты и краткости. Что̀ касается до его личности, въ книжкѣ Л. Волкова собраны скорбныя черты лукавства, обмана и полоумія. Жаль, что дозволено поставить ему памятникъ въ Варшавѣ (гербъ которой Сирена съ мечемъ); онъ не можетъ повести къ добру, и намъ, пожалуй, опять придется „биться съ мертвецами, воскресшими для новыхъ похоронъ“.

Кстати замѣтить ошибку г. Л. Волкова: не Хомяковъ въ 1844 году привезъ обѣднѣвшему Мицкевичу пять тысячъ рублей изъ Москвы, а покойный Александръ Николаевичъ Поповъ. Деньги эти послали ему чрезъ Попова, А. С. Хомяковъ, С. П. Шевыревъ и Н. В. Путята. П. Б.

Профессоръ Д. Н. Бѣликовъ. Первые Русскіе крестьяне - насельники Томскаго края и разныя особенности въ условіяхъ ихъ жизни и быта (общій очеркъ за XVII и XVIII столѣтія). Съ приложеніемъ списка населенныхъ мѣстъ Колыванской области за 1782 годъ. Изъ серіи публичныхъ лекцій, организованныхъ Томскимъ Отдѣломъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства въ осеннемъ полугодіи 1897 года. Томскъ, типографія М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовскаго. 1898. Мая. 8-ка 138 стр.

Книжка весьма замѣчательная. Картины свѣжія и яркія. Напр. жители города Тары не захотѣли присягать Екатеринѣ I-й. Вождь ихъ Бочаговъ, во время розыска по этому дѣлу, отъ котораго погибло свыше 1.000 человѣкъ, поджогъ подъ своимъ домомъ порохъ, чтобъ взлетѣть на воздухъ. Жестокости управленія угоняли Русскихъ людей въ глубь Сибирскихъ пространствъ, которыя населялись старовѣрами, бѣжавшими отъ преслѣдованій. По словамъ автора, при Елисаветѣ Петровнѣ гнали ихъ жесточе, чѣмъ во времена Петра и Анны. Бѣглецы просились даже въ Китайское подданство.

СКАЗАНІЕ ОБЪ АЗОВСКОМЪ СИДѢНІИ,

какъ Донскіе казаки сидѣли въ осадѣ отъ Турокъ во градѣ Азовѣ, пять тысячъ человѣкъ противъ триста тысячъ человѣкъ.

Лѣта 7150 году Октября 28 дня. Къ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу, въ Бѣлорусіи, пріѣхали изъ Турецкой земли, съ Дону, изъ Азова города, Донскіе казаки: атаманъ Наумъ Васильевъ, да ясаулъ Ѳедоръ Ивановъ, а съ ними пріѣхало Донскихъ же рядовыхъ выборныхъ казаковъ двадцать четыре человѣка, которые сидѣли въ Азовѣ городѣ отъ Турокъ въ осадѣ, и свою осадную и боевую и вылазковую привезли они съ собою подлинную роспись.

А въ росписи ихъ пишетъ подлинно порознь по статьямъ.

Въ прошломъ во 149-мъ году, Іюля въ 24-й день, прислалъ Турской Обрагимъ салтанъ царь къ намъ Донскимъ казакамъ четыре паши, да двухъ своихъ полковниковъ, да капитана, да Мустафу, ближнія своея думы и тайнаго своего покою слугу, добрѣ надъ нами смотрить промыслу, какъ станутъ промышлять паши его и полковники надъ Азовымъ городомъ, а съ ними пашами прислалъ многую свою собранную казну и босурманскую свою многую силу, да съ ними же прислалъ, совокупя на насъ Донскихъ казаковъ, подручныхъ своихъ и подданныхъ двѣнадцати земель воинскихъ людей. А своей силы, по спискамъ его, браннаго боеваго люду двѣсти тысячъ, окромѣ Поморскихъ и Кафинскихъ черныхъ мужиковъ, а которые на сей сторонѣ моря собраны со всей орды Крымскіе и Нагайскіе на загребь, чтобъ насъ казаковъ въ Азовѣ городѣ живыхъ загресть и засыпать бы имъ насъ горою высокою, какъ они загребаютъ люди Персицкіе; а себѣ бы имъ тою нашею смертію учинить славу великую, а насъ бы имъ укорить вовѣки. А тѣ собраны у нихъ черныхъ мужиковъ многія тысячи, имъ же не бѣ числа. Да съ тѣми же его пашами пришелъ Крымской царь, да братъ его родной Крымгирей царевичь съ своею ордою Крымскою и Нагайскою, а съ ними Крымскихъ и Нагайскихъ людей мурзъ и Та-

таръ, вѣдомыхъ людей, окромѣ охотниковъ, сорокъ тысячъ, да съ нимъ же царевичемъ пришло Горскихъ и Черкаскихъ князей изъ Кабарды тысяча человѣкъ. Да съ ними же пашами было наемныхъ людей изъ Венеціи Нѣмецкихъ два полковника, а съ ними солдатъ было шесть тысячъ человѣкъ. Да съ нимижъ пашами были для всякихъ подкопныхъ и приступныхъ промысловъ Нѣмецкіе люди городоимцы, мудрые вымышленники многихъ государствъ изъ Греческія и изъ Стекольныя и изъ Французскія земли, пинарщики, которые умѣютъ всякія приступныя дѣлать и вымышлять дѣла и подкопныя подземельныя вести мудрости и ядра огненныя зажигательныя. А снаряду всякаго съ тѣми пашами и полковники было подъ тѣмъ городомъ Азовымъ великихъ большихъ проломныхъ 129 пушекъ, а ядра у тѣхъ пушекъ были въ полпуда и въ полтора пуда и въ два пуда, да мелкова снаряду было съ ними пушекъ и туфяковъ шестьсотъ семдесятъ четыре пушки, окромѣ огненныхъ верховыхъ зажигательныхъ пушекъ, а тѣхъ верховыхъ было тридцать двѣ пушки, а тотъ весь снарядъ былъ у нихъ весь на цѣпяхъ, боясь того, чтобы на вылазкахъ вышедъ его не взяли. А было съ тѣми Турецкими пашами людей его подъ Азовымъ городомъ и разныхъ земель: первые Турки, вторые Крымъ, третіе Греки, четвертые Сербы, пятые Арапы, шестые Можары, седьмые Буданы, осьмые Бойшляны, девятые Арнауты, десятые Мутяны, первые-надесять Волохи, вторые-надесять Черкасы, третіе-надесять Нѣмцы, четвертые-надесять Янычери. И всего съ пашами и съ полковники и съ капитаномъ было подъ Азовымъ городомъ людей его, и съ Крымскимъ царемъ и съ царевичемъ Крымгиреемъ, по спискамъ браннаго всякаго боеваго мужика, окромѣ вымышленниковъ Нѣмецкихъ и черныхъ мужиковъ и охотниковъ, двѣсти пятьдесятъ шесть тысячъ. А сбиралъ онъ, Турской царь, ту силу за моремъ на насъ, Донскихъ казаковъ, идти подъ Азовъ городъ, ровно четыре года, а на пятой годъ въ лѣто 7149 году, мѣсяца Іюля въ 24-й, на Рождество святаго славнаго пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна, пришли они въ осмый *) часъ дни, въ самой обѣдъ.

Паши же его Турскіе, полковники и капитанъ, и Крымской царь и царевичъ наступили они своими силами на Азовскія поля, и заняли они много степи, и показалося намъ въ Азовѣ городѣ аки лѣса темные стали. И отъ силы ихъ Турецкія и отъ рысканія конскаго земля у насъ подъ Азовымъ городомъ рехнулась, и изъ рѣки Дону вода на берегъ показалось намъ, сидя въ Азовѣ городѣ, выступила. Мы же бѣдные отъ того вельми, сидя, ужаснулись, токмо упованіе положихомъ на

*) Счетъ древній и у насъ въ Москвѣ бывшій: съ восхожденія солнца. П. Б.

Бога и на Пречистую Богородицу и на всѣхъ святыхъ Его угодниковъ, ни откуду же помощи чаяху.

Турки же по полямъ почали шатры и палатки многіе ставить и наметы дѣлать, понеже бо бѣ время лѣтнее, и почали у нихъ въ полкѣхъ быть трубли и игры и свирѣльные писки великіе жалостнымъ обычаемъ; еще же почали у нихъ трубить въ трубы Нѣмецкія и Турецкія несказанными гласы, страшными и неизрѣченными босурманскими играми.

Послѣди же тѣхъ всякихъ игоръ почала у нихъ быть стрѣльба мушкетная и пушечная великая, какъ есть стояла надъ городомъ надъ Азовомъ и надъ нами громная туча и отъ воскуренія пищальнаго и отъ пушечнаго дымъ велій, что другъ друга не видѣти.

Мы же бѣдные отъ ихъ босурманскаго приходу вельми ужаснулись, и немочно намъ такую ихъ великую силу смѣтить. Стали же они къ намъ близостію ставиться только за полверсты малыя отъ Азова города. Янычерскія же головы идутъ строемъ къ намъ подъ городъ великими полками, раздѣляясь знаменами, на ширенки многія безъ знаку, набатъ у нихъ гремятъ и въ трубы трубятъ и въ барабаны бьютъ безпрестанно, и ни въ какихъ строяхъ такихъ знаменъ и набатовъ и барабановъ мы не видали.

Пришли же къ намъ самою близостію двѣнадцать головъ янычерскихъ, къ городу Азову, стекшися стали кругъ города въ восемь рядовъ отъ рѣки Дону, захватя до моря рука за руку. Мы же то все видимъ у нихъ у всѣхъ Янычеръ, что кипятъ у мушкетовъ ихъ, аки свѣчи горятъ, фитили спучены съ сѣрою горючею. А у всякаго Янычерскаго головы въ полку его по двѣнадцати тысячъ человѣкъ. А бой у нихъ у всѣхъ огненной мушкетной, а платье у всѣхъ тѣхъ Янычерскихъ головъ надѣто золотные бешмети, а на Янычеряхъ на всѣхъ построено платье единоцвѣтное красное, а мушкеты и пищали у нихъ долгіе Турецкіе съ жаграми желѣзными, стальными и съ укладными. А подобенъ ихъ строй нашему Русскому солдатскому строю. Да съ ними же тутъ стали въ рядъ Нѣмецкіе два полковника съ своими Нѣмецкими людьми съ наемными солдатами. А въ полку ихъ было шесть тысячъ человѣкъ.

Мы же за помощію Божіею ничего въ то время зла имъ и бою никакого имъ не дали, ожидаемъ къ себѣ, что у нихъ промыслу на насъ будетъ. Токмо удѣлываемъ земляные подкопы и готовимъ на нихъ, всякое большое и мелкое ружье заряжаемъ дробомъ и посѣчками мелкими желѣзными.

Того же дни на вечеръ, какъ пришли къ намъ Турки подъ городъ, паши же и капитанъ и полковники прислали къ намъ подъ го-

родъ пѣшихъ своихъ босурманскихъ Турецкихъ толмачей и Персидскихъ и Нѣмецкихъ людей съ выговоромъ.

А говорить велѣли строю пѣхотному Янычерскому головѣ, и голова ихъ Янычерской почалъ намъ Донскимъ казакамъ говорить словомъ Турскаго царя и четырехъ пашей, и капитана, и отъ царя и отъ царевича Крымскаго рѣчью гладкою и словами умиленными: Люди Божіи, Царя небеснаго, въ пустыни сей никѣмъ видими, или посылаеми, яко орлы парящіе, безъ страха по воздуху летаеми, и яко львы свирѣпые въ пустынѣхъ рыскаете; казачество Донское вольное, сосѣди наши ближніе, непостоянные нравы, лукавые пустынные жители и разбойницы непощадные, несытые ваши очи, не полны ваши чрева! Кому приносите такія обиды великія и страшныя грубости? Наступили вы на такую десницу высокую, на царя нашего Турскаго. Невпрямь вы еще на Руси богатыри святорусскіе, гдѣ вы можете убѣжати отъ руки его такія сильныя? Прогнѣвали вы Амуратъ-салтаново величество, убили вы слугу его вѣрнаго, посла его Турскаго Фому Кутугина*), а съ нимъ побили всѣхъ Арменъ и Грековъ многихъ людей; а посланъ онъ былъ къ вашему великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу Московскому и всея Россіи. Да вы же взяли любимую его вотчину царя Турскаго славной красной Азовъ городъ, напали вы на него аки гладные волцы, не пощадили вы въ немъ никакова мужичья возраста, побили вы всѣхъ до единаго человѣка, положили вы тѣмъ на себя лютое имя звѣриное; разгнѣвали вы нашего царя Турскаго съ своею ордою кривородствомъ своимъ тѣмъ нашимъ Азовымъ городомъ, а та у него орда Крымская оборона его на всѣ стороны страшная.

Второе, разлучили вы его съ корабельнымъ пристанищемъ, затворили вы имъ Азовымъ городомъ все море синее, не дадите проходу по морю ни кораблямъ, ни каторгамъ, ни въ которые поморскіе городы царя Турскаго. Согрубя вы такую грубость лютую, конца ли себѣ въ немъ дожидаетесь или смерти разныя горькія? Сердца ваши христіанскія жестокія, очистите вотчину царя Турскаго, Азовъ городъ, въ сію нощь, не мѣшкая, доколѣ всѣхъ васъ не побьемъ; а что въ томъ нашемъ Азовѣ городѣ есть вашего воровскаго грабительнаго собранія и всякихъ вашихъ пожитковъ, и намъ до того дѣла нѣтъ: то все понесите вонъ изъ Азова города въ свои казачьи городки съ собою безъ страху къ своимъ товарищамъ, а на отхожденіи ничѣмъ васъ не тронемъ. А естьли вы только изъ Азова города въ нощь сію вонъ не выдите, не можетъ уже завтра отъ насъ живъ быти никто отъ васъ зло-

*) Кантакузена.

дѣевъ. А укрытися и убѣжати вамъ изъ Азова города некуды, а заступити и выручити васъ отъ руки нашея также сильныя некому. И противъ нашего царя Турскаго и такихъ великихъ и непобѣдимыхъ страшныхъ восточныхъ и полуденныхъ силъ кто стояти или битися можетъ? Подобно ему изъ царей и изъ князей величествомъ на свѣтѣ нѣсть. Токмо повиненъ онъ единому Небесному Богу, и стражъ онъ Гробу Господню, и по волѣ Божіей избра его Богъ на свѣтѣ семъ единаго, паче ото всѣхъ царей и князей земныхъ. Промышляйте въ нощь сію животомъ своимъ. И не мрите отъ руки его лютою своею вольною смертію. Онъ, царь восточной, не убійца никому вашему брату вору казаку и разбойнику; ему то царю нашему честь достойная. Побити ему людей царя Россійскаго, развѣ своей чести лишену быть. Недорога ему ваша кровь татиная и разбойничья.

А если вы уже пересѣдите въ нощь сію чрезъ цареву такую милостивую рѣчь и заповѣдь въ нашемъ Азовѣ городѣ, и внезапу пріимемъ мы заутра городъ Азовъ, а васъ татей и разбойниковъ яко птицъ въ руцѣ свои возмемъ и предадимъ васъ воровъ на муки разныя и раздробимъ плоть вашу на крошки мелкія. Хотя бы васъ всѣхъ воровъ сидѣло и сорокъ тысячъ, ино силы для васъ прислано съ пашами больше трехъ сотъ тысячъ. И волосовъ столько не будетъ на главахъ вашихъ, сколько стоитъ силы нашея подъ Азовымъ городомъ; видите вы и сами воры глупые очима своима такую силу великую и несчетную, какъ они покрыли такую степень великую, а и съ высоты очи ваши то все видятъ, сколько нашея силы подъ Азовымъ городомъ, что другаго краю силы нашей конца не видѣть. Да и то даемъ вамъ вѣдомость, что отъ царства вашего Московскаго сильнаго и грознаго никакой вамъ отъ людей не будетъ помощи, и выручити васъ некому, потому что вы у насъ взяли Азовъ городъ своимъ глупымъ воровскимъ вымысломъ, не доложась своего великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Россіи, да и запасу никакова хлѣбнаго съ Руси къ вамъ николи не пришлютъ.

А естьли вы служить похочете нашему царю Турскому, потому что ваша порода казачество Донское вольное, свирѣпое и безстрашное, пастыря и учителя надъ собою не имѣете, живете по вольности своей, принесите вину свою татиную и разбойничью и повинныя свои глупыя головы нашимъ пашамъ и полковникомъ въ повиновеніе на службу вѣчную, и за то отпуститъ вамъ царь нашъ Турской и паши его и полковники вины ваши страдничьи и не помянетъ прежнія ваши грубости и нынѣшняго взятія Азовскаго.

И пожалуетъ васъ Донскихъ казаковъ честію великою и обогатитъ васъ онъ царь нашъ Турской великимъ и несчетнымъ богатствомъ

и учинитъ вамъ казакамъ покой великой и положитъ на васъ платье златоглавое и дастъ вамъ печати богатырскія со златымъ своимъ царскимъ клеймомъ, и всякъ на васъ казаковъ и зря на платье ваше въ нашемъ царствѣ станутъ вамъ кланятися и почитать, и называть станутъ васъ Дону славнаго казаки, избранные рыцари, знатные люди, и та ваша казачья слава вѣчная въ Царѣградѣ и въ иныхъ городѣхъ будетъ въ вѣцѣ семъ, отъ Востоку и до Западу станутъ васъ казаковъ называти во вѣки всѣ орды босурманскія, Перскія и Елинскія, святорусскіе богатыри, что не устрашились отъ насъ, сѣли вы въ городѣ Азовѣ такими своими малыми людьми, только имѣете пять тысячъ людей, а такихъ страшныхъ великихъ и непобѣдимыхъ триста тысячъ силъ не боитеся. Гдѣ вы умъ свой дѣвали? Каковъ передъ вами славенъ и силенъ и многолюденъ и богатъ шахъ Кизылбашской и Персидской царь, владѣетъ онъ всею Персидою, Индіею богатою и имѣетъ у себя рати многія. И онъ не противу царя нашего Турскаго; не бываетъ того никогда же, что ему съ нами битися и въ городѣхъ и на поляхъ не отсиживаются отъ силы нашея, видя къ себѣ смиреніе наше, всегда повинуются намъ и милости у нашего царя Турскаго просятъ.

По семъ же отвѣтъ казачій изъ Азова города толмачамъ и головѣ Янычерскому.

Видимъ мы всѣхъ васъ и до сѣхъ мѣстъ мы васъ знаемъ и про васъ вѣдаемъ, силы и пыхи царя вашего Турскаго всѣ знаемъ, и видаемся мы съ вами, Турками, по-часту на морѣ и за моремъ и на сухомъ пути; давно мы васъ ждали къ себѣ въ гости подъ Азовъ городъ и егда дождались, лишь вы потеряли дни многіе, напрасно ѣдучи къ Азову городу.

Гдѣ полно Обрагимъ вашъ царь Турской умъ свой дѣлъ, или у него, царя Турскаго, не стало за моремъ злата и сребра, что онъ пріѣхалъ подъ насъ, казаковъ, для кровавыхъ нашихъ зипуновъ?

А сказываете намъ, что прислалъ четырехъ пашей да капитана, да двухъ полковниковъ, да съ ними же прислалъ для насъ Турецкія силы триста тысячъ боевыхъ людей, окромѣ мужиковъ черныхъ, да на насъ же нанялъ онъ четырехъ Нѣмецкихъ земель солдатъ шесть тысячъ, да многихъ мудрыхъ полковниковъ и далъ имъ за то казну свою великую. И то вамъ самимъ Туркомъ вѣдомо, что по сіе время никто даромъ зипуновъ съ насъ не снимывалъ. Хотя онъ Турской царь насъ взятьемъ возметъ въ Азовѣ городѣ такими своими великими силами и людьми наемными, и умомъ и разумомъ и промысломъ Нѣмецкимъ, а

не своимъ царевымъ разумомъ и храбростію, то небольшая ему почесть и хвала отъ своей братьи, отъ иныхъ окрестныхъ государствъ и земель будетъ; не изведетъ онъ тѣмъ нашего стариннаго казачьяго прозвища, и не запустѣетъ отъ того Донъ головами нашими.

И на взысканіе наше будутъ молодцы съ Дону. Тогда въ то время не убѣжати будетъ пашамъ вашимъ и капитану и полковникомъ за море. А есть ли только избавитъ Богъ отъ руки его такія сильныя, отсидимся отъ васъ въ Азовѣ городѣ отъ такихъ великихъ силъ его отъ трехъ сотъ тысячъ человѣкъ такими своими малыми людьми пятью тысящи, то великая срамота царю вашему отъ всѣхъ окрестныхъ государствъ и земель будетъ.

А назвалъ онъ Турской царь самъ себя ото всѣхъ земныхъ царей и князей больше и честію выше и пишется стражемъ гроба Господня напрасно.

А сей городъ Азовъ строеніе благовѣрныхъ великихъ царей Греческихъ Православныя христіанскія вѣры, а не вашего босурмана царя Турскаго, а онъ завладѣлъ имъ напрасно. А мы люди Божіи, и надежда у насъ вся на Его милость и потомъ на Пречистую Богородицу и на всѣхъ святыхъ Его угодниковъ, и на свою братію товарищевъ, которые у насъ по Дону живутъ въ городкахъ: тѣ насъ выручатъ, а мы холопи природные государевы великаго государя царства Московскаго.

А прозваніе наше вѣчное казачество Донское вольное, безстрашное; станемъ мы съ нимъ, царемъ Турскимъ, биться, что̀ съ худыми свиньями, то всѣми вами и наемными вашими людьми окупимъ мы себѣ въ живота мѣсто; гдѣ бываютъ рати ваши великія, тутъ станутъ ложиться отъ нашихъ христіанскихъ рукъ трупы великіе и ваши босурманскія кости многія. А мы люди не шаха царя Персидскаго, хотя вы людей его и называете бабами и побиваете ихъ множество.

И хотя насъ казаковъ въ Азовѣ сидитъ и пять тысячъ, только за Божіею помощію не боимся силы вашея трехъ сотъ тысячъ, что прислано къ намъ и наняты на насъ Нѣмецкіе многіе люди отъ вашего босурмана царя Турскаго.

А гордому ему босурману и пашамъ, и капитану, и двумъ полковникомъ за такія ваши слова глупыя и неразумныя станетъ Богъ противиться, аки гордому Фараону и покоритъ рати ваши подъ ноги наша.

Развѣ онъ, собака смрадная, своимъ глупымъ высокоумiемъ называется и въ титлахъ своихъ неразумныхъ пишется Богомъ; и не положилъ онъ босурманъ Бога помощника себѣ, но упова на тлѣнное богатство свое, вознесяся бо сатана отецъ его гордостію своею до небесъ, и опусти его Богъ за то съ высоты въ бездну во вѣки, а отъ

нашея казачьи руки малыя срамота будетъ царю вашему Турскому вѣчная.

Гдѣ рати великія стоятъ, и тутъ въ поляхъ у насъ ревутъ медвѣди и волки, и всякіе звѣри многіе, и тутъ за утро лягутъ отъ рукъ нашихъ подъ городомъ многія тысячи людей вашихъ, и многіе же трупы и головы ваши объявятся на съѣденіе всякихъ звѣрей и птицъ, и покажетъ насъ вамъ Богъ за наше смиреніе и правду и кротость передъ вами, собаками, аки львовъ яростныхъ.

Давно у насъ въ поляхъ нашихъ летаютъ орлы и играютъ враны черные и всякія птицы кровоядныя, подлѣ рѣки Дону, и дожидаются на съѣденіе и на пищу плоти вашея, и всегда бѣгаютъ звѣри дикіе, медвѣди и волцы и лисицы, ожидающе на прокормленіе себѣ головъ и трупу вашего.

А прежде сего тому пятой годъ, какъ мы взяли сей Азовъ городъ, и тогда тѣ же всякія птицы слеталися и звѣри дикіе сбѣжалися на ваши босурманскія плоти побитыя, на кормленіе и на пищу себѣ. А нынѣ мы вашими босурманскими головами и трупомъ накормимъ тѣхъ же всякихъ кровожадныхъ птицъ и всякихъ звѣрей дикихъ до сытости на многія времена, и нынѣ имъ того же хочется.

А вѣдь мы Азовъ городъ взяли напередъ сего въ лѣто 7145-е у вашего царя Турскаго не татинымъ и не разбойнымъ промысломъ, въ день, а не ночью, дородствомъ и разумомъ своимъ, взятьемъ бьючися съ вами съ поганцы съ лица на лицо, не бояся и не страшася великія силы вашея впредъ для опыту, каковы царя вашего Турскаго въ городѣхъ люди сидятъ.

А нынѣ мы бѣдные сѣли отъ васъ въ осадѣ въ Азовѣ городѣ малыми людьми, раздѣляясь нарокомъ надвое, для опыту же смотрѣти Турскихъ вашихъ разумныхъ умовъ и промысловъ.

А все то мы примѣняясь къ Іерусалиму и къ Царюграду, хочется намъ такъ взять у васъ Царьгородъ. А то государство было христіанское прежнихъ великихъ благочестивыхъ царей Греческихъ строеніе, а не вашего босурмана царя Турскаго. Да вы же насъ босурманы пужаете и грозите намъ, что съ Руси къ намъ не будетъ и не пришлютъ никакихъ запасовъ и изъ царства Московскаго никакихъ къ намъ воинскихъ людей на помощь не будетъ же; про то мы и сами вѣдаемъ и безъ васъ и о томъ и о всемъ къ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Россіи къ Москвѣ писано.

Какіе будто мы на Руси люди надобные и дорогіе!

Мы въ Московскомъ государствѣ ничѣмъ не надобны и не годны, и такую очередь мы за собою знаемъ и вѣдаемъ подлинно.

То государство Московское великое и пространное и многолюдное сіяетъ посреди всѣхъ государствъ и земель и ордъ босурманскихъ и Елинскихъ и Персидскихъ аки солнце.

И не почитаютъ насъ бѣдныхъ на Руси ничѣмъ и ненавидятъ насъ аки псовъ смрадныхъ, потому что отбѣгохомъ мы изъ того государства Московскаго и изъ иныхъ его государевыхъ розныхъ городовъ отъ неволи и налога, изъ работы и изъ холопства вѣчнаго и отъ неволи великія, отъ его государевыхъ князей и бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ Московскихъ и всякихъ городовыхъ приказныхъ людей. Да здѣ вселились въ пустыни непроходимыя, токмо взираемъ на Бога и на всѣхъ святыхъ Его угодниковъ.

Кому о насъ бѣдныхъ въ Московскомъ государствѣ потужить или порадѣть? Всѣ князи, и бояре, и дворяне, и дѣти боярскіе Московскаго чину и разныхъ городовъ приказные люди концу и смерти и погибели нашей рады; а запасы хлѣбные съ Руси къ намъ николи не бываютъ, кормитъ насъ Богъ молодцовъ на полѣ Своею милостію, звѣрьми дикими, да морскою рыбою питаемся, яко птицы небесныя ни сѣемъ, ни оремъ, ни въ житницы собираемъ, а сыти бываемъ. Тако мы бѣдные питаемся подлѣ синяго моря.

А сребро и злато емлемъ мы у васъ за моремъ, то вамъ и самимъ вѣдомо.

А жены себѣ красныя выбираемъ у васъ же, уводимъ изъ Царяграда и у женъ вашихъ дѣтей вмѣстѣ приживаемъ съ вами.

А се мы взяли у васъ Азовъ городъ своею волею, а не государевымъ повелѣніемъ для казачьихъ зипуновъ своихъ и для лютыхъ пыховъ вашихъ, и за то на насъ, холопей своихъ дальнихъ, великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ вельми кручинится, и мы бѣдные за то отъ него великаго государя за взятіе Азовское боимся казни смертныя.

А онъ государь нашъ царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Россіи многихъ государствъ и ордъ государь и обладатель.

И есть у него государя въ вѣчномъ его холопствѣ такихъ босурманскихъ царей не одинъ, и служатъ ему, государю, въ таковужъ пору, каковъ и Обрагимъ вашъ царь Турской; только онъ, государь нашъ великій и пресвѣтлый, чинить по преданію святыхъ Апостоловъ и святыхъ отецъ и не желаетъ пролити босурманскихъ кровей вашихъ.

И такъ онъ, государь нашъ, богатъ отъ Бога данными своими оброки и безъ вашего босурманскаго смраднаго богатства. Есть-ли бы было на то его государево повелѣніе такое, восхотѣлъ бы онъ, великій государь, пролити крови вашей, и разоренія бъ вашего босурманскаго желалъ, и хотябъ онъ на васъ на всѣхъ босурманъ велѣлъ вой-

пою идти одной своей украинѣ, которые живутъ у него государя отъ поля орды Нагайскія, ино бы и тутъ собралось государевыхъ людей больше легіона тысячи людей его украинныхъ, такіе его государевы люди Русскіе украинцы, подобны и алчны на васъ за ваше разореніе и полонное терпѣніе, яко львы яростные хотятъ поглотити васъ и живу плоть вашу босурманскую поясть. Да держитъ ихъ и не повелитъ имъ великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Россіи. И на то его десница государская.

А въ городѣхъ, во всѣхъ, подъ его государевымъ страхомъ смертнымъ, держатъ ихъ повелѣніемъ государевымъ бояре и воеводы.

И не укрылся бы вашъ Обрагимъ Турской царь отъ руки его государевы и отъ десницы его высокія, и море бы синее не удержало людей его. Были бы за нимъ государемъ однѣмъ лѣтомъ Іерусалимъ и Царьградъ по прежнему благочестивыхъ царей. А въ городѣхъ бы Турецкихъ во всѣхъ не устоялъ бы и камень на камени отъ разуму и промыслу людей его государевыхъ. Да вы же насъ зовете словомъ царя Турскаго, чтобъ намъ жить за нимъ и служить ему царю Турскому, а сулите намъ отъ него царя Турскаго честь великую и богатство многое. А мы люди Божіи, а холопи государя царя Московскаго, а всѣ нарицаемся по крещеніи христіане. Како служити намъ мочно царю вашему невѣрному, оставя нынѣшній свѣтъ и идти во тьму кромѣшную?

Буде мы отсидимся въ Азовѣ городѣ отъ такихъ силъ его великихъ, и тогда побываемъ у него и за моремъ подъ его Царемъ-городомъ и посмотримъ его Царя-града строемъ кровей вашихъ. Тамъ съ нимъ царемъ Турскимъ съ самимъ переговоримъ рѣчь всякую. Лишь бы ему паша казачья рѣчь полюбилась.

А станемъ мы ему служить и радѣть всѣми своими молодецкими головами надъ его и надъ всѣми его людскими головами съ пищальми казачьими, да своими саблями вострыми. А тепере намъ съ вами и говорить не съ кѣмъ, съ пашами вашими.

А какъ напередъ сего учинили вы надъ Царемъ-городомъ, а взяли вы его взятьемъ и убили вы царя Греческаго православныя христіанскія вѣры Константина Ивановича благовѣрнаго и побили вы въ томъ Царѣ-градѣ христіанъ тьмы и тысячи многія, обагрили вы кровію нашею христіанскою всѣ пороги церковные и искоренили до конца вѣру христіанскую: такобы и нынѣ намъ учинить надъ всѣми вами и собрався взять бы намъ Обрагима царя вашего Турскаго и убить бы тако же, какъ и вы убили благовѣрнаго царя Греческаго Константина Ивановича, и принять бы намъ Царь-городъ со всѣми вами босурманы,

и пролить бы вашу кровь нечистую. Тогда у насъ съ вами и миръ на томъ мѣстѣ поставится.

А нынѣ намъ съ вами и говорить нечего: что̀ мы у васъ слышали, то мы все твердо знаемъ.

А что вы отъ насъ слышите, и то все скажите рѣчь нашу пашамъ и капитану и полковникамъ своимъ. А мириться или вѣриться намъ съ вами никоими дѣлы не мочно; понеже бо христіанину съ босурманомъ нѣсть согласія. Христіанинъ побожится душою христіанскою, и на той онъ правдѣ стоитъ во вѣки. А вашъ братъ босурманъ побожится вѣрою босурманскою, ино все лжетъ. А вѣра ваша босурманская равна бѣшеной собакѣ. Ино чему вашему брату и вѣрить?

Рады мы васъ за утро потчивать, чѣмъ у насъ въ Азовѣ Богъ случилъ. Поѣдьте къ своимъ глупымъ пашамъ не мѣшкая. А впредъ къ намъ опять съ такою своею глупою рѣчью не ѣздите, а манить вамъ насъ лише дни терять.

А кто отъ васъ къ намъ впредъ съ такою глупою неразумною рѣчью пріѣдетъ, и тому отъ насъ подъ стѣною города Азова быть убитому.

Промышляйте вы тѣмъ, для чего вы къ намъ подъ Азовъ городъ отъ царя Турскаго присланы. А мы у васъ Азовъ городъ взяли головами своими молодецкими немногими людьми. А вы его у насъ изъ рукъ нашихъ казачьихъ доступайте головами своими Турецкими многими своими тысячи, и кому то у насъ на бою поможетъ Богъ. Потерять вамъ подъ Азовымъ городомъ Турецкихъ своихъ головъ многія тысячи, а не видать его вамъ изъ рукъ нашихъ казачьихъ и до вѣку, что̀ ушей своихъ.

Развѣ его отыметъ у насъ, холопей своихъ дальнихъ, великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Россіи, да васъ тѣмъ городомъ Азовомъ пожалуетъ, тогда уже въ то время будетъ вамъ на то его государская воля.

*

И какъ отъ Азова города голова и толмачи поѣхали въ силы своя Турецкія къ пашамъ и къ капитану и къ полковникамъ и сказали нашъ отвѣтъ во всѣхъ полкѣхъ, и у нихъ въ то время замѣшались во всѣхъ полкѣхъ всѣ воинскіе люди. И почали въ трубы трубить великія собрався всѣ, а послѣ собранія той трубли стали бить въ граматы свои великія и въ набаты и трубить въ роги и свирѣли, и въ цыбызги учали играть жалостнымъ обычаемъ.

А то все знатно, что готовятся къ приступу на взятіе града Азова, а у пѣхоты ихъ у всѣхъ солдатскихъ и Янычерскихъ головъ въ полкѣхъ ихъ потихоньку въ барабаны бьютъ.

Разбираючи они въ полкѣхъ своихъ и строплись ночь всю до свѣта. И какъ на дворѣ уже часъ дни.

Потомъ же почали выступать изъ становъ своихъ Турецкихъ, знамена ихъ разцвѣли и препоры на поле, какъ есть стали цвѣты многіе различные, и отъ трубу и отъ набатовъ ихъ великихъ пошелъ непзрѣченной визгъ, дивенъ и страшенъ вельми приходъ ихъ къ намъ подъ Азовъ городъ, никогда нигдѣ такова приходу мы не видали, и страшнѣе быть нельзя.

Первой приходъ ихъ къ намъ подъ городъ, пришли къ намъ къ приступу Нѣмецкіе два полковника съ солдатами, а за ними пришелъ строй весь пѣхотной Янычерской, а въ тѣхъ полкѣхъ сто пятьдесятъ тысячъ людей воинскихъ.

Потому мы знаемъ, что напередъ сего и отъ роду ихъ на приступъ весь пѣхотный строй къ городамъ нигдѣ не хаживали.

Толь смѣло и жестоко приходъ къ городу Азову. Перво приклонили они знамена свои всѣ и покрыли нашъ весь Азовъ городъ.

И почали сѣчь топорами и кирками желѣзными городовыя стѣны и башни. А на стѣны града пошли по лѣстницамъ, хотѣли насъ взять того же часу перваго своими многими несказанными силами.

И въ то время пошла у насъ стрѣльба на нихъ осадная изъ города. А до тѣхъ мѣстъ мы имъ все молчали, а во огни и въ дыму немочно у насъ другъ друга видѣти на обѣ стороны. Лише громъ стоялъ отъ стрѣльбы ихъ огненной, да дымъ топился до небесъ. Какъ есть стояла страшная и грозная туча, когда бываетъ съ небесъ громъ съ молніею.

И которые у насъ подземные подкопы отведены были за городъ напередъ сего для ихъ приступнаго времени, и тѣ наши подкопы отъ множества ихъ неизрѣченныхъ силъ и отъ бросанія многаго людскаго не устояли и не удержались, всѣ обвалились, и на тѣхъ пропастяхъ подкопныхъ побито отъ насъ, Донскихъ казаковъ, Турецкія ихъ собранныя силы многія тысячи; на тѣ подкопы приведенъ у насъ былъ весь снарядъ и набитъ былъ у насъ, казаковъ, дробью желѣзными усѣчками. И убито ихъ Турскихъ людей отъ насъ, Донскихъ казаковъ, подъ стѣною города на томъ первомъ приступѣ въ тотъ первой день, шесть головъ Янычерскихъ, да два наемныхъ Нѣмецкихъ полковника со всѣми ихъ солдатами шестію тысячи.

Да въ тотъ же первой день, на томъ же первомъ приступѣ, взяли мы у нихъ на вылазкѣ большое знамя царя ихъ Турскаго съ клеймомъ его, а паши его и полковники перво приступали всѣми силами въ самой первой день и до самой ночи и зарю всю вечернюю. И въ то время, въ тотъ первой день, убито ихъ отъ насъ, Донскихъ казаковъ, подъ городомъ Азовымъ, окромѣ шести головъ Янычерскихъ и

двухъ Нѣмецкихъ наемныхъ полковниковъ, однѣхъ Янычеръ двадцать три тысячи, окромѣ раненыхъ; оклали мы, Донскіе казаки, кругъ города выше пояса.

На другой же день, на зарѣ вечерней, прислали къ намъ Турки подъ городъ толмачей своихъ, чтобы имъ дать отобрать побитой ихъ трупъ, которой побитой отъ насъ, Донскихъ казаковъ, подъ стѣною Азова города. А давали намъ за всякую убитую голову Янычерскую по золотому червонному, а за головъ и за полковниковъ давали по сту таредей серебреныхъ.

И воины наши за то не постояли, не взяли у нихъ за убитыя ихъ головы ничего: ни сребра, ни злата, а сказали имъ казаки Донскіе, что не продаемъ убитаго трупу мертваго николиже. Не дорого намъ сребро ваше и злато, дорога намъ слава вѣчная. То вамъ сабакамъ изъ Азова города отъ насъ, Донскихъ казаковъ и молодцовъ, игрушка первая. Лише мы молодцы, Донскіе казаки, оружіе свое прочистили, а еще вы только станете приступать къ Азову городу, и тогда вамъ всѣмъ босурманамъ Турскимъ тоже будетъ, а инымъ намъ васъ ничемъ потчивать: дѣло у насъ нынѣ осадное.

И въ томъ другой день бою у насъ никакова съ ними не было. Потому отбирали они отъ города своихъ побитыхъ людей цѣлой день до вечера. И выкопали они ямы великія тому своему побитому трупу и большіе рвы выкопали отъ города за три версты и засыпали ихъ горою высокою и поставили надъ ними признаки многіе разные босурманскіе. И подписали надъ ними языки своими многими разными.

И послѣ того, въ третій день, опять къ намъ они, невѣрные Турки, подъ Азовъ городъ пришли со всѣми своими босурманскими силами, только стали уже вдали отъ насъ, чтобы ружье наше съ города ихъ не взяло. А приступу къ намъ отъ нихъ никакова не было.

Почали ихъ люди пѣшіе въ тотъ день гору вести высокую, земляной валъ великой выше многимъ Азова города.

И тою горою высокою хотѣли насъ въ Азовѣ городѣ своими великими силами Турецкими покрыть всѣхъ, а вели они къ намъ тоё гору къ Азову городу три дни безпрестанно работая.

И мы, бѣдные, видя надъ собою такое ихъ злое умышленіе и погибель свою вѣчную, что отъ той горы будетъ наша смерть лютая, и мы бѣдные, попрося отъ Бога милости и у Пречистыя Богородицы помощи, и у Предтечева образа, и призывая на помощь чудотворцы Московскіе, и учиня мы межъ себя надгробное прощеніе и цѣлованіе другъ съ другомъ и со всѣми православными христіаны, малою своею дружиною пятію тысящію пошли къ нимъ изъ града на прямой бой противу трехъ сотъ тысячъ и глаголаху другъ съ другомъ: Господь,

Сотворитель небу и земли, не выдай насъ нечестивымъ симъ созданія рукъ Своихъ. Видимъ отъ нихъ сильныхъ предъ лицемъ смерть свою лютую и горькую. Хотятъ насъ живыхъ покрыть горою высокою, видя пустоту нашу и безсиліе наше, что насъ въ пустынѣхъ покинули всѣ христіане православные, убояся лица ихъ страшнаго и грознаго, и великихъ ихъ Турецкихъ силъ. А мы бѣдные не отчаемся къ себѣ Твоея Владычныя милости, вѣдая Твои щедроты великія за Твоею Божіею помощію, за вѣру христіанскую умираючи, бьемся противу большихъ такихъ людей трехъ сотъ тысящъ, за церкви Божія и за все государство Московское и за имя царское. Положа мы на себя образы смертные, выходили мы къ нимъ на бой единодушно.

Крикнули на бою, вышедъ къ нимъ, великими гласы: съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! Невѣрные же заслышали изъ устъ нашихъ таково слово. И не устоялъ впрямь отъ насъ ни единъ человѣкъ противу лица нашего, всѣ побѣжали отъ горы нашея высокія.

И въ то время, вышедъ, побили ихъ на вылазкѣ многія тысячи. Да взяли у нихъ въ тоже время на той же вылазкѣ и на томъ же бою у той горы знаменъ однѣхъ шестнадцать тысячъ Янычерскихъ, да двадцать восемь бочекъ пороху.

И тѣмъ мы ихъ порохомъ, подкопався подъ ту ихъ гору высокую, разбросали всюду побитую ихъ силу Турецкую множество, многія тысячи, и къ намъ въ городъ Янычеръ тѣмъ нашимъ подкопнымъ порохомъ живыхъ къ намъ кинуло тысячу четыреста человѣкъ.

Послѣ же сего времени мудрость ихъ земляная миновалася. Повели уже къ намъ они другую гору позади тоё горы больше ея въ длину три лучныя стрѣльбища, а въ вышину многимъ выше Азова города, а ширина той горѣ какъ мочно дважды каменемъ бросить. На той же горѣ поставили они весь снарядъ свой пушечной и пѣхоту Турецкую привели и орду всю свою Нагайскую поставили на той же горѣ и почали съ той горы изъ снаряду бить день и нощь безпрестанно по Азову городу.

И отъ ихъ пушечной стрѣльбы страшной громъ стоялъ и огонь и дымъ топился отъ нихъ до небесъ.

И били по городу изъ того снаряду день и нощь безпрестанно шестнадцать дней и шестнадцать нощей.

Ни на единой часъ въ то время и дни и нощи покоя намъ не было, и отъ стрѣльбы ихъ пушечной всѣ наши Азовскія крѣпости потряслись, и стѣны, и башни, и церковь Іоанна Предтечи и палаты всѣ до единой сбиты по подошвѣ самой.

И снарядъ нашъ пушечной весь переломали. Одна лишь у насъ въ Азовѣ городѣ во всемъ осталась въ полы церковь Николы Чудотворца. Потому что она стояла въ лугу добрѣ къ морю подъ гору.

А мы въ то время сидѣли отъ нихъ по ямамъ, выгляпуть намъ не дадутъ. И мы въ тѣ поры сдѣлали себѣ покои великіе въ землѣ, подъ ихъ валъ дворы себѣ покойные сдѣлали, и изъ тѣхъ мы своихъ дворовъ подвели подъ ихъ таборы двадцать восмь подкоповъ, и тѣми мы подкопами учинили себѣ помощь и избаву великую, выходили нощью по рву на ихъ пѣхоту Янычерскую и побивали мы ихъ тамъ множество. И тѣми мы своими подкопами, вылазками на ихъ пѣхоту Турецкую, положили мы великой страхъ, и уронъ большой учинили мы въ людѣхъ ихъ.

И послѣ того паши ихъ Турецкіе, смотря на наши подкопные мудрости и осадные промыслы, повели уже они напротивъ къ намъ изъ своихъ босурманскихъ таборовъ семнадцать подкоповъ; хотѣли они тѣми подкопами придти въ ямы наши и подавить насъ тѣми своими подкопами и многими своими людьми. Мы же Божіею милостію и молитвами и заступленіемъ всѣхъ святыхъ Его угодниковъ устерегли тѣ всѣ ихъ подкопныя мудрости и своего пороху противъ ихъ подкоповъ положили и вывели изъ Азова города свои подкопы противъ ихъ подкоповъ и тѣмъ своимъ порохомъ вырвало многіе ихъ подкопы и засыпало землею многихъ Турецкихъ людей, и въ то время вышедъ мы бѣдные изъ Азова города, побили у нихъ людей многія тысячи и до самыхъ большихъ ихъ таборовъ прогнали, и съ тѣхъ мѣстъ подкопныя ихъ мудрости миновались; а было къ намъ отъ Турковъ къ Азову городу двадцать четыре приступа всѣми ихъ людьми, окромѣ большого ихъ перваго приступу.

Такова жестока и смѣла приступу къ намъ не бывало, что̀ нынѣ въ послѣдній приступъ на городовой стѣнѣ, поводясь съ ними, ножами рѣзались и едва со стѣны града ихъ сбили.

И почали уже они на насъ метать, въ ямы наша, ядра огнепныя чиненыя и всякія Нѣмецкія приступныя и вымышленныя мудрости. Тѣмъ они намъ, сидя въ Азовѣ городѣ, чинили поруху и тѣсноту великую пуще перваго приступу. И побили и опалили насъ тѣми огнепными зажигательными ядрами многихъ людей.

И послѣ тѣхъ ядеръ огненныхъ и зажигательныхъ, вымысля надъ нами бѣдными немногими людьми умомъ своимъ и разумомъ и вымысломъ и мудростію Нѣмецкою, и покинули иныя всякія мудрости Нѣмецкія и зажигательныя огненныя ядра, все оставили. И почали они насъ осиловать тѣмъ и доступать насъ прямымъ ручнымъ своимъ боемъ и силами своими великими. Почали они къ намъ на приступъ посылать на всякой день людей своихъ по десяти тысячъ.

Тѣ люди приступаютъ къ намъ къ Азову городу въ день до вечера, а къ нощи пріидутъ на перемѣну другія десять тысячъ. И приступаютъ всю нощь и не дадутъ намъ отдохнуть ни въ день, ни въ нощь; они бьются съ перемѣною день и нощь, чтобы насъ тою истомою осиловать, а намъ бѣднымъ перемѣнится не кѣмъ, бьемся все одни съ ними, и отъ таковаго ихъ злаго промыслу и вымысла Нѣмецкаго и отъ своего безсонія и отъ тяжелыхъ ранъ своихъ и отъ всякихъ лютыхъ злыхъ и прискорбныхъ нуждъ осадныхъ отягчѣли и заскорбѣли.

И отъ духу смраднаго побитаго трупу многіе заскорбѣли, поцынжали мы бѣдные, сидя въ осадѣ въ Азовѣ городѣ, въ то время отчаявъ своего живота. И выручки намъ и помочи ни отъ какихъ людей, ни отъ кого нѣтъ. Только себѣ и чаемъ помощь отъ Вышняго Бога и отъ Пречистыя Богородицы и отъ всѣхъ святыхъ Его угодниковъ. Токмо пріидемъ мы бѣдные къ образу святаго славнаго Пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна. И расплачемся предъ святымъ его образомъ съ горькими слезами и глаголемъ предъ образомъ его:

О Великій, святый, славный Пророче и Предтече Крестителю Господень Іоанне! Заступи и помилуй насъ грѣшныхъ и непотребныхъ рабовъ своихъ отъ таковаго босурманскаго нашествія и отъ горькія напрасныя смерти; разорили мы гнѣздо ихъ змѣиное, взяли мы весь Азовъ городъ и побили мы въ немъ мучителей и зловѣрцовъ всѣхъ христіанскихъ душъ нашихъ и идолослужителей богоотметныхъ еретиковъ. И очистили мы и украсили пресвѣтлый храмъ и святый его образъ, великаго и славнаго въ чудесѣхъ Николы Чудотворца и иные въ томъ святомъ храму многіе святые образы отъ своихъ грѣшныхъ и недостойныхъ рукъ; а безъ пѣпія у насъ и по се время ваши святые Божіи никогда не бывали, прогнѣвали васъ святыхъ, что идете отъ насъ въ руцѣ беззаконныхъ и невѣрныхъ босурманъ; ни откуду помощи не надѣемся, токмо на васъ, великихъ святителей и учителей великихъ.

И сидя въ осадѣ, оставя всѣхъ своихъ товарищевъ, а нынѣ видимъ мы отъ нихъ поганыхъ смерть и мученіе горькое.

Поморили насъ безсоніемъ; четырнадцать дней и четырнадцать нощей съ ними уже безпрестанно мучимся, уже наши ноги подъ нами подогнулися и руки наши оборонныя уже служить замертвѣли. А уста наши и не глаголютъ отъ безпрестанныя стрѣльбы пушечныя и пищальныя. Глаза наши, по нихъ поганыхъ стрѣляючи, порохомъ выжгло. Языкъ нашъ въ устахъ нашихъ на нихъ, поганыхъ босурманъ, закричати не можетъ. Такое стало безсиліе и неможеніе, что не мо-

жемъ въ рукахъ своихъ держати никакого оружія. Почитаемъ мы нынѣ себя за мертво; съ два часа уже не будетъ въ городѣ Азовѣ сидѣнія нашего.

Нынѣ мы бѣдные разставалися со всѣми святыми церкви и съ образы Божіи и всѣхъ святыхъ Его угодниковъ и со всѣми православными христіаны.

Уже не бывать намъ впредъ на Святой Руси и не видать царства Московскаго и его государевыхъ многихъ городовъ! Нынѣ приспѣ смерть наша скорая грѣшничья въ пустынѣхъ сихъ, за наши иконы чудотворныя и за вѣру христіанскую и за имя царское и за все христіанство Московское.

И почали уже мы бѣдные прощатися. Простите насъ грѣшныхъ и непотребныхъ рабовъ своихъ, великій государь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Россіи и вели помянуть души наши грѣшныя. Простите всѣ патріархи вселенскіе, простите всѣ митрополиты, архіепископы и епископы и архимандриты и игумены и весь священническій чинъ, протопопы и діаконы. Простите пустынные жителіе и затворницы мнашескаго чину и всякаго возрасту, которые Христа ради въ пустынѣхъ скитающеся и въ горахъ и въ пропастѣхъ земныхъ. Простите всѣ православные христіане и помяните души наши грѣшныя со всѣми нашими родители: не позоръ мы, бѣдные, учинили всему государству Московскому. Простите насъ лѣса темные и дубравы зеленыя, простите насъ поля чистыя и тихія заводи. Простите насъ, море синее и тихой Донъ Ивановичъ. Уже намъ по тебѣ, атаману нашему, съ грознымъ своимъ войскомъ не ѣздити и дикова звѣря въ чистомъ полѣ не стрѣливати и въ тихомъ Дону Ивановичѣ рыбы не лавливати.

И такъ мы казаки, отчаявъ животъ свой и простяся со всѣми православными христіанами, на утренней зарѣ ожидали мы себѣ еще приступу и смерти горькія и лютыя отъ тѣхъ невѣрныхъ босурманъ, отъ Обрагима царя Турскаго и отъ его собранія сильнаго.

И какъ уже на дворѣ часъ дни, а отъ нихъ къ намъ приступу нѣтъ.

И мы, бѣдные, попрося у Бога милости и у Пречистыя Богородицы, скорыя помощницы и теплыя заступницы, и заступленія у святаго славнаго Пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна, пошли мы къ нимъ изъ города Азова на ихъ таборы Турецкіе.

И намъ бѣднымъ и томленнымъ и скорбнымъ и раненымъ людемъ показалась льгота и бодрость великая, и страхъ и трепетъ отойде отъ насъ. И видѣхомъ мы, что по таборамъ стоятъ Турки и Янычаря. И увидя они насъ, что идемъ къ нимъ противу ихъ, не боясь и не страшась силъ ихъ великихъ и въ похвальбѣ ихъ не пособилъ имъ насъ взять взятьемъ въ Азовѣ городѣ. Покпия они всѣ свои таборы

Турецкіе, побѣжали отъ насъ къ морю къ своимъ кораблямъ и каторгамъ, видя они отъ насъ къ себѣ свою погибель и страхъ великой отъ нашея руки малыя.

И мы бѣдные, надѣяся на свои руки оборонныя и на ноги подломенныя, не надѣялись мы бѣдные на свою силу, только и чая и ожидая себѣ и проси у Бога милости и у Пречистыя Его Богоматери и у всѣхъ святыхъ Его угодниковъ и у Предтечева образа.

И крикнули мы бѣдные на ихъ Турецкіе таборы. Ажно мплостію Божіею по таборамъ ихъ только одни огни горятъ, а людей ихъ никого не бывало, всѣ заранѣе отъ страха нашего побѣжали къ синему морю къ кораблямъ своимъ, чтобы имъ уйти отъ насъ за синее море.

И мы, бѣдные, надѣясь на Вышняго Бога, пошли въ походъ за ними. Ажно они садятся въ свои корабли и каторги и бусы. И мы крикнули на ихъ каторги и которые были на сухомъ берегу, и они, не взвидя другъ друга, стали метаться на корабли и бусы и каторги, и въ то число на томъ сухомъ берегу побили много, а больше того, метався на струги, потонули въ морѣ.

Паши же ихъ съ Турками отошли отъ насъ отъ Азова города съ великою скорбію, не со многою Турецкою силою ушли за синее море въ Царьградъ. Только языки говорятъ, которые у нихъ на бояхъ и на вылазкахъ отъ насъ Донскихъ казаковъ взяты: только ушло ихъ изъ подъ Азова города за море пятдесятъ тысячъ. А вашему босурману царю Турскому отъ нашея руки малыя и отъ казачества Донскаго вольнаго срамота стала и укоръ и безчестіе вѣчное ото всѣхъ земель и отъ царей и королей. А нашему православному царю государю великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Россіи слава и похвала вѣчная во всѣ орды босурманскія и Елинскія.

А нашему атаману Науму Васильевичу и ясаулу Ѳедору Ивановичу и всѣмъ Донскимъ казакамъ, грознымъ и страшнымъ, слава и похвала вѣчная. Аминь.

(Сообщено А. А. Карасевымъ).

Извѣстно, что Донскіе казаки овладѣли Азовомъ и предали казни Ѳому Кантакузена, ѣхавшаго посломъ отъ Турецкаго султана къ царю Михаилу Ѳедоровичу. Турки явились отнимать назадъ Азовъ и должны были уйти назадъ. Царь не хотѣлъ начинать войну съ Турками, и по рѣшенію бывшаго тогда въ Москвѣ земскаго собора Азовъ былъ имъ возвращенъ. П. Б.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА-ВИЛЕНСКАГО.

Всеподданнѣйшая записка о нравственномъ положеніи Могилевской губерніи и о способахъ сближенія оной съ Россійскою Имперіею *).

Не распространяясь о необходимости нравственнаго сближенія Бѣлоруссіи съ Россійскою Имперіей и той степени отдаленія, которая еще и понынѣ между оными существуетъ, я обращаюсь къ тѣмъ главнымъ недостаткамъ и препонамъ (извлеченнымъ изъ внимательнаго наблюденія губерніи, управленію моему ввѣренной), отстраненіе коихъ могло бы, по мнѣнію моему, ускорить исполненіе благодѣтельнаго великаго намѣренія Вашего Императорскаго Величества. Не смѣю входить въ подробное разсмотрѣніе причинъ, по которымъ край сей, издревле коренной Русскій, понынѣ, послѣ болѣе 50 лѣтняго нахожденія онаго подъ правленіемъ Россіи, еще отчасти чуждъ оной, когда большею частью населеніе Бѣлоруссіи было коренное Русское, кромѣ помѣщиковъ, которые суть пришельцы и число коихъ весьма ограничено.

Также не менѣе удивляться должно тому, что вѣра Православная, издревле здѣсь водворенная, теперь подъ владычествомъ Россіи не токмо что не распространяется, но напротивъ того, пришельцы-Католики постепенно увеличили свое вліяніе, и что Уніятское исповѣданіе, введенное Римскимъ духовнымъ правительствомъ для удобнѣйшаго увлеченія изъ Православія въ Католицизмъ, во время Россійскаго управленія симъ краемъ совершенно сблизилось къ настоящей цѣли своего учрежденія и служитъ нынѣ дѣйствительнымъ преддверіемъ къ безвозвратному переходу въ Католицизмъ, совершенно удалясь даже въ наружныхъ своихъ обрядахъ отъ коренныхъ постановленій; что Католическое монашествующее духовенство, признанное во многихъ Католическихъ земляхъ для правительствъ вреднымъ, въ Бѣлоруссіи имѣетъ толикія привилегіи, управляя мнѣніемъ дворянства, получивъ сверхъ того право быть источникомъ всего Бѣлорусскаго просвѣщенія; и наконецъ, что край сей при всемъ своемъ маломъ образованіи весьма мед-

*) Писано 22 Декабря 1830 г., вслѣдъ за началомъ Польскаго мятежа, въ бытность М. Н. Муравьева Гродненскимъ гражданскимъ губернаторомъ. П. Б.

лепно духомъ сближается съ Россіей, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже отъ оной отдаляется; какъ, напротивъ того, въ первые годы присоединенія, принятыми мѣрами правительства оный быстро къ сему сближенію стремился, что̀ ясно усмотрѣть можно даже изъ направленія тогдашняго производства дѣлъ, которое постепенно, настаиваніемъ намѣстниковъ, сближалось къ Россійскому порядку, и судныя дѣла, не взирая на то, что Литовскій Статутъ не былъ уничтоженъ, весьма часто производились на Русскомъ языкѣ и Россійскимъ порядкомъ, когда, напротивъ, съ 1796 г. и нынѣ, производство по Польскому порядку умножилось.

Можетъ быть, правительство имѣетъ на сіе свои причины, которыя частному начальнику не должны быть извѣстны; однакоже, какъ вѣрноподданный Вашего Императорскаго Величества, пекущійся о всемъ, что̀ можетъ быть полезнымъ славѣ августѣйшаго престола Вашего, не смѣю скрыть своего мнѣнія, основаннаго на внимательномъ болѣе двухъ лѣтъ управленіи Могилевскою губерніей, что правительству необходимо принять скорыя, рѣшительныя и самостоятельныя къ сему сближенію мѣры, до чего нынѣ еще достигнуть можно безъ большого затрудненія; со временемъ же, по мѣрѣ большей образованности обывателей, сіе можетъ быть сопряжено съ нѣкоторыми препятствіями. Способы къ достиженію сказанной цѣли, по мнѣнію моему, должны состоять:

I. Въ принятіи мѣръ къ возвышенію Православія и отстраненію тѣхъ недостатковъ, которые въ управленіи онаго въ Бѣлоруссіи нынѣ встрѣчаются.

а) Необходимо имѣть въ Бѣлоруссіи епископа просвѣщеннаго, дѣятельнаго, духомъ и дѣйствіями кроткаго, увлекающаго своими нравственными и умственными способностями, отнюдь не поражая умовъ и мнѣній крутыми и рѣзкими дѣйствіями.

б) Должно особенное обратить вниманіе на составъ, образованіе и нравственность Греческаго духовенства, ибо оное обстоятельствами поставлено среди владѣльцевъ исповѣданія Католическаго, съ удовольствіемъ пищущихъ случаевъ порицанія и униженія онаго.

в) При всей попечительности епархіальнаго начальства къ посвященію достойныхъ священниковъ, много остается приходовъ, въ которыхъ не имѣется комплекта. Я полагалъ бы полезнымъ, чтобы мѣста сіи отчасти замѣщались духовенствомъ, образованнымъ въ Россіи, чѣмъ самымъ со временемъ преобразовался бы духъ въ Бѣлоруссіи рожденнаго и воспитаннаго духовенства, невольнымъ образомъ несущаго отпечатокъ обычаевъ и мнѣній края.

г) По бѣдности поселянъ и иновѣрію владѣльцевъ, нисколько не участвующихъ въ поддержаніи священниковъ, живущіе въ деревняхъ находятся по большей части въ весьма бѣдномъ положеніи и въ нрав-

ственномъ своемъ быту не соотвѣтствуютъ важности своего званія; въ Бѣлоруссіи же болѣе нежели въ другихъ областяхъ государства должно обратить вниманіе на сей важный предметъ, а въ особенности на нравственность духовенства. Но до сего достигнуть невозможно безъ нѣкоторыхъ пожертвованій; ибо безъ особыхъ выгодъ никто изъ священниковъ, въ Россіи образованныхъ, не согласится принять мѣсто въ Бѣлоруссіи, какъ между тѣмъ сіе совершенно необходимо.

д) По той же самой причинѣ и церкви Православныя худо поддерживаются, и не соблюдается въ оныхъ должнаго благолѣпія; въ нѣкоторыхъ даже городахъ оныхъ вовсе не имѣется. Извѣстно, что помѣщики Римскаго исповѣданія не могутъ имѣть усердія къ поддержанію церквей Православныхъ, а поселяне по бѣдности своей не могутъ оказать никакого пособія. По мнѣнію моему, должно возложить на обязанность и отвѣтственность самихъ владѣльцевъ нѣкоторое участіе въ вспомоществованіи прихожанамъ къ удержанію Православныхъ церквей въ должномъ приличіи, ограничивъ положительнымъ правиломъ степень починки, которая должна упадать на участіе оныхъ; ибо никакого духовнаго капитала не будетъ достаточно, ежели всѣ мелочныя исправленія будутъ на оный отнесены.

е) Хотя строгое наблюденіе за нравственностью священниковъ должно наибольшее обратить вниманіе начальства, но не менѣе того наказаніе, опредѣленное имъ указомъ 1808 года отдачею виновныхъ въ рекруты, не должно быть, по мнѣнію моему, допущено въ Бѣлоруссіи; ибо оное, унижая званіе духовное, обращаетъ его въ посмѣшище прочимъ, и особенно вселяетъ неуваженіе во мнѣніи Католиковъ, которые, какъ члены рекрутскаго присутствія, сами участвуютъ въ семъ пріемѣ. Наказаніе сіе, мнѣ кажется, можно бы замѣнить иною мѣрой взысканія, менѣе посрамляющею духовное званіе, особенно въ Бѣлоруссіи, гдѣ управленіе Католической церкви, напротивъ того, старается смягчать наказанія своего духовенства и тѣмъ возвышать санъ онаго. Хотя, въ теченіе двухъ лѣтъ управленія мною Могилевскою губерніей, свидѣтельствовано въ рекрутскомъ присутствіи изъ духовнаго званія 37 человѣкъ, въ числѣ коихъ діаконовъ и священниковъ 12; но опытъ доказалъ, что сія мѣра наказанія, столь учащенная строгостью духовныхъ постановленій, нисколько не улучшила духовенства.

ж) Поддержавъ сколько возможно Греческое духовенство, необходимо, однакоже, для бо́льшаго единства и осторожности въ дѣйствіяхъ онаго и отстраненія излишней рѣзкости въ способахъ его наблюденія за прочими исповѣданіями, вмѣнить въ обязанность епархіальному начальству, чтобы оно, до зачатія офиціальной переписки о предметахъ своевольныхъ дѣйствій Римскаго духовенства, входило предварительно

въ совѣщаніе съ начальникомъ губерніи; ибо много можетъ предупредиться зла подручными дѣйствіями мѣстнаго начальства и прекратиться излишней офиціальной переписки, въ таковыхъ случаяхъ всегда вредной.

II. Въ прегражденіи способовъ вліянія Католическаго духовенства.

а) Прелатъ Могилевскій хитрымъ умомъ, просвѣщеніемъ и фанатическимъ усердіемъ къ Католицизму ежедневно болѣе выигрываетъ во мнѣніи края, стремясь поддержать всѣми возможными способами фанатическое вліяніе Римской церкви. По сей причинѣ удаленіе его изъ сей епархіи есть совершенно необходимо. По мнѣнію моему, въ семъ важномъ случаѣ правительству не должно нисколько медлить; назначеніе ему приличнаго мѣста въ столицѣ могло бы избавить Бѣлоруссію отъ непосредственнаго вліянія человѣка слишкомъ способнаго, имѣющаго въ рукахъ самое сильное оружіе, и за образъ чувствованія и дѣйствія коего не токмо что ручаться нельзя, но, напротивъ того, по всему должно опасаться.

б) Унитское исповѣданіе, служащее преддверіемъ и переходомъ въ Католицизмъ, не взирая на все попеченіе правительства къ возвышенію и доставленію оному независимо отъ Римской церкви существованія, есть и понынѣ еще вѣра презрѣнная въ Бѣлоруссіи. Граждане и чиновники, достигнувшіе до нѣкотораго независимаго бытія, стыдятся оставаться въ оной и переходятъ въ Католическую. Переходы сіи должно необходимо преградить положительнымъ закономъ, въ которомъ заключались бы и способы возможнаго за симъ наблюденія, ибо безъ того оные останутся, какъ и нынѣ, безъ должнаго дѣйствія.

в) Необходимо строго воспретить Католическимъ священникамъ служеніе въ церквахъ Унитскихъ и взаимно Унитскимъ въ церквахъ Католическихъ; ибо отъ сего утверждается во мнѣніяхъ народа, обращающаго болѣе вниманіе на одну наружность, понятіе о единствѣ вѣры Католической и Унитской, которое мнѣніе Католики и безъ того всѣми способами стараются внушить.

г) Отъ сего вліянія Католицизма даже наружные обряды Унитства сближаются съ Католическими, и потому необходимо положить сему преграду строгимъ взысканіемъ за малѣйшее отступленіе отъ коренныхъ обрядовъ Унитской церкви, предписавъ частый и строгій объѣздъ епархіи благомыслящему Унитскому епископу и постоянное ему въ оной пребываніе; ибо одни письменныя воспрещенія не могутъ противодѣйствовать сказаннымъ выше причинамъ.

д) Фанатическій духъ Католицизма, болѣе сосредоточенный въ монашествующихъ орденахъ, соединенный большею частью съ нѣкіимъ отчужденіемъ отъ всего Русскаго и стремящійся къ поддержанію національизма, долженъ особенное строжайшее обратить вниманіе правительства.

е) Правительству слишкомъ извѣстно, сколь необходимо положить сему злу коренную преграду и лишить монашествующее духовенство права заниматься воспитаніемъ юношества. Уменьшеніе чрезмѣрнаго числа Католическихъ монастырей было бы также весьма полезно; но приступить къ сему должно постепенно, начиная преимущественно съ тѣхъ, которые занимаются воспитаніемъ юношества и окружены приходами Греческаго и Унитскаго исповѣданій. По мнѣнію моему, достаточно сохранить монастыри въ городахъ и нѣкоторыхъ мѣстечкахъ. Предметъ сей, по важности своей, требуетъ пространнаго развитія, особенно въ способахъ приведенія въ исполненіе; ибо рѣшительная мѣра можетъ пробудить вниманіе и возродить ропотъ, въ семъ случаѣ всегда вредный, тѣмъ болѣе, что до сего можно достигнуть осторожными мѣрами, безъ пораженія умовъ.

ж) По мнѣнію моему, было бы также весьма полезно отнять у монастырей недвижимыя имѣнія, вознаградивъ ихъ ежегоднымъ денежнымъ окладомъ, ограничивъ между тѣмъ число монаховъ и годы вступленія въ оные. Отнятіе духовныхъ имѣній должно по всей справедливости распространено быть и на монастыри Греческаго исповѣданія. Можно удостовѣрительно сказать, что необходимое уменьшеніе Католическихъ монастырей, при благоразумномъ содѣйствіи мѣстнаго начальства, можетъ быть приведено въ исполненіе; но необходимо прежде сего удалить изъ епархіи прелата Щитта по причинамъ выше сего сказаннымъ, отличить знаками милости и высочайшаго благоволенія чиновниковъ дворянства, которые наиболѣе имѣютъ вѣсу во мнѣніи края и съ усердіемъ готовы содѣйствовать всѣмъ предпамѣреніямъ правительства, и притомъ приступить къ исполненію сего, для меньшаго пораженія умовъ, не вдругъ, но постепенно.

з) Уничтоженіе духовныхъ училищъ при монастыряхъ и замѣщеніе оныхъ свѣтскими уже предположены благодѣтельнымъ правительствомъ, а потому и не стану распространяться о семъ важномъ, необходимомъ предметѣ; но полагаю, однакоже, что преподаваніе предметовъ въ сихъ училищахъ на Русскомъ языкѣ было бы весьма полезно и въ Могилевской губерніи возможно, ибо въ оной языкъ Русскій довольно общій всѣмъ сословіямъ. Достоинства и отличное усердіе къ благу службы нынѣ назначеннаго попечителя Бѣлорусскаго учебнаго округа, безъ сомнѣнія, преодолѣютъ тѣ затрудненія, которыя при введеніи свѣтскихъ училищъ могутъ еще по новости сего предмета встрѣтиться въ Могилевской губерніи; но не менѣе того должно избѣгать уничтоженія существующихъ учебныхъ заведеній прежде заведенія новыхъ, и ускорить устройство таковыхъ.

п) Необходимо оградить строгими положительными законами, съ изложеніемъ и способовъ наблюденія, переходы изъ Греческаго и Унитскаго исповѣданій въ Католическое и правила объ исповѣданіи родившихся отъ родителей Греческой и Унитской вѣры; законы сіи весьма часто нарушаются по недостатку опредѣлительныхъ способовъ должнаго за симъ наблюденія и невѣжеству Греческаго духовенства. Мнѣ кажется, что законъ сохраненія дочерямъ вѣры матери, а сыновьямъ отцовской не исполняется также и по неудобству своему; ибо различіе вѣръ между братьями и сестрами возрождаетъ семейныя несогласія, для избѣжанія которыхъ родители сами вынуждены отступать отъ силы онаго.

і) Исповѣдныя книги суть единственные указатели увлеченія изъ одной вѣры въ другую, а потому и необходимо подвергнуть таковыя большей точности и строгому контролю, не исключая и тѣхъ, которыя ведутся Католическими и Унитскими священниками, возложивъ преимущественно всю отвѣтственность на Греческое приходское духовенство, особенно за допущеніе большой части селенія, какъ сіе часто обнаруживается, къ неисполненію обрядовъ вѣры. Простой народъ въ Бѣлоруссіи еще въ такомъ находится невѣжествѣ, что мало постигаетъ различіе вѣръ, и ежели идетъ молиться безъ разбору въ церкви того или другого исповѣданія, или вовсе ни въ какія, и наконецъ переходитъ даже въ Католическую вѣру, то, безъ всякаго сомнѣнія, сему болѣе причиною безпечность и невѣжество самого духовенства, которое нисколько не заботится внушать ему его обязанностей, и въ концѣ года, а иногда даже по истеченіи продолжительнаго времени, доноситъ лишь, что такія-то лица не были у исповѣди, отчего возрождаются большія запутанныя дѣла, вовсе безполезныя; ибо въ существѣ своемъ сіе происходитъ, какъ выше сказано, отъ невѣжества Бѣлорусскихъ крестьянъ, нерачепія и безпечности Греческаго, а еще болѣе Унитскаго духовенства, которымъ Католики, нерѣдко пользуясь, совращаютъ поселянъ въ свое исповѣданіе. Въ Бѣлоруссіи просвѣщенному епископу и духовенству предстоитъ весьма обширное поприще нравственнаго вліянія, дѣйствіями котораго могли бы сильно облегчиться правительству пути къ достиженію своей цѣли, и уменьшиться надобность рѣзкаго примѣненія законовъ въ дѣлахъ совѣсти и вѣры.

к) Истинное отступленіе отъ Православія и Унитской вѣры болѣе замѣчается въ имѣніяхъ, Католическому духовенству принадлежащихъ; а потому здѣсь должно возлагать и всю отвѣтственность прямо на оное. Я полагаю, что совращеніе изъ Унитства въ Католицизмъ должно подвергнуть не менѣе строгому взысканію; ибо рано или поздно, при постоянныхъ дѣйствіяхъ правительства, Уніаты должны быть обращены

въ Православіе, и потому совращеніе оныхъ въ Католицизмъ столько же вредно, какъ и увлеченіе изъ Греческаго исповѣданія. Впрочемъ, обращеніе Уніатовъ къ Православію можно бы привести въ исполненіе и нынѣ безъ большого затрудненія, особенно въ селеніяхъ; ибо Бѣлорусскіе крестьяне по большей части еще столь невѣжественны, что мало постигаютъ различіе вѣръ; но для сего необходимо постоянное дѣйствіе и пребываніе благонамѣреннаго и дѣятельнаго Унитскаго епископа и таковаго же Греческаго, съ особенными нравственными качествами, способнаго къ снисходительному убѣжденію заблуждающихся.

л) Также таковое отчужденіе отъ Православія и Уніатства замѣчается между прислугою помѣщиковъ, которая, увлекаясь примѣромъ и внушеніемъ своихъ владѣльцевъ, принимаетъ Католическое исповѣданіе, и дѣти ихъ окрещаются въ оное домашними капеллянами. Здѣсь способъ наблюденія и огражденія отъ сего зла весьма удобенъ, ибо при малѣйшемъ вниманіи приходскаго начальства сіе обнаружить можно; а потому, по мнѣнію моему, въ семъ случаѣ всю отвѣтственность возложить должно на самихъ помѣщиковъ, на приходскихъ священниковъ, допустившихъ до сего, и на общемъ основаніи на тѣхъ Католическихъ священниковъ, которые въ томъ участвовали.

м) Законъ, вновь подтверждающій о преданіи суду совращающихъ изъ Православнаго исповѣданія, не есть, по мнѣнію моему, достаточенъ; ибо совращенный послѣ духовнаго увѣщанія отсылается къ суду въ судебныя мѣста, составленныя изъ тѣхъ же Католиковъ, и самые совратители подвергаются лишь взысканію той же Римской Консисторіи, тайно способствующей таковымъ противозаконнымъ дѣйствіямъ и потому стремящейся къ закрытію виновныхъ. Я полагалъ бы полезнымъ, чтобъ изобличенные въ томъ, а преимущественно совратители и тѣ священники, которые принимаютъ таковыхъ на исповѣдь безъ надлежащей справки, судимы были въ сосѣдственныхъ Россійскихъ губерніяхъ законами гражданскими, какъ злонамѣренные нарушители государственныхъ постановленій при депутатѣ Католическомъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣсколько подобныхъ примѣровъ скоро положатъ преграду сему злу, столь вредному и унижающему достоинство правительства и господствующаго исповѣданія.

н) Какъ примѣры увлеченія или первоначально равнодушія къ обрядамъ Православной церкви встрѣчаются преимущественно тамъ, гдѣ фанатическій духъ Католицизма поддерживается монашествующимъ духовенствомъ и гдѣ таковые, живучи праздно въ домахъ помѣщичьихъ, исправляютъ требы въ каплицахъ, то и необходимо прекратить опасное вліяніе сихъ послѣднихъ, вредное и въ отношеніи воспитанія ими въ сихъ домахъ юношества, овладѣнія совѣстью владѣльцевъ, под-

ручнаго управленія имѣніями ихъ и увлеченія окружающей прислуги въ Католическую вѣру. А потому, кромѣ принятыхъ уже мѣръ правительствомъ къ уменьшенію числа безпужныхъ каплицъ среди приходовъ Греческихъ и Унитскихъ, было бы не менѣе необходимо воспретить удержаніе при оныхъ монаховъ и опредѣлять къ богослуженію преимущественно священниковъ изъ бѣлаго духовенства, которое весьма рѣдко одушевляется фанатизмомъ вѣры, строго воспретивъ праздношатаніе монашествующихъ подъ видомъ домашнихъ капелляновъ.

о) Необходимо воспретить также устройство Католическихъ часовень, хотя и не для богослуженія созидаемыхъ, среди приходовъ Греческихъ и Унитскихъ, надъ водою и въ иныхъ мѣстахъ, также и возобновленіе крестовъ и распятій, гдѣ проповѣдывали миссіи. Всѣ сіи знаки наружнаго благочестія и поклоненія Католиковъ, возстановляемые иногда среди приходовъ Православныхъ и Унитскихъ, вселяютъ навыкъ и уваженіе къ обрядамъ Католическимъ, а потому весьма вредныя оставляютъ впечатлѣнія. Всѣ сіи наблюдательныя мѣры, къ сожалѣнію, нынѣ въ Бѣлоруссіи неудобоисполнимы; ибо ближайшіе мѣстные блюстители порядка, исправники и городничіе большею частью туземцы, о которомъ неудобствѣ будетъ сказано ниже сего въ своемъ мѣстѣ.

п) Есть даже нѣкоторыя Католическія церкви, которыхъ храмовые праздники и иные дни празднуются вообще всѣми исповѣданіями и привлекаютъ на поклоненіе большое стеченіе народа, какъ напримѣръ: въ Могилевѣ Бернардинская церковь Св. Антонія и Могилевскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Бялыничахъ икона Божіей Матери и иныя въ губерніи часовни. Хотя весьма трудно принять положительныя мѣры для предупрежденія сего соединенія исповѣданій, но мнѣ кажется, что со временемъ, при благоразумномъ и постоянномъ дѣйствіи всѣхъ отраслей мѣстнаго управленія и особенно духовнаго, возможно бы достигнуть постепенно уменьшенія сего безъ пораженія умовъ.

Всѣ изложенныя здѣсь средства, могущія отнять у фанатическаго Римскаго духовенства способы распространять вредное свое вліяніе на край, готовый къ нравственному сближенію съ Россіей, ежели правительство приметъ къ тому постоянныя мѣры, требуютъ положительнаго разсмотрѣнія и точнаго опредѣленія времени, постепеннаго ихъ приведенія въ дѣйствіе, отстранивъ, впрочемъ, всякій фанатизмъ въ исполненіи и дѣйствуя постепенно съ большою осторожностью и избѣгая спльнаго пораженія умовъ. Конечно, весьма прискорбно, чтобы въ вѣкѣ просвѣщенномъ правительство вынуждено было принимать столь положительныя мѣры къ ограниченію одного изъ христіанскихъ исповѣданій; но какъ опытъ доказалъ, что съ онымъ неразлучно и вредное политическое вліяніе, то для блага края и всего государства

не должно терять сего изъ виду, и все, что будетъ сдѣлано къ укрощенію Католическаго фанатизма въ Бѣлоруссіи, будетъ безъ всякаго сомнѣнія служить къ скорѣйшему сближенію оной съ Россіей.

III. Необходимые способы дѣйствія главнаго правительства и мѣстнаго управленія къ достиженію сказанной цѣли.

Изложенные выше способы дѣйствія не могутъ быть приведены въ исполненіе съ должнымъ успѣхомъ и не принесутъ настоящей пользы, доколѣ мѣстное гражданское начальство и прочіе отрасли главнаго управленія не будутъ положительно стремиться къ той же цѣли, ибо единственно отъ гармоніи во всѣхъ частяхъ управленія Бѣлоруссіей зависитъ и самый успѣхъ къ достиженію предположеннаго.

а) Въ большей части Могилевской губерніи, кромѣ части присоединенной въ 1793 году, языкъ Русскій уже столько общій всему населенію, что введеніе онаго въ производствѣ всѣхъ дѣлъ не можетъ встрѣтить никакого затрудненія; сіе доказывается тѣмъ, что во всѣхъ исполнительныхъ частяхъ управленія, входящаго въ сношенія со всѣми сословіями, оный употребляется безъ переводовъ.

б) Въ дворянскомъ собраніи по текущей части употребляется также Русскій языкъ; но, къ сожалѣнію, выводовыя дѣла производятся по-польски, затрудняя лишь просителей и самихъ производителей переводами опредѣленій дворянскаго собранія, которыя могли бы быть писаны по-русски; зло сіе существуетъ еще потому, что не было обращаемо на оное должнаго вниманія. Сіе можно прекратить безъ особаго правительственнаго распоряженія однимъ мѣстнымъ настояніемъ и наблюденіемъ.

в) Въ дворянскихъ опекахъ, которыя многіе годы оставались безъ должнаго наблюденія, часть дѣлъ производилась по-польски; я сіе отмѣнилъ безъ всякаго затрудненія однимъ вниманіемъ и словеснымъ настояніемъ; теперь пишутъ уже въ оныхъ по-русски. Со времени управленія моего Могилевскою губерніей, не принимаютъ ни въ Губернскомъ Правленіи, ни на мое имя просьбъ, писанныхъ по-польски. Обычай сей утвердился безъ малѣйшаго ропота и затрудненія. Примѣры сіи доказываютъ, сколь легко совершенно ввести производство всѣхъ дѣлъ, даже и тяжебныхъ, на Русскомъ языкѣ.

г) Тяжебныя и исковыя дѣла, производящіяся нынѣ по Литовскому Статуту и на Польскомъ языкѣ, по мнѣнію моему, должны бы немедленно приведены быть къ порядку Русскаго производства, и Литовскій Статутъ вовсе навсегда отмѣнить, сохранивъ лишь въ департаментахъ уголовномъ и гражданскомъ предсѣдателей по выборамъ дворянства; ежели же правительству неугодно вдругъ къ сему приступить, то можно до сего достигнуть постепенно, предоставя началь-

нику губерніи давать дѣламъ преимущественно направленіе порядка Россійскаго, что̀ можно исполнить безъ всякаго затрудненія, не возбуждая особаго вниманія; такимъ образомъ нечувствительно можно уменьшить вліяніе Польскихъ законовъ и замѣнить ихъ Русскими.

д) Доказательствомъ, что не будетъ предстоять затрудненій къ введенію порядка Русскаго производства въ дѣлахъ тяжебныхъ и исковыхъ, можетъ служить то, что, съ начала присоединенія края сего, намѣстники Бѣлоруссіи предуспѣли подручнымъ наблюденіемъ направить большую часть исковыхъ дѣлъ порядкомъ Русскимъ, и съ того времени до 1796 года всѣ обыватели Могилевской губерніи пріобыкли было къ опому, и Литовскій Статутъ рѣже нынѣшняго употреблялся.

е) Литовскій Статутъ, коего коренныя начала даютъ поводъ ожидать справедливѣйшаго производства дѣлъ, въ существѣ своемъ, по неопредѣлительности въ немъ способа процедуры и многихъ иныхъ ему собственныхъ недостатковъ, которые прежде присоединенія края постепенно исправлялись конституціями, утвержденными на сеймахъ, нынѣ уже вовсе недостаточенъ, и постановленія онаго, будучи пополняемы и измѣняемы общимъ смысломъ законовъ, издаваемыхъ для всего государства, служатъ лишь поводомъ къ безконечнымъ проволочкамъ и запутанностямъ въ дѣлахъ, отъ которыхъ болѣе терпятъ бѣднѣйшіе.

ж) Несовершенство Литовскаго Статута, смѣсь сего производства дѣлъ съ Русскимъ порядкомъ, особенно въ высшихъ инстанціяхъ, и употребленіе Польскаго языка еще болѣе умножаютъ запутанность въ дѣлахъ; ибо часто просители, усмотрѣвъ, что тяжбы ихъ принимаютъ оборотъ невыгодный, подаютъ прошенія въ высшія инстанціи, и тогда нерѣдко способъ сужденія ихъ измѣняется.

з) Неимѣніе класса адвокатовъ, необходимаго для производства дѣлъ по Литовскому Статуту, чрезвычайно обременяетъ тяжущихся и въ особенности бѣднѣйшихъ.

и) Несуществованіе положительной черты между дѣлами, которыя должны производиться порядкомъ, въ Учрежденіи о губерніяхъ предписаннымъ, и тѣми, которыя подлежатъ производству по Литовскому Статуту, чрезвычайно запутываетъ вообще весь ходъ дѣлъ по губерніи, а въ особенности земскія и городскія полиціи, отъ которой неопредѣлительности, происходящей отъ различій основаній Россійскихъ и Литовскихъ узаконеній и которыя по сей причинѣ весьма трудно сблизить, очень часто дѣла принимаютъ произвольное неправильное направленіе къ обремененію самихъ просителей, о чемъ представлено уже со всею подробностью высшему начальству отъ здѣшняго Губернскаго Правленія*). Изложенныя выше сего нѣкоторыя изъ многочислен-

*) Всѣ исковыя дѣла и окончательное удовлетвореніе оныхъ посредствомъ тради-

ныхъ неудобствъ Польскаго порядка производства дѣлъ столь сильно ощущаемы благоразумною частью обывателей Могилевской губерніи, что отмѣненіе Литовскаго Статута и введеніе Русскаго порядка не произведутъ значительнаго неудовольствія, а, напротивъ того, будутъ пріятны благомыслящимъ обывателямъ, и преимущественно бѣднѣйшимъ, составляющимъ главнѣйшее населеніе губерніи, и въ особенности удобно будетъ сіе исполнить, ежели правительство предварительно знаками отличія и снисхожденія привлечетъ въ пользу свою болѣе значительныя лица въ губерніи.

і) Польза отъ введенія Русскаго порядка столь очевидна и необходима къ исполненію благодѣтельной цѣли Вашего Императорскаго Величества, что, по мнѣнію моему, сія мѣра есть одна изъ первыхъ, которую употребить должно для сближенія края сего съ Россіею, и къ оной должно приступить безъ всякаго промедленія, съ начала приготовляя къ тому умы и наконецъ рѣшительнымъ повелѣніемъ: ибо единственно чрезъ сравненіе политическихъ правъ возможно положить на вѣчныя времена основаніе слитію Бѣлоруссіи съ Россіею, что̀ и было уже въ виду правительства до 1796 года, какъ замѣтить можно изъ приведеннаго выше сего примѣра дѣйствій Бѣлорусскихъ намѣстниковъ.

Для блага цѣлаго, въ семъ важномъ случаѣ мнѣ кажется не должно даже входить въ сужденіе, которыя узаконенія лучше, Россійскія или Литовскій Статутъ; ибо первая цѣль есть совершенное слитіе края сего съ Россіею, и когда законами Русскими управляется все государство, то почему Бѣлоруссія будетъ отъ оныхъ изъята?

к) Введеніе на Русскомъ языкѣ производства дѣлъ по Литовскому Статуту было бы по мнѣнію моему совершенно вредно, ибо послужитъ къ большему утвержденію Литовскихъ законовъ въ Бѣлоруссіи, о которыхъ и память должно стараться изгладить; ибо при существованіи правъ и обрядовъ Литовскаго дѣлопроизводства, и при томъ на Польскомъ языкѣ, Бѣлоруссія никогда должнымъ образомъ не сольется съ Россіею, а напротивъ того постепенно болѣе будетъ утверждаться отчужденіе оной, ежели впрочемъ къ тому не примутся положительныя мѣры; вообще всѣ полумѣры въ столь важномъ случаѣ будутъ совершенно вредны.

л) Кромѣ прописанныхъ выше сего положительныхъ способовъ дѣйствій, отъ высшаго правительства зависящихъ, необходимо и мѣстному начальству постепенно стремиться къ той же цѣли, выводя изъ обыкновенія Польскія наименованія мѣстъ и лицъ и замѣняя ихъ Рус-

---

ціи и эксдивизіи, кромѣ ослабленія общественнаго кредита, чрезвычайно обременительны тяжущимся и вредны благосостоянію края.

скими; до сего можно достигнуть безъ малѣйшаго затрудненія; возможность сего я испыталъ на опытѣ.

м) Необходимо должно замѣщать главнѣйшія мѣста управленія въ губерніи Русскими благонадежными чиновниками и въ назначеніи оныхъ быть весьма осмотрительнымъ; также преимущественно опредѣлять Русскихъ исправниковъ, городничихъ и почтъ-экспедиторовъ, доставивъ имъ нѣкоторыя выгоды по службѣ, ибо безъ того затруднительно имѣть хорошихъ чиновниковъ. Въ семъ важномъ предметѣ правительству не должно дорожить никакими пожертвованіями; ибо рѣшительно можно сказать, что доколѣ главное управленіе губерніи, также земскія и городскія полиціи будутъ составлены изъ туземцевъ и будутъ существовать Литовскія права, то нельзя ожидать успѣха въ исполненіи предпамѣреній правительства, а потому и совершеннаго нравственнаго сближенія.

н) По мнѣнію моему, также было бы полезно дозволить вступать въ службу по свидѣтельствамъ дворянскаго собранія, утвержденнымъ (для предупрежденія злоупотребленій) начальникомъ губерніи; мнѣ кажется, что можно даже допустить, чтобы свидѣтельства сіи имѣли свою силу до полученія чина титулярнаго совѣтника; для дальнѣйшей же службы требовать, чтобы доказательства о дворянствѣ были утверждены Герольдіею, въ которой справедливо требующаяся формальность, затрудняя и умедляя подобнаго рода дѣла, отъемлетъ нынѣ у Бѣлорусскихъ особенно бѣдныхъ дворянъ возможность вступать въ службу и достигать офицерскаго чина, и потому явная полагается преграда къ исполненію цѣли самого правительства. И кромѣ того отъ сего нынѣ встрѣчается большое затрудненіе и недостатокъ въ дворянахъ, имѣющихъ право на занятіе должностей по выборамъ, которыя по сей причинѣ остаются вакантными или замѣщаются весьма часто во вредъ службы людьми недостойными; когда же облегчатся, согласно предположенію моему, способы къ вступленію въ коронную службу, тогда правительство скоро увидитъ большую часть здѣшняго дворянства на поприщѣ оной.

о) Вообще дѣйствія мѣстнаго начальства должны быть единообразны, строги, но справедливы, уклоняясь сколь возможно отъ сильнаго пораженія умовъ и въ особенности отличая достойнѣйшихъ. Свойство Поляковъ есть большое стремленіе къ тщеславію; должно онымъ пользоваться, и отличіемъ тѣхъ, которые болѣе имѣютъ вѣсу въ губерніи, можно значительно облегчить правительству способы къ достиженію своей цѣли, тѣмъ болѣе, что одно духовенство и весьма малая часть дворянскаго сословія сохраняютъ духъ отчужденія отъ Россіи; дворянство же, взятое въ общей массѣ, при малѣйшемъ положи-

тельномъ стремленіи къ сему правительства, при благоразумномъ содѣйствіи мѣстнаго начальства, будетъ соучаствовать во всѣхъ его преднамѣреніяхъ; небольшое вниманіе и незначительные знаки благосклоннаго расположенія правительства, болѣе нежели другія какія мѣры могутъ къ тому ихъ возбудить, не укоснясь между тѣмъ полагать преграду вредному вліянію монашествующаго Католическаго духовенства.

Великая Екатерина старалась всегда сблизить край сей водвореніемъ большаго числа Русскихъ семействъ, чрезъ пожалованіе имъ имѣній; но въ послѣдствіи бо́льшая часть оныхъ перешла въ руки туземцевъ. Мнѣ кажется, что какъ раздача въ потомственное владѣніе имѣній уже вышла изъ цѣли правительства, то оное должно замѣнить раздачею въ аренду Русскимъ казенныхъ имѣній на особомъ основаніи и на продолжительнѣйшее время съ тѣмъ, чтобы семейства Русскія могли бы въ оныхъ водвориться.

Кромѣ всѣхъ изложенныхъ выше сего способовъ къ достиженію сказанной цѣли, болѣе всего необходимо предварительно приготовить умы въ пользу правительства облегченіемъ обывателей въ несомыхъ ими неуравнительныхъ тягостяхъ, гораздо превышающихъ даже способы края. Я весьма далекъ отъ той мысли, чтобы должно было оказывать одной области государства преимущество противъ другихъ, особенно въ ущербъ прочихъ; однакоже есть случаи, въ которыхъ благодѣтельная попечительность правительства должна стремиться къ облегченію неуравнительныхъ тягостей края и оказать ему нѣкоторую помощь, служащую къ коренному улучшенію онаго и располагающую умы обывателей таковою отеческою попечительностью ко всѣмъ преобразованіямъ, которыя благоугодно будетъ правительству ввести.

Причины всеобщей бѣдности Бѣлоруссіи, а въ особенности нищеты и угнетеннаго положенія крестьянъ, происходятъ отъ столь многосложныхъ обстоятельствъ и собственнаго географическаго положенія губерніи, что изложеніе оныхъ требуетъ подробнаго развитія, также и тѣхъ пожертвованій, которыя необходимо правительству сдѣлать, какъ для улучшенія собственно края, такъ преимущественно для расположенія умовъ въ его пользу. Но я изложеніемъ оныхъ здѣсь воздерживаюсь, дабы не обременить протяжностію сей краткой записки, тѣмъ болѣе, что предметъ сей долженъ быть соображенъ съ общими средствами государства; но не могу однакоже умолчать, что сіе совершенно необходимо, ежели правительству угодно приступить къ исполненію благодѣтельной цѣли—сближенію Бѣлоруссіи съ Россіею.

*

Въ заключеніе, обязаннымъ нахожусь доложить, что всѣ прописанныя выше сего мѣры тогда только могутъ быть полезны, когда бу-

дутъ примѣнены съ должною осмотрительностью и постоянно соблюдаемы общими распоряженіями правительства; ибо въ противномъ случаѣ всякое противорѣчіе въ распоряженіяхъ, безнужное оскорбленіе мнѣній и умовъ, употребленіе полумѣръ тамъ, гдѣ должно дѣйствовать рѣшительно и, напротивъ того, употребленіе рѣшительныхъ мѣръ, гдѣ требуются осторожность и предварительное пріуготовленіе мнѣній, которыми всегда весьма легко правительству направлять по своему произволу, особенно въ семъ краѣ, произведутъ болѣе вреда нежели пользы.

Отличительная черта характера большей части обывателей сей губерніи есть покорность, спокойствіе, искательство, тщеславіе въ своемъ краѣ и временная самонадѣянность при малѣйшемъ сомнѣніи въ нерѣшительности правительства, и также безмолвная покорность при дѣйствіяхъ самостоятельныхъ. Основываясь на сихъ чертахъ характера народа, или лучше сказать дворянства, здѣсь весьма незначительнаго и, сверхъ того, еще весьма мало образованнаго, правительству должно соразмѣрять свои дѣйствія, опредѣливъ предварительно время приведенія въ исполненіе предположенныхъ средствъ и нисколько не укосняясь въ оныхъ. Тѣже лица, на которыя нельзя будетъ положиться, можно, подъ благовидными предлогами, польстивъ ихъ тщеславію, помѣстить на приличныя мѣста во внутрь имперіи.

Впрочемъ, правительство можетъ до всего достигнуть въ Бѣлоруссіи, лишь бы положительно къ сему приступило мѣрами осторожными, пользуясь характеромъ и тщеславіемъ дворянства, наградивъ знаками наружнаго отличія наиболѣе оному приверженныхъ. Для лучшаго приличія можно даже склонить многихъ къ поднесенію адресовъ правительству въ томъ смыслѣ, въ которомъ оному будетъ угодно; ибо вообще мнѣніе и духъ обывателей сей губерніи весьма легко могутъ быть направляемы въ пользу правительства, и ежели они еще нѣсколько чужды, то единственно потому, что не было на сей важный предметъ обращаемо должнаго вниманія; словомъ, нужны единая священная воля Вашего Императорскаго Величества, предварительное начертаніе способовъ постояннаго положительнаго дѣйствія и направленіе всѣхъ отраслей управленія сего края къ одной и той же цѣли, и тогда рѣшительно можно удостовѣрить, что Могилевская губернія въ самомъ непродолжительномъ времени, безъ малѣйшаго затрудненія, на вѣчныя времена нравственно сольется съ Россійскою Имперіей.

(Сообщено въ „Русскій Архивъ“ покойною дочерью графа М. Н. Муравьева, Софьею Михаиловной Шереметевой).

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

I.

Прототипы Фонвизинскаго Митрофанушки.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица Всероссійская.

Въ нынѣшнемъ 1732 году Марта, а котораго числа не упомню, по объявленіи вашего императорскаго величества указу о Кадетскомъ Корпусѣ, записанъ я нижепоименованный въ Москвѣ у генерала и кавалера господина Салтыкова во оной корпусъ изъ недорослей кадетомъ. Не зналъ я, въ каковомъ подлинно оной корпусъ имѣетъ быть порядкѣ, и думалъ, что оной будетъ состоять противъ другихъ полковъ; а нынѣ я, по прибытіи моемъ въ Санктпетербургъ, увѣдомился, что оной высочайше учрежденный корпусъ состоитъ въ великихъ наукахъ, и отъ младыхъ лѣтъ въ ученіе подлежащіе, и по крайней мѣрѣ хотя по-россійски читаніе и писаніе твердо знающіе въ оной требуются; и показано быть кадету не больше 18 лѣтъ и отъ богатаго шляхетства.

А я нижеименованный имѣю отъ рожденія своего 19 годовъ въ доходѣ, а паче, что одержимъ головною болію и имѣю крѣпко затхлое въ ушахъ слушаніе, въ памяти своей весьма слабъ, за которою едва по россійски читать книги и то малость церковной печати; а писать, кромѣ своего имени, ничего не умѣю. Къ тому же нахожусь во владѣніи за собой токмо одной небольшой деревни, шляхтичъ хотя и природной, но небогатой. Имѣю я за вышепоказанными моими резонами сказать, что во оной вышепоказанной корпусъ никакъ не гожусь, для того, что во обученіи высочайшихъ наукъ могу время за моими вышепоказанными причинами препровождать напрасно. Къ тому и охоты по слабой своей памяти во ономъ быть не имѣю, а желаю служить вашему императорскому величеству въ армейскихъ полкахъ.

А посему прошу ваше императорское величество милостивымъ указомъ повелѣть, дабы меня нижеименованнаго въ корпусъ не опредѣлять, а опредѣлить въ армейскій полкъ, отослать, понеже и отецъ мой служилъ вашему императорскому величеству въ армейскихъ полкахъ.

Нижайшій рабъ, недоросль Александръ Ивановъ сынъ Самаринъ. Іюня 1732 года.

2.

Всемилостивѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица Всероссійская.

Служилъ я нижайшій при дворѣ ея высочества блаженной памяти государыни царевны Парасковьи Іоанновны пажемъ безотлучно и безъ всякихъ подареній. А по кончинѣ ея высочества отосланы: мой братъ камеръ-пажъ для опредѣленія въ армейскій полкъ въ оберъ-офицеры въ Военную Колегію, а я нижеименованный отосланъ по указу вашего императорскаго величества во вновь учрежденной Кадетской Корпусъ въ кадеты. А понеже по указу вашего императорскаго величества опредѣлять велѣно въ Кадетской Корпусъ отъ 12 и до 17 лѣтъ, а которымъ свыше 17-ти, то отсылаются въ военную службу, для опредѣленія чрезъ государственную колегію, а я нижеименованной имѣю отъ роду 18 лѣтъ и къ тому не знаю языковъ и наукамъ никакимъ не обучался, и невозможно, чтобъ во ономъ корпусѣ, за довольными мои лѣтами, какъ-нибудь обучили*).

Александръ Чаадаевъ.

(Изъ архива бывшаго Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса).

*

Прошло сто лѣтъ, и тѣже имена Самарина и Чаадаева составляютъ нынѣ гордость Русскаго просвѣщенія. Покойный А. С. Хомяковъ говорилъ, что ходъ онаго знаменуется между прочимъ двумя Аксаковыми: дѣдушка Степанъ Михайловичъ таскаетъ свою супругу за косу, а внукъ ихъ Константинъ (котораго Хомяковъ же называлъ «свирѣпымъ агнцемъ») пишетъ диссертацію о Ломоносовѣ Русскими словами, но какъ будто по нѣмецки. П. Б.

*) Далѣе А. Чаадаевъ проситъ опредѣлить его въ армейскіе полки, какъ и Самарина; но императрица не уважила прошепій этихъ кадетъ и приказала помѣстить ихъ въ корпусъ. Года черезъ два оба они были уволены изъ корпуса унтеръ-офицерами.

II.

Балетмейстеръ Ланде.

(† 1746).

Въ архивѣ Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса сохранились бумаги, проливающія нѣкоторый свѣтъ на дѣятельность знаменитаго въ свое время артиста Ланде, родоначальника нашего балета. Выписанный императрицею Анною Іоанновной въ началѣ ея царствованія изъ-за границы, Ланде съумѣлъ войти въ довѣріе къ герцогу Бирону и заслужить расположеніе самой государыни, такъ что онъ сдѣлался настоящимъ хозяиномъ придворнаго театра. Уже за границею Ланде пользовался громкою извѣстностью не только какъ талантливый танцоръ, но и какъ даровитый преподаватель хореграфическаго искусства. Ему мы обязаны созданіемъ перваго Русскаго балета; изъ его школы вышли всѣ наши лучшія въ то время балерины: Аксинья Сергѣева, Елисавета Зорина, Авдотья Тимофѣева, а изъ танцовщиковъ Тимошка Бубликовъ, не уступавшій Французу Лебрену, солисту придворной Итальянской труппы. За свою дѣятельность Ланде былъ осыпаемъ милостями государыни. Кромѣ драгоцѣнныхъ подарковъ, содержаніе ему назначено было не въ примѣръ прочимъ по тому времени значительное: по тысячѣ рублей въ годъ. Извѣстность Ланде, какъ преподавателя, росла; онъ засыпанъ былъ приглашеніями давать уроки въ лучшихъ домахъ столицы. Императрица Анна Іоанновна, создавшая въ первые годы своего царствованія Кадетскій Корпусъ и постоянно заботившаяся о его процвѣтаніи, нашла нужнымъ научить его питомцевъ приличнымъ дворянину манерамъ и „всякимъ инымъ учтивствамъ“, а потому указала главному директору корпуса графу Миниху на Ланде, какъ на самое подходящее лицо, наблюденію котораго могло быть ввѣрено обученіе кадетъ „шляхетнымъ манерамъ и танцамъ“.

Карабановъ въ своемъ „Основаніи Русскаго театра“ разсказываетъ, что знаменитый Ланде былъ приглашенъ въ Кадетскій Корпусъ для обученія танцамъ въ 1752 году, замѣнивъ бывшаго до того учителемъ танцевъ Христіана-Фридриха Вельмана, уѣхавшаго за границу. Чрезъ нѣсколько страницъ ниже, забывъ о сказанномъ, Карабановъ относитъ участіе кадетъ, учениковъ Ланде, въ придворныхъ балетахъ, уже къ 1735 году.

Теперь мы узнаёмъ, что обученіе кадетъ танцамъ учениками Ланде, подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, началось только съ Августа 1740 года. Въ Февралѣ (26-го) 1746 года Ланде скончался.

Письмо фельдмаршала Миниха къ директору Кадетскаго Корпуса Фонъ-Тетау.

Высокоблагородный и высокопочтенный господинъ Кадетскаго Корпуса директоръ.

Обрѣтающійся при дворѣ ея императорскаго величества балетмейстеръ господинъ Ланде обѣщалъ мнѣ изъ находящихся при немъ учениковъ его нѣсколько человѣкъ дать, кои могутъ танцованію обучать въ Кадетскомъ Корпусѣ. Того ради ваше высокоблагородіе изволитъ оныхъ учениковъ отъ него г-на Ланде требовать, и егда даны будутъ, отвести имъ при корпусѣ пристойную квартиру, а въ прочемъ въ надлежащемъ довольствіи содержать. А какое имъ жалованье за то обученье производить надлежитъ, о томъ по усмотрѣніи ихъ искусства и прилежности разсмотрѣніе учинено будетъ впредъ.

И понеже рѣченные ученики отъ показаннаго балетнаго мастера Ланде вовсе отпущены быть не могутъ и имѣютъ иногда обрѣтаться въ присутствіи ея императорскаго величества на театрѣ: того ради, по требованію его Ланде, оныхъ учениковъ отпускать и, для того съ симъ Ланде согласиться, въ которомъ часу они при корпусѣ быть могутъ.

О семъ по изслѣдованіи меня увѣдомить. Вашего высокоблагородія охотный слуга Von-Münnich.

Августа 5 дня 1740 г., въ Санктпетербургѣ.

Отвѣтъ.

Его сіятельству господину генералу-фельдмаршалу, государственной Военной Колегіи президенту, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковнику, Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса шефу и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалеру графу Фонъ-Миниху покорнѣйшій рапортъ.

По силѣ вашего высокографскаго сіятельства присланнаго ко мнѣ ордера сего Августа отъ 5-го числа, съ обрѣтающимся при дворѣ ея императорскаго величества балетнымъ мастеромъ господиномъ Ланде о употребленіи изъ находящихся при немъ учениковъ для обученія въ Кадетскомъ Корпусѣ танцованію, имѣлъ я разговоръ и, по довольномъ о томъ разсужденіи, оный господинъ Ланде обѣщаетъ со своими тремя учениками подъ его возможнымъ смотрѣніемъ, также и отъ него самого показываемыми лекціонами въ Кадетскомъ Корпусѣ на танцъ-бодъ

въ недѣлю четыре дня, въ каждой день послѣ полудня отъ 2-го до 6-го часовъ, порученныхъ ему кадетъ вѣрно, порядочно и учтиво обучать, за что требуетъ на себя и на своихъ учениковъ со всѣмъ жалованья по пятисотъ рублевъ на годъ, и на оное отъ вашего высокографскаго сіятельства всепокорнѣйше прошу высокой резолюціи.

Ѳонъ-Тетау, директоръ.

Августа 21 дня 1740 [1]).

28-го Августа того же года послѣдовало утвержденіе этого рапорта фельдмаршаломъ Минихомъ.

III.

А. П. Сумароковѣ.

(Замѣтка для его біографіи).

Въ архивѣ Перваго Кадетскаго Корпуса сохранилась любопытная бумага, озаглавленная: «О выпускѣ ундеръ-офицеровъ и кадетовъ въ армейскіе полки 14 Апрѣля 1740, № 60». Въ ней находится небольшая замѣтка о сдачѣ вещей и книгъ выпущенными кадетами, и противъ фамиліи Сумарокова помѣчено: «у Французскаго учителя г-на Руина не сдана книга, одна часть Увре де-Мольера [2]).

Это небольшое указаніе дорого для біографа Сумарокова, особенно при скудости вообще какихъ-либо біографическихъ данныхъ, относящихся ко времени пребыванія его въ корпусѣ. Оно указываетъ намъ, въ какомъ направленіи развивался литературный вкусъ этого замѣчательнаго писателя, и опровергаетъ показаніе самого Сумарокова, который увѣрялъ, что съ Французскою классическою литературой ознакомился онъ только по выходѣ изъ корпуса, и развитіемъ своего вкуса къ драматической поэзіи обязанъ самому себѣ. Изъ этой же бумаги узнаёмъ мы имена преподавателей Сумарокова въ корпусѣ. Физику преподавалъ профессоръ Гречъ, Весманъ и Виндорфъ преподавали Нѣмецкій и Русскій языки, Карлъ Везперъ обучалъ артиллеріи, Мерсъ—математикѣ, Дедневъ—геометріи, Городчаниновъ—черченію и рисованію, Руинъ—Французскому языку и знакомилъ своихъ учениковъ съ лучшими произведеніями Французской литературы. Ариѳметику преподавалъ Іоганъ Мельвоутъ.

Сообщилъ **В. Мустафинъ.**

---

[1]) Дѣло объ опредѣленіи въ Шляхетный Корпусъ разныхъ чиновъ 1740 году, № 5, стр. 112—114.

[2]) Т.-е. Oeuvres de Molière.

ЧЕШСКІЙ ФАБРИКАНТЪ ВЪ КУРСКОЙ АРЕСТАНТСКОЙ РОТѢ.

Въ столицѣ Чехіи, Прагѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, проживалъ богатый купецъ, Нѣмецъ Эрнесть-Фридрихъ Шиллеръ. Онъ владѣлъ прядильною фабрикой, находившейся невдалекѣ отъ Праги, большимъ имѣніемъ на берегу рѣки Молдавы и двумя домами въ самой Прагѣ и городѣ Каролиненталѣ. Онъ оставилъ по себѣ троихъ взрослыхъ сыновей: Ричарда, Августа и Эдуарда. Братья жили въ отцовскомъ домѣ и вели сообща фабричное дѣло. Младшій изъ нихъ, Эдуардъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ окончилъ курсъ высшаго спеціальнаго учебнаго заведенія, любилъ заниматься механикой и химіей и былъ хорошимъ сотрудникомъ старшихъ братьевъ. Казалось, что Эдуардъ Шиллеръ могъ прожить весь свой вѣкъ припѣваючи; но странное его увлеченіе Польскимъ мятежомъ совершенно измѣнило его судьбу. Думали ли знакомые Эдуарда, видя предъ собой браваго молодого человѣка, завиднаго жениха, добраго товарища своихъ сверстниковъ, что въ скоромъ времени онъ очутится въ далекой Россіи, въ арестантской ротѣ и, сидя на корточкахъ въ пыли и песку, будетъ мостить камнемъ Курскія улицы, поджидая, когда къ обѣду принесутъ въ кадкѣ арестантскія щи и появятся на сцену куски чернаго рѣшетнаго хлѣба?

Какъ разъ въ то время, когда нашъ герой оставилъ школьную скамью, начали разгораться политическія страсти въ Польшѣ и Западной Россіи. Тогдашнія иностранныя газеты наполнялись извѣстіями о волненіяхъ Поляковъ въ Россіи, о манифестаціяхъ, заговорахъ, объ ожидаемомъ возстаніи Польскаго народа и т. п. Австрійскія газеты подробно трактовали о Польскихъ дѣлахъ, помѣщали очень много корреспонденцій изъ взволнованнаго края и возбуждали въ средѣ читателей сочувствіе къ Полякамъ. Понятное дѣло, извѣстіями изъ Польскаго края въ Прагѣ интересовались не менѣе, чѣмъ въ другихъ Западно-Европейскихъ городахъ. Какъ только вспыхнуло открытое возстаніе, то изъ Галиціи, Венгріи, Восточной Пруссіи, Италіи и Франціи стали направляться въ Россію волонтеры. Но то были большею частью Поляки, или любители-революціонеры, искавшіе приключеній... Какимъ же образомъ богатый Нѣмецъ рѣшился, оставивъ всѣ удобства своей жизни, родину, братьевъ, друзей и знакомыхъ, ринуться въ пламя возстанія,— на этотъ

вопросъ отвѣчать мудрено. Возбудили ли въ душѣ Эдуарда Шиллера желаніе стать въ ряды Польскихъ повстанцевъ газетныя статьи о «страданіяхъ» Польши, переполненныя самыми фантастическими вымыслами объ испытываемыхъ будто бы Поляками притѣсненіяхъ отъ Русскихъ, или онъ имѣлъ какія-либо отношенія съ нашими или Австрійскими Поляками, не знаемъ. Неизвѣстно также, какъ Эдуардъ Шиллеръ ушелъ на театръ возстанія: сообщивъ свое рѣшеніе братьямъ и напутствуемый ихъ сочувствіемъ и пожеланіями, или тайно отъ родныхъ и знакомыхъ, бѣжалъ онъ изъ Австріи, переѣхалъ Русскую границу и вступилъ въ ряды повстанцевъ, образовавшихъ довольно значительную банду, начавшую военныя дѣйствія зимою 1863 года.

Любопытно, что вовсе непривыкшій къ трудамъ и лишеніямъ походной жизни Шиллеръ въ теченіе почти цѣлаго года находился въ Польскихъ бандахъ, и только 7-го Января 1864 года взятъ Русскими войсками въ плѣнъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Нужно замѣтить, что незначительное меньшинство Польскихъ повстанцевъ выдержало столь продолжительное участіе въ мятежныхъ отрядахъ; большинство же «воевало» лишь по нѣскольку недѣль, рѣдко мѣсяцевъ. Но Эдуардъ Шиллеръ побывалъ во многихъ бандахъ, исходилъ значительную часть Царства Польскаго и сражался противъ Русскихъ въ то время, когда одни жалкіе остатки бандъ бродили по лѣсамъ, и для всѣхъ было очевидно, что мятежное дѣло проиграно въ конецъ. Отмѣтимъ и то загадочное обстоятельство, что Шиллеръ, несмотря на полученное имъ на родинѣ хорошее образованіе, не пошелъ дальше рядоваго повстанца и не выдвинулся въ разрядъ начальниковъ, чего, какъ извѣстно, было весьма легко достигнуть. Какъ бы то ни было, нашъ герой принималъ участіе во многихъ стычкахъ и сраженіяхъ съ Русскими и былъ даже раненъ; быть-можетъ, онъ искалъ смерти, но судьба привела его въ Курскъ.

Движимый великодушіемъ, императоръ Александръ II-й даровалъ, въ первый день Пасхи 1863 года, прощеніе возставшимъ Полякамъ, если они положатъ оружіе и возвратятся на путь вѣрноподданическаго долга и повиновенія властямъ. Къ сожалѣнію, заблудшіе не вняли всемилостивѣйшему воззванію и продолжали мятежъ. Тогда правительству необходимо было озаботиться о наложеніи надлежащихъ взысканій на забранныхъ въ плѣнъ повстанцевъ и о размѣщеніи ихъ для отбытія сроковъ наказанія. 11-го Мая по этому предмету были высочайше утверждены *особыя правила,* а въ началѣ Іюня предписано губернаторамъ такъ-называемыхъ «внутреннихъ губерній» озаботиться приготовленіемъ помѣщеній въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства для заключенія въ нихъ Польскихъ инсургентовъ. Назначенъ былъ и главный

начальникъ всѣхъ арестантскихъ ротъ въ имперіи, генералъ-лейтенантъ Синельниковъ, которому высочайше было повелѣно «наблюдать за порядкомъ содержанія Польскихъ мятежниковъ въ арестантскихъ ротахъ». Учреждены были военно-судныя комиссіи для разбора дѣлъ о взятыхъ въ плѣнъ или арестованныхъ Полякахъ. Приговоры этихъ комиссій предоставлено было конфирмовать окружнымъ начальникамъ «отдѣльнаго корпуса внутренней стражи» въ губернскихъ городахъ имперіи, а въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ—главнымъ военнымъ властямъ. Разумѣется, самая большая часть судебной дѣятельности выпала на долю комиссій, находившихся въ объятомъ мятежомъ краѣ; но надо замѣтить, что многочисленныя партіи повстанцевъ въ 1863—1864 годахъ были отправляемы въ городъ Владиміръ-на-Клязьмѣ, гдѣ образована была военно-судная комиссія, разобравшая множество дѣлъ о Польскихъ мятежникахъ, которыхъ въ теченіе года со времени начала возстанія было выслано болѣе 30.000 человѣкъ.

Взятый въ плѣнъ Эдуардъ Шиллеръ былъ прежде всего отправленъ въ Псковъ, какъ сборное мѣсто для повстанцевъ, ссылавшихся изъ Царства Польскаго. Изъ Пскова онъ по этапу былъ пересланъ во Владиміръ, и тамошняя военно судная комиссія приговорила его къ заключенію на нѣсколько лѣтъ въ Курскую арестантскую роту, а затѣмъ на водвореніе въ Енисейскую губернію. Приговоръ былъ утвержденъ командиромъ третьяго резервнаго корпуса, и Шиллера выслали въ Курскъ. Здѣсь онъ находился около двухъ лѣтъ и исполнялъ назначаемыя арестантамъ работы, заключавшіяся главнымъ образомъ въ замащиваніи улицъ, выравниваніи гористыхъ спусковъ, въ устройствѣ насыпей и т. п. Повидимому Шиллеръ, находясь въ Россіи, не имѣлъ сношеній съ родными и не получалъ отъ нихъ писемъ. 21-го Августа 1865 года онъ написалъ письмо къ *Пражскому бургомистру*, котораго просилъ о помощи. Вотъ что, между прочимъ, было сказано въ его письмѣ *).

«Милостивый государь, бургомистръ въ Прагѣ! Съ глубокимъ благоговѣніемъ и преданностью излагаетъ свою просьбу и свое печальное положеніе осужденный... Въ началѣ 1863 года оставилъ я свою родину и принялъ участіе въ Польской революціи; 7-го Января 1864 г. попалъ въ плѣнъ Русскимъ, послѣ чего былъ съ другими арестантами высланъ въ Москву, а затѣмъ во Владиміръ, гдѣ приговоренъ къ заключенію въ арестантскую роту въ Курскѣ. Я нахожусь въ тяжеломъ положеніи и потому рѣшаюсь просить достопочтеннѣйшаго бургомистра увѣдомить моихъ братьевъ и друзей о моемъ несчастіи, такъ какъ мнѣ

*) Переводъ съ Нѣмецкаго сдѣланъ чиновникомъ Губернскаго Правленія.

необходима *помощь изъ отечества*. Вѣроятно, послѣ претерпѣннаго наказанія, я буду сосланъ, какъ поселенецъ, въ Сибирь, гдѣ католицизму положенъ конецъ, и я долженъ буду присоединиться къ Лютеранской или Русской церкви. Если моему брату Августу возможно будетъ пріѣхать въ Россію, то пусть онъ не медлитъ, потому что есть еще время помочь мнѣ несчастному. Для воспоминанія о своей родинѣ я прошу васъ прислать: Исторію Богеміи, а также нѣкоторыя сочиненія по химіи и механикѣ, чѣмъ доставите мнѣ большую услугу. Мои братья и друзья: Ричардъ и Августъ Шиллеръ, Шпенглеръ, Эдуардъ Гейзеръ, кандидатъ нотаріуса въ Каролиненталѣ. Жажду скораго отвѣта. Будьте счастливы, милые братья и друзья, и ты, незабвенная, дорогая родина! Если Богу будетъ угодно, мы опять увидимся».

Курское Губернское Правленіе позволило Шиллеру послать написанное имъ письмо Пражскому бургомистру.

Между тѣмъ вскорѣ судьба Шиллера измѣнилась къ худшему. Дѣло въ томъ, что въ 1866 году признано было полезнымъ изъ арестантовъ, находившихся въ арестантскихъ ротахъ, образовать особыя *рабочія роты*, которыя должны были принять участіе въ сооруженіи полотна желѣзныхъ дорогъ. Для завѣдыванія рабочими ротами былъ назначенъ особый инспекторъ. Въ это время начато было устройство линіи желѣзной дороги отъ Орла до Курска. Въ Орлѣ была сформирована рабочая рота, подъ названіемъ *Польской*, для земляныхъ работъ по желѣзнодорожной линіи. Командиръ Польской роты, штабсъ-капитанъ Хорьковъ, проѣздомъ чрезъ Курскъ, предложилъ командиру Курской роты нѣсколько человѣкъ бывшихъ повстанцевъ, въ томъ числѣ и Шиллера, отправить въ Орелъ. Однако, командиръ Курской роты отказался исполнить это предложеніе и написалъ инспектору арестантскихъ ротъ, генералъ-майору фонъ-Штемпелю: «Хотя г.Хорьковъ и требовалъ въ Польскую роту политическихъ преступниковъ, но я, не имѣя на то приказанія начальства, выполнить его требованія не могъ». Тогда фонъ-Штемпель на самомъ же донесеніи командира Курской роты помѣтилъ: «прошу распоряженія Курскаго Губернскаго Правленія объ отправленіи указанныхъ штабсъ-капитаномъ Хорьковымъ арестантовъ въ Орловскую Польскую роту». Губернское Правленіе распорядилось, и въ Октябрѣ 1866 года бывшій фабрикантъ отправился вмѣстѣ съ другими въ Орелъ, чтобы оттуда, вооружившись лопатой и тяжелою тачкой землекопа, начать земляныя работы.

А. Танковъ.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА.

1857-й годъ *).

Я отправился изъ Знаменскаго въ Калугу (разстояніе отъ Тарусы до Калуги 62 версты) къ мѣсту моего новаго служенія 7 Января. Первыя слова, сказанныя мнѣ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Толстымъ, когда я явился къ нему, были, чтобы я не искалъ квартиры, а поселился бы въ помѣстительномъ казенномъ губернаторскомъ домѣ, коего одинъ только бэль-этажъ онъ, какъ холостякъ, занималъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась губернаторская канцелярія и была квартира правителя ея Владимира Андреевича Лысогорскаго, а третій этажъ оставался почти что пустымъ за исключеніемъ двухъ комнатъ, изъ коихъ одну занималъ дальній родственникъ графа, старикъ Семенъ Васильевичъ Хрущовъ, прибывшій съ нимъ въ Калугу, а другая была потомъ обращена въ огромный птичникъ, въ коемъ до полуста (или даже болѣе) пѣвучихъ канареекъ порхали на свободѣ и гнѣздились. Такъ какъ въ это время не было вакаціи на штатное (т.-е. съ жалованіемъ) мѣсто чиновника особыхъ порученій, то я былъ зачисленъ младшимъ чиновникомъ безъ жалованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлопроизводителемъ по Губернскому Статистическому Комитету съ годовымъ окладомъ въ 500 рублей.

Въ этой новой моей должности я очутился какъ бы въ лѣсу и еще болѣе сталъ втупикъ, когда прочелъ перечень предметовъ, входившихъ въ занятія комитетскія. Собираемыя свѣдѣнія относились къ предметамъ: географіи, геогнозіи, гидрографіи, минералогіи, этнографіи, агрономіи, лѣсоводства, пчеловодства, скотоводства, мѣстной промышленности, ремеслъ, сельскаго хозяйства съ обозначеніемъ числа скота, лошадей, овецъ и свиней, числа фабрикъ по городамъ и селеніямъ и что онѣ производятъ; перечню народонаселенія по расамъ, вѣроисповѣданію, по возрастамъ, по сословіямъ, числа дворянъ обоего пола, пространства ихъ помѣстій, правъ ихъ на дворянскіе выборы,

*) См. выше, стр. 406.

числа священно-и церковно-служителей, монашества, пространства земель и угодій при церквахъ и монастыряхъ; числа каменныхъ и деревянныхъ церквей по городамъ и селеніямъ, числа каменныхъ и деревянныхъ домовъ по городамъ, казенныхъ и частныхъ, числа лицъ служащихъ во всей губерніи съ обозначеніемъ по какимъ вѣдомствамъ, числа купцовъ по гильдіямъ, о подсудности лицъ въ теченіе года, о подушномъ сборѣ, о школахъ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ съ обозначеніемъ числа учителей и учащихся и пр. и пр.

Для каждаго предмета печатныя бланковыя таблицы (всѣхъ было, помнится мнѣ, болѣе шестидесяти на каждую губернію) посылались Статистическимъ Комитетомъ въ земскіе и уѣздные суды, въ городническія правленія и въ градскія полиціи, въ градскія думы, въ магистраты, въ дворянскія и магистратскія опеки, въ казначейства, въ предводительскія канцеляріи, къ благочиннымъ, въ консисторію, въ депутатское собраніе и въ канцелярію директора гимназіи. Случалось, что въ таблицахъ, обратно получаемыхъ изъ земскихъ судовъ и предводительскихъ канцелярій, были разнорѣчія касательно числъ дворянъ въ уѣздѣ и ихъ правъ на выборы, точно также какъ и въ таблицахъ земскихъ судовъ и городническихъ правленій и градскихъ думъ въ ихъ свѣдѣніяхъ о числѣ городскихъ обывателей съ раздѣленіемъ ихъ по вѣроисповѣданіямъ, сословіямъ, народностямъ и промысламъ. Въ подобныхъ случаяхъ таблицы отсылались обратно къ нимъ съ эстафетою на счетъ этихъ мѣстъ для исправленія таблицъ, а весь отчетъ составлялся разъ въ годъ. Но кромѣ сего, члены комитета собирались (или должны были собираться) по мѣрѣ надобности, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи и состояли изъ мѣстнаго архіерея, губернскаго предводителя, предсѣдателей палатъ и прочихъ высшихъ чиновныхъ лицъ; но установленнаго для собранія членовъ комитета времени не полагалось. Для комитетскихъ совѣщаній были также отпечатанные журнальные бланки, и вписывать въ нихъ протоколы засѣданій было обязанностію дѣлопроизводителя комитета.

Не справиться бы мнѣ съ этимъ хаосомъ, еслибы мною не руководилъ чиновникъ губернаторской канцеляріи Васильевъ, который исправлялъ до меня должность дѣлопроизводителя, такъ какъ утвержденнаго таковаго не было. Къ счастію моему, во время четырехъ мѣсяцевъ, что̀ лежала на мнѣ эта обуза, гг. члены ни разу не собирались. Этотъ самый Васильевъ разсказывалъ мнѣ, что однажды противъ посланной имъ въ Перемышльское городническое правленіе таблицы для вписыванія въ ней всѣхъ зданій въ этомъ городѣ, какъ казенныхъ,

такъ и частныхъ, а также и церквей, городничій донесъ комитету, что «въ городѣ Перемышлѣ никакихъ зданій не имѣется.» Что̀ по его понятіямъ обозначало слово «зданіе», трудно угадать.

Графъ Д. Н. Толстой принялъ осенью 1856 г. Калужскую губернію отъ управлявшаго ею въ теченіе почти года г. Барановича [1]), со времени отбытія изъ Калуги бывшаго предъ тѣмъ губернаторомъ Петра Алексѣевича Булгакова, назначеннаго генералъ-провіантмейстеромъ, и потомъ пожалованнаго въ статсъ-секретари. Г. Барановичъ былъ послѣ сего назначенъ вице-губернаторомъ въ Витебскъ (каковымъ онъ былъ, если не ошибаюсь, прежде въ Тулѣ). Правитель губернаторской канцеляріи, В. А. Лысогорскій, былъ опредѣленъ въ эту должность еще П. А. Булгаковымъ, имъ переведенный изъ Тамбова, гдѣ П. А. Булгаковъ былъ передъ тѣмъ губернаторомъ [2]). В. А. Лысогорскій былъ весьма способный и работящій молодой человѣкъ, особенно хорошо владѣвшій перомъ, и его пустилъ позднѣе въ ходъ графъ Д. Н. Толстой; славный былъ онъ товарищъ и никогда не прочь покутить [3]). Графскій сожитель и дальній родня, Семенъ Васильевичъ Хрущовъ, старый маіоръ Аракчеевскихъ южныхъ (кавалерійскихъ) военныхъ поселеній, былъ человѣкъ весьма религіозный и могъ соперничать съ графомъ въ знаніи церковнаго устава. Онъ, Лысогорскій и я ежедневно обѣдали съ графомъ въ четверомъ. Чиновниками особыхъ порученій были: изъ старшихъ, гг. Гавриловъ, Колошинъ и имени третьяго не припомню. Младшими: гг. Кричевскій, Муравьевъ и Михаилъ Владимировичъ Корсаковъ. Послѣдній подалъ въ отставку вскорѣ послѣ моего перевода въ Калугу, и потому я занялъ его мѣсто.

Рѣзко отличался отъ другихъ Николай Петровичъ Гавриловъ, идеалъ слѣдователя, съ коимъ я могъ сравнивать только одного моего быв-

---

[1]) Въ 30-хъ или въ началѣ 40-хъ годовъ, г. Барановичъ былъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Рязани. Не посчастливилось ему по службѣ до конца его карьеры, и онъ не попалъ никогда въ губернаторы Онъ былъ Полякъ, въ концѣ 60-хъ годовъ обратился въ Православіе и чуть-ли не постригся въ Оптиной пустыни.

[2]) Напоминаю, что вслѣдствіе открыто-офиціальной войны между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ кн. Юрьемъ Николаевичемъ Голицынымъ и взаимныхъ ихъ доносовъ, П. А. Булгаковъ былъ переведенъ въ Калугу, а князь Голицынъ уволенъ отъ службы. Первый изъ нихъ былъ примѣрный администраторъ, но дерзокъ и грубъ до крайности съ своими подчиненными.

[3]) Когда графъ Д. Н. Толстой поступилъ снова на службу губернаторомъ въ Воронежъ, онъ перевелъ туда В. А. Лысогорскаго совѣтникомъ Губернскаго Правленія (чѣмъ впрочемъ онъ былъ и въ Калугѣ при преемникѣ графа Толстаго, В. А. Арцымовичѣ) и позднѣе доставилъ ему мѣсто вице-губернатора въ Перми.

шаго Рязанскаго товарища, С. Т. Славутинскаго. При громадной, пріобрѣтенной практикѣ, г. Гавриловъ *) прилежно продолжалъ заниматься теоріею юридическихъ занятій и далеко пошелъ. И его, какъ и В. А. Лысогорскаго, вывезъ изъ Тамбова П. А. Булгаковъ. Совѣтниками Губернскаго Правленія были: гг. Карповъ, Косачъ, и фамилію третьяго я забылъ. Старшій изъ нихъ, Григорій Степановичъ Карповъ, посѣдѣвшій въ этой должности, имѣлъ нѣкоторую рутину въ дѣлахъ; но нашъ новичекъ вице-губернаторъ Н. И. Юркевичъ, только-что вышедшій изъ л.-гв. конногренадерскаго полка, видѣлъ въ немъ какую-то особенную геніальность, и г. Карповъ былъ въ его глазахъ неоспоримымъ авторитетомъ. Второй совѣтникъ, Михаилъ Григорьевичъ Косачъ былъ свѣтски-цивилизованный или, правильнѣе, лакированный человѣкъ, не безъ примѣси аффектаціи въ говорѣ и манерахъ: одѣвался изящно, и во всей его персонѣ видна была порядочность; лицомъ свѣжъ и румянъ, но сѣдовласъ какъ лунь не по лѣтамъ, тщательно всегда выбритый и съ гладко причесанными вплоть до глазъ висками. Я сказалъ, что онъ посѣдѣлъ преждевременно, потому что въ описываемое мною время ему было только сорокъ съ небольшимъ лѣтъ. Выписывалъ онъ періодическіе журналы и изъяснялся литературнымъ современнымъ слогомъ, немного протяжно и округляя свои фразы; а когда попадались ему на языкъ слова Французскаго происхожденія, какъ напримѣръ: «гувернантка,» то онъ произносилъ послѣдній слогъ «нантка» гнуся. Не сходился нашъ совѣтникъ коротко ни съ кѣмъ и въ обществѣ не показывался, кромѣ клуба, гдѣ, какъ холостякъ, онъ проводилъ вечера за карточнымъ столомъ по маленькому кушу, а когда разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь, или слушалъ докладъ младшаго секретаря по своему отдѣленію въ Губернскомъ Правленіи, то, засунувъ, бывало, руки въ боковые карманы своихъ широкихъ брюкъ и покачиваясь слегка на каблукахъ, онъ отъ времени до времени выправлялъ воротнички безукоризненно-бѣлой сорочки или поправлялъ свой галстукъ. Вообще въ немъ замѣтна была наклонность молодиться. Случилось съ нимъ однажды довольно непріятное, по его привычкамъ, приключеніе. Пришедъ обѣдать по холостяковскому своему обычаю въ общественный трактиръ, тогда наилучшій въ Калугѣ, онъ усѣлся за отдѣльнымъ столомъ, а въ сосѣдней комнатѣ шумно пировалъ разгульный купчикъ, содержатель почтовыхъ лошадей. Купчикъ этотъ мѣтилъ было въ градскіе головы и угощалъ разливнымъ моремъ Шампанскаго, не столько вліятельныхъ лицъ изъ солидныхъ негоціантовъ, какъ всякую шушеру изъ закадычныхъ своихъ пріятелей и прихлѣбателей. «Анъ нуть-

*) Въ настоящее время, Н. П. Гавриловъ председатель Тульскаго Окружнаго Суда.

ка-съ», подхватывала паразитская ватага, «покажи-ка намъ, какъ ты взойдешь въ думу градскимъ головою и какія ты тамъ рѣчи заговоришь и новые порядки начнешь заводить!» И буйный купчикъ, выскочивъ на середину зала, принялся было репетировать начальническую роль, какъ вдругъ, въ пылу ораторства, замѣтивъ нашего совѣтника, скромно сидѣвшаго въ сосѣдней комнатѣ, схватилъ полный бокалъ и подбѣжалъ къ нему съ просьбою: «Касачикъ, выпей бокальчикъ!» Легко представить себѣ, съ какимъ негодованіемъ, при этой фамиліярности, чопорный нашъ совѣтникъ отклонилъ отъ себя предлагаемый бокалъ. Но испытанія его этимъ не прекратились, и обиженный отказомъ купчикъ угостилъ его за отказъ площадною, извѣстною Русскою руганью, въ составъ коей входитъ имя матери. Не вытерпѣлъ Михаилъ Григорьевичъ и, не кончивъ своего обѣда, побѣжалъ съ жалобою къ губернатору, коимъ былъ уже тогда В. А. Арцымовичъ.

Хорошій человѣкъ былъ вице-губернаторъ Н. И. Юркевичъ, и ему оказалъ графъ Д. Н. Толстой служебную и въ тоже время семейную услугу. Отецъ его, богатый господинъ, держалъ сына на черезчуръ скудной денежной порціи, пока онъ не добьется до званія превосходительства, а между тѣмъ у Николая Ильича уже было восемь или девять человѣкъ дѣтей, и трудно было ему перебиваться. Поэтому графъ Толстой, на первыхъ же порахъ своего пріѣзда въ Калугу, выхлопоталъ ему въ министерствѣ то, что̀ составляло предметъ родительскаго честолюбія, а для сына насущной потребности.

Асессоромъ Губернскаго Правленія былъ нѣкто Вагинъ, а старшимъ секретаремъ Александръ Дмитріевъ Ходовъ, человѣкъ не безъ значенія на своемъ мѣстѣ. Предсѣдателемъ Казенной Палаты былъ г. Кабритъ, вскорѣ по моемъ опредѣленіи въ Калугу переведенный въ другую губернію, а на его мѣсто былъ назначенъ г. Толмачевъ, весьма недалекій господинъ. Когда графъ Дмитрій Николаевичъ вышелъ въ отставку въ 1858 году, а до пріѣзда его преемника должность губернатора исправлялъ вице-губернаторъ Юркевичъ, г. Толмачевъ все освѣдомлялся, не отправится ли на ревизію по губерніи вице-губернаторъ, чтобы онъ могъ (по положенію) быть хотя калифомъ на часъ и числиться исправляющимъ должность губернатора въ городѣ. «Чай вамъ непріятно», однажды спросилъ онъ у одного изъ нашихъ чиновниковъ особыхъ порученій, «что на мѣсто графа Толстаго теперь новый губернаторъ?» — «Когда человѣкъ добросовѣстно исполняетъ свои служебныя обязанности», отвѣчалъ мой товарищъ, «ему все равно, кто бы ни былъ его начальникомъ». — «Однакоже», настаивалъ г. Толма-

човъ, «вѣдь можетъ же случиться, что ваша физіономія не понравится ему?» — «Ну, если случится такой губернаторъ, который будетъ судить о своихъ подчиненныхъ по одной ихъ физіономіи, то я и самъ не пожелаю служить при немъ», отвѣчалъ нашъ молодецъ. Этими анекдотами о г. Толмачевѣ я забѣжалъ впередъ, дабы болѣе не возвращаться къ его личности.

Предсѣдателемъ Гражданской Палаты былъ въ то время князь Андрей Васильевичъ Оболенскій, женатый на Дьяковой [1]), а Уголовной Палаты—Александръ Ивановичъ Яковлевъ, человѣкъ феноменальной неспособности и тупоумія [2]). Привожу одинъ примѣръ его юридическихъ понятій и познаній. Однажды заарестованъ былъ крѣпостной человѣкъ графа Шувалова, выдававшій себя за попа раскольничьей секты. При немъ найдены были (на сколько помню) іерейское облаченіе, служебныя книги и чуть ли даже не церковные сосуды, вмѣстѣ съ чиномъ присоединенія «отъ Никоніановской ереси приходящихъ». И такъ, въ дѣлѣ о немъ было двоякое обвиненіе: первое—въ распространеніи ереси, за что онъ подвергался (на основаніи 216 ст. Уложенія о Наказаніяхъ, по изд. 1857 года) лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ за предѣлы Европейской Россіи, а второе—въ бродяжничествѣ, за которое, по 1216, 1217 и 1218 статьямъ того же Уложенія, онъ подлежалъ къ отдачѣ въ солдаты или арестантскія роты, на время отъ 10 до 12 лѣтъ, или къ поселенію въ Сибирь. Калужская Уголовная Палата обвинила его въ одномъ только присвоиваніи себѣ непринадлежавшаго ему чина и, на основаніи 1942 статьи того же Уложенія, присудила къ денежному штрафу [3]).

Управляющимъ Палатою Государственныхъ Имуществъ былъ г. Волковъ, тихій и скромный человѣкъ, а губернскимъ прокуроромъ молодой еще правовѣдъ, г. Трузсонъ, отличный малый, подвергшійся позднѣе гоненію за либеральное свое направленіе, при реакціонномъ министерствѣ Валуева, замѣнившаго въ 1862 году графа С. С. Ланскаго. Архіереемъ былъ уже и тогда тотъ же самый Григорій, что и нынѣ, поступившій незадолго предъ тѣмъ на мѣсто скончавшагося

---

[1]) Отецъ этой молодой княгини Оболенской былъ женатъ вторично на нашей Московской аматёрской примадоннѣ, Елисаветѣ Алексѣевнѣ Окуловой.

[2]) Этотъ г. Яковлевъ не имѣетъ ничего общаго съ Калужскимъ же Семеномъ Павловичемъ Яковлевымъ, о коемъ сейчасъ придется говорить.

[3]) Замѣчательнаго этого рѣшенія самъ я не читалъ; но о немъ передано было мнѣ графомъ Д. Н. Толстымъ, протестовавшимъ, конечно, противъ онаго.

Николая *), а губернскимъ предводителемъ только-что выбранный Ѳедоръ Сергѣевичъ Щукинъ, на мѣсто г. Уньковскаго.

Должность жандармскаго штабъ-офицера занималъ не по чину г.-м. Гринфельдъ, человѣкъ благонамѣренный и прямой. Овъ былъ ярый садоводъ: цвѣтники его сдѣлали бы честь любому по профессіи садовнику, какъ по богатству ассортиментовъ растеній, такъ и по выгонкѣ ихъ. Кромѣ воздушной части, Гринфельдъ особенно искусно выдерживалъ въ комнатахъ множество розъ, кактусовъ и луковичныхъ растеній, какъ бы въ оранжереѣ, и надъ всѣмъ этимъ собственноручно трудился, и даже возилъ землю на тачкѣ, окапывая и поливая клумбы безъ садовника, съ помощію одного своего дворника и раздѣляя работу съ нимъ съ Нѣмецкою аккуратностью пополамъ. Онъ былъ произведенъ въ генералы за долголѣтнюю службу, съ оставленіемъ, не въ примѣръ другимъ, въ его функціяхъ и съ окладомъ штабъ-офицерскимъ. Старый, но бодрый и румяный былъ этотъ холостякъ. Въ обществѣ онъ рѣдко показывался и тратилъ значительную часть своего жалованья и пенсіона (уже имъ выслуженнаго) на любимое свое садоводство. Между нимъ и графомъ Толстымъ произошло маленькое столкновеніе на первыхъ порахъ пріѣзда послѣдняго въ Калугу. Когда весь губернскій высшій и низшій чиновническій персоналъ являлся, какъ это обыкновенно водится, къ новому губернатору, генерала Гринфельда не находилось въ этомъ числѣ: онъ кичился, должно быть, тѣмъ, что генералъ-маіорскій чинъ выше дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и потому старшему не обязательно являться къ младшему. Графъ никакого, конечно, замѣчанія ему не сдѣлалъ на это; но, дабы взаимныя ихъ отношенія обрисовались правильнѣе на будущее время, графъ Дмитрій Николаевичъ пригласилъ его къ себѣ по дѣламъ службы, и волею-неволей военный генералъ долженъ былъ первый явиться къ статскому.

Калужское осѣдлое, такъ-сказать, общество было изъ мѣстныхъ дворянъ и лицъ, поселившихся въ Калугѣ по разнымъ случайностямъ, кромѣ служебныхъ. Оно было несравненно многочисленнѣе Рязанскаго. Нѣкоторыя лица имѣли свои собственные дома, какъ напримѣръ княгиня Наталья Петровна Оболенская (вдова князя Александра Петровича, бывшаго почетнымъ опекуномъ Московскаго Воспитательнаго Дома) и Семенъ Павловичъ Яковлевъ. Съ нимъ я не замедлилъ возобновить прежнее мое знакомство въ Москвѣ, во время нашихъ ама-

*) Преосвященный Николай (бывшій когда-то Московскимъ викаріемъ), умеръ, послѣ долгихъ страданій, вслѣдствіе паденія съ экипажемъ во время своихъ разъѣздовъ по епархіи.

тёрскихъ концертовъ, въ началѣ 40-хъ годовъ, въ коихъ участвовала его жена, Зенаида Александровна, рожденная Берингъ (родная сестра Меропы Александровны Новосильцовой). Такого милаго и дружнаго между собою семейства, какъ Яковлевы, трудно сыскать, и много отрадныхъ часовъ я провелъ въ средѣ его. Оно состояло изъ четырехъ дочерей и двухъ сыновей. Старшая изъ первыхъ, Софія Семеновна, которой было 18 или 19 лѣтъ, не жила тогда съ родителями: ее взяла къ себѣ въ Петербургъ, года три или четыре передъ тѣмъ, ея бабушка по матери, княгиня Софья Егоровна Вяземская. Вторая была шестнадцатилѣтняя Олимпіада Семеновна, и двѣ малолѣтнія, Зенаида и Наталья. Старшему сыну было 11 или 12 лѣтъ, и его вскорѣ помѣстили въ Пажескій Корпусъ[1]), а меньшому было 5 или 6 лѣтъ. Олимпіада Семеновна напоминала мнѣ мою Анну во всемъ, кромѣ наружности, и я привязался къ ней какъ бы къ моей кровной; да и дѣвушка она была выходившая изъ общаго разряда. Тихонравная, скромная и немного застѣнчивая, съ любящимъ сердцемъ, религіозная въ высшей степени, веселаго довольно характера, всѣми и всѣмъ довольная: въ ея глазахъ всѣ люди были хорошими; пороковъ ихъ она не замѣчала и о нихъ судила по своей душевной чистотѣ. Отецъ и мать дали утонченное воспитаніе своимъ дѣтямъ, и у дочерей были иностранныя гувернантки, не Парижанки-болтуньи, что̀ однимъ лишь градусомъ выше прикащицъ модныхъ магазиновъ, какъ бываетъ сплошь да рядомъ, а съ солидными манерами и правилами и фундаментально-образованныя[2]). Обѣ старшія сестры безукоризненно говорили по-французски, по-англійски и по-нѣмецки. Олимпіадѣ Семеновнѣ захотѣлось учиться по-итальянски, и я съ радостію предложилъ ей мои посильныя услуги. Она сама, помнится мнѣ, указала на методъ Робертсона, для изученія Итальянскаго языка, методъ точь-въ-точь такой же, какимъ я руководствовался въ преподаваніи Англійскаго языка моей Анетинѣ. При дарованіяхъ юной моей ученицы, успѣхъ превзошелъ всякое ожиданіе, и не болѣе какъ въ три мѣсяца она уже свободно переводила съ Итальянскаго на Французскій языкъ и обратно. Знаменательно было для меня это сближеніе двухъ молодыхъ и столь интересныхъ существъ, единственныхъ моихъ ученицъ, коимъ, какъ неземнымъ жилицамъ, предназначенъ былъ одинаковый жребій. Въ одномъ и томъ же воз-

[1]) Нынѣ начальникъ Московской таможни. П. Б.

[2]) Гувернанткою у Яковлевыхъ была позднѣе Француженка, нѣкая m-lle Mulanie, воспитанница Французскаго училища „le Sacré Coeur“ въ Римѣ, гдѣ она знавала мою племянницу, графиню Анну Петровну Бутурлину, монахиню въ этомъ заведеніи и всѣми тамъ уважаемую. Эта мамзель Мюлани до того обрадовалась знакомству со мною, что чуть не бросилась мнѣ на шею, какъ родная.

растѣ обѣ были отторгнуты скоропостижно отъ родителей, предстали чистыми отъ мірскаго соприкосновенія предъ Творцомъ и тамъ сдѣлались молитвенницами за своихъ родителей [1]). Даже учебный методъ Робертсона, вещь столь незначительная, былъ звѣномъ между обѣими и мною!.. Олимпіада Семеновна была роскошная, бѣлая и розовая дѣвушка, съ черными выразительными глазами и темными волосами. Вполнѣ красавицею быть мѣшалъ ей лишь плосковатый немного носикъ и опущенныя оконечности пышнаго ротика.

Семенъ Павловичъ Яковлевъ, по нынѣ здравствующій, былъ и есть фанатикъ-меломанъ и даже весьма порядочный виртуозъ на скрипкѣ. О немъ разсказываютъ, что когда въ первый разъ онъ присутствовалъ въ Петербургѣ на одной изъ новыхъ оперъ Верди, какая-то оркестровая комбинація до того восхитила его, что онъ, не вытерпѣвъ, воскликнулъ: «Отцы родные, что̀ это вы со мною дѣлаете!» Шутки въ сторону, онъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ и нѣжный семьянинъ, и дай Богъ всякому прожить въ такомъ супружескомъ согласіи, какъ онъ жилъ съ покойною Зенаидою Александровною, женщиною недюжиннаго разряда [2]). Состояніе у него хорошее, и винный заводъ, существующій уже болѣе 20 лѣтъ, идетъ успѣшно по сіе время. Городской его домъ (на Архангельской улицѣ, насупротивъ церкви Св. Архистратига Михаила) игрушечка; по наружной архитектурѣ и по внутреннему изящному устройству и комфорту, онъ могъ бы быть украшеніемъ столицы. Онъ построенъ по плану одного Нѣмецкаго архитектора [3]).

Открытымъ домомъ жила молодая чета Храповицкихъ. Почему они выбрали губернскій городъ мѣстомъ постояннаго своего жительства, тогда какъ ихъ средства дозволяли имъ жить въ столицѣ, не знаю; а впослѣдствіи Варвара Александровна Храповицкая, по смерти

---

[1]) Олимпіада Семеновна скончалась холерою въ Петербургѣ, въ домѣ своей бабки, княгини С. Е. Вяземской, въ 1861 году, заявляя окружавшимъ ея одръ, что умираетъ съ радостію, въ надеждѣ вѣчнаго блаженства. Никакое семейное горе не постигло ея никогда, а родители и бабушка ея не чаяли души въ ней.

[2]) Она умерла отъ апоплексическаго удара на Святой недѣлѣ, въ 1865 или 1866 году. Первый ударъ постигъ ее въ покояхъ преосвященнаго Григорія, коего она пріѣхала поздравить съ Пасхою, послѣ вечерень на первый день праздника, и тутъ же ей кровь пустили, къ великому испугу преосвященнаго

[3]) Все сказанное о С. П. Яковлевѣ совершенно вѣрно; но слѣдуетъ прибавить, что онъ былъ величайшій говорунъ. Бывшій Калужскій губернаторъ Булгаковъ отзывался о немъ, что „онъ кровь заговариваетъ“. И вправду, слушая безконечную его рѣчь, у иныхъ кровь останавливалась. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстаго.*

мужа, купила даже домъ въ Калугѣ. Она была одно изъ тѣхъ существъ, о которыхъ говорится «bonne comme du pain»: проста и ровна въ обращеніи со всѣми и всѣми любима. Никто не дозволилъ бы себѣ не только остраго словечка на ея счетъ, но даже и шуточнаго намека. Мужъ ея, нигдѣ тогда не служившій, даже по дворянскимъ выборамъ, ѣзжалъ за границу на короткое время, но, помнится мнѣ, безъ жены.

Проживала также въ Калугѣ, не знаю по какому случаю, Марья Степановна Толстая. Она была вдова и имѣла при себѣ одну только дочь, Марью Васильевну, уже взрослую и недурную собой, умершую въ дѣвицахъ. У княг. Натальи Петровны Оболенской дѣтей не было, и она воспитывала, какъ дочь, свою племянницу, миловидную блондинку, также княжну Наталью (по отчеству я забылъ) Оболенскую, назначивъ ее своею наслѣдницей. Менѣе чѣмъ черезъ годъ по моемъ переходѣ въ Калугу, поселился у княгини Натальи Петровны родной ея братъ, князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, прощенный Декабристъ, съ женою Сибирячкой и съ двумя мальчиками [1]). Отъ природной сердечной доброты и вслѣдствіе (вѣроятно) долговременной ссыльной жизни и бремени годовъ, князь Евгеній Петровичъ сдѣлался настоящимъ дитятею въ практической жизни, взамѣнъ чего онъ вынесъ изъ страдальческаго терноваго своего пути глубокое религіозное направленіе и рѣдкую кротость въ сужденіяхъ. Богъ сподобилъ его воспріять немного позднѣе благочестивую кончину [2]). Во время подготовительныхъ работъ въ Петербургѣ по дѣлу объ эмансипаціи крестьянъ, Я. И. Ростовцовъ, одинъ изъ главныхъ, какъ извѣстно, двигателей великаго этого событія, улучилъ время прискакать на нѣсколько часовъ въ Калугу, чтобы повидаться съ забытымъ всѣми послѣ тридцатилѣтняго исчезновенія Калужскимъ отшельникомъ [3]). Я. И. Ростовцовъ принадлежалъ къ тому же тайному обществу, какъ и князь Евгеній Петровичъ, но вышелъ

---

[1]) Одинъ изъ сыновей князя Евгенія Петровича, нынѣ (въ концѣ 1874 года) уѣзднымъ (или земскимъ) врачемъ въ Тарускомъ уѣздѣ.

[2]) Въ началѣ 60-хъ годовъ, на Страстной седмицѣ, въ Чистый Четвергъ или Великую Субботу, князь Евгеній Петровичъ, причастившись Св. Тайнъ въ соборѣ, едва пришелъ домой, какъ съ нимъ случился апоплексическій смертельный ударъ.

[3]) Я. И. Ростовцовъ пріѣзжалъ въ Генварѣ 1855 года въ Москву на юбилей Университета. Тогда его исторія 1825 года и вполнѣ чистый образъ дѣйствій не были еще разъяснены, и кто-то въ Москвѣ про него сострилъ, что онъ въ одно и тоже время отецъ и сынъ (Іаковъ-Іуда). П. Б.

изъ него незадолго до Декабрьскаго разгрома, и потому незаслуженно пріобрѣлъ у иныхъ прозвище Іуды Искаріота *).

Изъ мужского персонала, проживавшаго въ Калугѣ, рѣзко выдавались двѣ личности: Декабристъ Гаврила Степановичъ Батенковъ и старикъ князь Святополкъ-Мірскій. Послѣдній находился подъ надзоромъ полиціи, но изрѣдка посѣщалъ графа Дмитрія Николаевича.

Біографія Батенкова не вполнѣ выяснена въ нашихъ историческихъ журналахъ, и о немъ упоминается лишь вскользь въ «Русскомъ Архивѣ», въ «Русской Старинѣ» и немного пространнѣе въ Запискахъ Н. И. Греча въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1868 (кажется) годъ; да и въ этихъ Запискахъ онъ выставленъ великимъ кутилою, чтобы не сказать пьяницею. Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя я могъ по сю пору собрать о немъ. Батенковъ былъ родомъ Сибирякъ, служилъ въ артиллеріи и въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ, при чемъ былъ жестоко раненъ и брошенъ за мертво на полѣ битвы. О дальнѣйшей его службѣ мнѣ ничего не извѣстно до того времени, когда онъ сдѣлался приближеннымъ человѣкомъ уже прощеннаго Сперанскаго, по атестаціи коего онъ перешелъ къ графу Аракчееву, пріобрѣлъ расположеніе его и даже имѣлъ нѣкоторое при немъ значеніе. Былъ онъ замѣшанъ въ Декабрьскомъ заговорѣ и просидѣлъ что-то очень долго, чуть ли не около двадцати лѣтъ, въ Петропавловской крѣпости; но странно то, что не встрѣчается его имени въ слѣдственномъ дѣлѣ о Декабристахъ. Въ первыя 16 или 17 лѣтъ его заключенія ему не давали ни письменныхъ принадлежностей, ни книгъ, и единственная, которую разрѣшено было ему, наконецъ, имѣть, была Библія. Какой требовался избытокъ нравственныхъ и физическихъ силъ, чтобы не умереть или не сойти съ ума! Да и когда я зналъ Гаврила Степановича въ Калугѣ уже старикомъ, организмъ его былъ еще желѣзный и обличалъ мускулёзнаго когда-то атлета. Выпустили его, наконецъ, изъ заточенія и отвезли на родину, въ Сибирь. Тамъ никого изъ его родственниковъ

*) Я только-что вспомнилъ удачный весьма „bon mot“ Авраама Сергѣевича Норова насчетъ самого себя и Я. И. Ростовцова. На одномъ придворномъ балѣ, во время разговора А. С. Норова (тогда министра народнаго просвѣщенія) съ Я. И. Ростовцовымъ, который былъ директоромъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, государь Николай Павловичъ, подошедъ къ нимъ, спросилъ у перваго: что́ новаго въ городѣ?—„Новаго только то, государь“, отвѣчалъ А. С. Норовъ, „что въ городѣ поговариваютъ, будто народное просвѣщеніе въ Россіи покоится на лонѣ Авраама и Іакова“. Услыхавъ это, государь расхохотался. Другая острота. Старикъ Норовъ ходилъ на деревяшкѣ. Товарищемъ его по Министерству Народнаго Просвѣщенія былъ тоже старикъ князь П. А. Вяземскій. Говорили, что это министерство: трехногая кляча, и то съ *поровомъ*.

не было уже въ живыхъ, и никто не зналъ его. Брошеннаго безъ всякихъ средствъ въ какой-то уѣздный городишко, несчастнаго призрѣлъ одинъ тамошній обыватель. «Мы съ тобой люди убогіе», сказалъ этотъ милосердецъ своей женѣ, «но подѣлимся послѣднимъ нашимъ кускомъ хлѣба съ этимъ бѣднякомъ: авось Господь Богъ насъ за то не оставитъ». И жилъ Батенковъ нѣсколько лѣтъ у своихъ благодѣтелей [1]). Однажды этотъ добрякъ отправленъ былъ въ какую-то очень дальнюю командировку, за нѣсколько тысячъ верстъ, и передъ отъѣздомъ говоритъ онъ своему жильцу: «Гаврила Степановичъ, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; если что̀ случится со мною, не оставь, прошу тебя, мою жену; ты знаешь, я сдѣлалъ что̀ могъ для тебя». Чуяло сердце добраго этого человѣка, что онъ болѣе не вернется, и дѣйствительно, онъ померъ на чужой сторонѣ. А что̀ могъ сдѣлать Батенковъ для вдовы и семейства покойника, прозябавшихъ на одномъ его скудномъ достаткѣ? Но вотъ восшелъ на престолъ грядущій освободитель милліоновъ крестьянскихъ рабовъ, и всѣ Декабристы, оставшіеся въ живыхъ, возвращены на родину. Было когда-то у Батенкова какое-то незначительное имущество, а такъ какъ онъ пропалъ безъ вѣсти и родственниковъ никакихъ у него не оказалось, то имущество это, какъ выморочное, поступило въ казну. Теперь прибѣгнулъ онъ къ царю съ прошеніемъ по сему дѣлу. Навели справки о существованіи когда-то указаннаго просителемъ имѣнія; показаніе подтвердилось, но о судьбѣ владѣльца ничего не было извѣстно. Тогда государь выдалъ Батенкову 12 тысячъ рублей (если не ошибаюсь) изъ собственной своей шкатулки, и Батенковъ, взявъ съ собою вдову своего благодѣтеля, пріѣхалъ первоначально въ Тульскую губернію, гдѣ находился, кажется, кто-то изъ старыхъ его знакомыхъ [2]), но вскорѣ затѣмъ поселился въ Калугѣ и купилъ тамъ скромный домикъ на Дворянской улицѣ. Онъ еще былъ тогда плотный и несгорбленный мужчина, съ твердою поступью и громкимъ голосомъ, и говорилъ почти что съ эмфазисомъ, чуждымъ, впрочемъ, всякой афектаціи, и съ нѣкоторою разстановкой; не злословилъ никого и принималъ живое участіе въ современныхъ событіяхъ, и даже въ мелочахъ ежедневной жизни губернскаго города. Домъ и небольшой свой капиталъ онъ завѣщалъ жившей при немъ вдовѣ Сибирскаго своего благодѣтеля, которая вышла замужъ еще при

---

[1]) Это были Томскіе граждане Лутчевы. П. Б.

[2]) Это было благословенное семейство Елагиныхъ. Старушка Авдотья Петровна, вдова артиллериста Алексѣя Андреевича, которому нѣкогда Батенковъ былъ другомъ и товарищемъ, и ея два сына, Василій и Николай, назначили Батенкову пенсію и посылали ее въ Томскъ, а потомъ въ Калугу. П. Б.

его жизни за товарища предсѣдателя Калужской Гражданской Палаты, г-на Цурикова, человѣка много моложе ея [1]).

Второю замѣчательною личностью былъ престарѣлый князь Святополкъ-Мирскій, человѣкъ довольно загадочный. Акцентъ обличалъ въ немъ чистаго Поляка, но таковымъ онъ не признавалъ себя и заявлялъ, что онъ Русскій. Про его похожденія въ молодости ничего мнѣ неизвѣстно, кромѣ того, что онъ долго жилъ во Франціи, послѣ чего поселился въ Алжирѣ, гдѣ купилъ ферму на участкѣ казенныхъ земель, или взялъ ее въ аренду на долгій срокъ; потомъ, разсорившись за что-то съ Французскимъ правительствомъ, переѣхалъ въ Австрію, гдѣ также не поладилъ съ Вѣнскою высшею администраціей, перебрался въ Петербургъ, въ министерство графа Льва Алексѣевича Перовскаго, и принялъ Православіе, вмѣстѣ съ взрослою своею дочерью [2]). Не вѣмъ, чѣмъ досадили Рюриковскому прямому потомку Французское и Австрійское правительства; но онъ бранилъ на чемъ свѣтъ стоялъ и падшаго Людовика-Филиппа, и воцарившагося Наполеона III-го, и Габсбургской династіи императора. Находился онъ въ Калугѣ подъ надзоромъ начальника губерніи, не потому что былъ замѣшанъ въ политическихъ заговорахъ, а потому, какъ я слышалъ, что онъ доводилъ до свѣдѣнія Государя, что онъ имѣетъ якобы большее право на Всероссійскій престолъ, чѣмъ царствующій домъ Романовыхъ, по своему прямому (какъ сказано выше) пропсхожденію отъ Рюрика. По моему, кромѣ смѣшного, ничего не было въ этой династической претензіи, за которую не стоило подвергать его административному надзору, тѣмъ болѣе, что по его рѣчамъ можно было подозрѣвать, что его умственныя способности были не въ совершенно-нормальномъ состояніи.

Не было недостатка на балахъ въ военныхъ кавалерахъ, такъ какъ въ Калугѣ квартировалъ тогда пѣхотный фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго полкъ, командовалъ коимъ пожилыхъ уже лѣтъ полковникъ Чуди, уроженецъ княжества Зигмарингенскаго. О немъ разсказывали, что въ первой молодости, находясь въ Прусской службѣ, онъ участвовалъ въ Ватерлоскомъ сраженіи и потому носилъ орденъ, выданный въ воспоминаніе этой битвы, и вотъ этотъ-то самый орденъ

---

[1]) Я былъ у Батенкова въ Декабрѣ 1861 года, и онъ въ то время былъ еще настолько свѣжъ и бодръ, что я удивился, узнавъ о его кончинѣ въ слѣдующемъ 1862-мъ или 1863-мъ году.

[2]) Сыновья помѣщены были государемъ Николаемъ Павловичемъ въ казенныя учебныя заведенія, а надъ однимъ изъ нихъ, уже взрослымъ, совершено было, въ церкви Кадетскаго Корпуса таинство Св. Крещенія, съ погруженіемъ въ воду. П. Б.

(или медаль) служилъ будто бы предметомъ вѣчныхъ упрековъ со стороны престарѣлаго его отца, такъ какъ старшій Чуди находился въ Наполеоновскихъ войскахъ въ этотъ злополучный для Французовъ день. Начальникомъ дивизіи, штабъ коей находился въ Калугѣ, былъ генералъ Тетеревниковъ, а начальникомъ артиллеріи генералъ Гагеманъ, супруга коего была урожденная княжна Кастріоти Скандербекъ-Грегоровичъ-Барбаросса, изъ сочетанія каковыхъ фамилій опредѣлить съ точностью національность этой дамы трудно [1]).

Въ Калугѣ я сблизился съ Иваномъ Леонтьевичемъ Тимофеевскимъ, съ коимъ познакомился въ 1855 году въ Тарусѣ. Онъ содержалъ откупъ и, препоручивъ оный своему повѣренному, переѣхалъ въ Калугу съ семействомъ, а самъ сдѣлался управляющимъ отсутствующаго тамошняго откупщика Воронина. Съ этого времени мои и жены моей отношенія съ этимъ семействомъ сдѣлались короткими. Мужъ и жена были почтенные, добродушные и услужливые люди, любили жить съ комфортомъ и обстановкою комъ-иль-фотнаго сословія, хотя сами были мѣщанскаго происхожденія. Иванъ Леонтьевичъ, уроженецъ Новгородской губерніи, гор. Крестцовъ, началъ свое поприще сидѣльцемъ въ кабакѣ и впослѣдствіи, долго служа въ Петербургѣ по винному откупу, въ кругу образованныхъ людей, почувствовалъ потребность просвѣщенія, и если самъ не достигъ вполнѣ до этой цѣли, то далъ тщательное воспитаніе своимъ дѣтямъ, изъ коихъ двое сыновей были въ описываемое мною время въ Калужской гимназіи, а нынѣ проложили себѣ хорошую по службѣ дорогу; единственная же дочь, Ольга Ивановна, успѣшно выдержала, изъ любви къ наукѣ, университетскій экзаменъ, вовсе не помышляя поступить въ учительницы, такъ какъ отецъ ея владѣетъ большимъ капиталомъ [2]). Нѣжная заботливость о своихъ чадахъ иногда доходила у Ивана Леонтьевича до комичности. Въ лѣтнее время, когда старшіе его сыновья Константинъ и Викторъ, уже студенты Московскаго университета, гостившіе у него въ Тарусѣ (гдѣ онъ имѣлъ собственный домъ и продолжалъ содержать откупъ до уничтоженія въ 1863 году откупной системы) засиживались до поздней почи у насъ въ Знаменскомъ [3]), онъ становился безпокоенъ и начиналъ приставать къ женѣ: «Мамаша, не случилось ли чего съ дѣтьми?»—«А чего добраго», насмѣшливо отвѣтитъ добрая

[1]) Она Далматка. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстаго.*

[2]) Она вышла замужъ въ концѣ 1863 года за моего сослуживца, не разъ упомянутаго, Викентія Ѳомича Раковскаго, бывшаго тогда однимъ изъ Тарускихъ мировыхъ посредниковъ, а нынѣ (въ 1874 году) прокуроромъ Владимирскаго Окружнаго Суда.

[3]) Напоминаю, что отъ Знаменской нашей усадьбы до Тарусы всего двѣ версты.

и разсудительная всегда Екатерина Михайловна, «вѣдь они маленькіе: того и гляди, упадутъ, пожалуй, въ прудъ» *).

Изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ губернскихъ городовъ ни одинъ не производитъ такого грустнаго впечатлѣнія, какъ Калуга, своими руинами, свидѣтельствующими о прежнемъ ея процвѣтаніи. По многимъ ея улицамъ стоятъ изолированными громадные палацы, въ полуразрушенномъ нынѣ видѣ, нѣкогда принадлежавшіе первостатейнымъ купцамъ-милліонерамъ: Золотаревымъ, Билибинымъ и другимъ, имена коихъ я забылъ. Таковыхъ тузовъ въ началѣ нынѣшняго вѣка считали десятками, а въ 50-хъ годахъ во всемъ городѣ едва ли былъ одинъ купецъ первой гильдіи. Въ концѣ прошлаго и въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка Калуга вела огромную торговлю пенькою и юфтянымъ производствомъ и отчасти хлѣбомъ съ Ригою. Для послѣдняго продукта, какъ и для пеньки, Калуга была складочнымъ мѣстомъ, а кожи выдѣлывались на мѣстѣ; но мало-по-малу, съ 20-хъ годовъ, торговля этими предметами приняла другое направленіе, и городъ началъ постепенно упадать. Прежніе капиталисты перемерли, а обѣднѣвшіе ихъ наслѣдники продали или отдали въ наймы свои трехъэтажные дома подъ казармы, больницы и подобныя общественныя надобности, или, продолжая занимать сами незначительную часть этихъ домовъ, запустили остальныя. Гостиный дворъ, съ его безсмысленною полуготическою и полумавританскою архитектурой, бывшею въ модѣ въ первой четверти нынѣшняго вѣка, построенъ въ такихъ размѣрахъ, что могъ бы, пожалуй, удовлетворять требованіямъ столичнаго населенія; а теперь въ его опустѣлыхъ проходахъ и линіяхъ хоть шаромъ покати: не задѣнешь никого. Въ городѣ насчитывается до 30 тысячъ жителей, тогда какъ Рязань, имѣя не болѣе половины этого числа, несравненно оживленнѣе. Если бы въ Калугѣ вмѣсто улицъ были каналы, то къ ней можно было бы примѣнить то, что̀ сказалъ Шатобріанъ о Венеціи, что «гробовое ея безмолвіе нарушается лишь паденіемъ въ лагуны камней съ ея дворцовъ». Правда, что Калуга раскинута, какъ Тамбовъ, на огромномъ пространствѣ, включающемъ немало пустырей. Все это выкупается живописною мѣстностью. Два противуположные конца города, примыкающіе къ Тульской и Смоленской заставамъ, построены на холмахъ и дебряхъ, не говоря уже о высокомъ и крутомъ берегѣ надъ Окою, на которомъ высятся соборъ, присутственныя мѣста, публичный садъ и губернаторскій домъ.

*) Е. М. Тимофеевская скончалась въ 1868 году. Старшій ея сынъ Константинъ уже давно флотскимъ медикомъ, а Викторъ товарищемъ прокурора Воронежскаго Окружнаго Суда.

Единственная сохранившаяся въ Калугѣ историческая древность (кромѣ нѣкоторыхъ церквей, да и тѣ не весьма глубокой старины), это домъ мѣщанина Коробова, въ коемъ жилъ, если вѣрить преданію, Тушинскій самозванецъ съ Мариною и, къ счастію для археологіи, этотъ домъ (каменный одноэтажный) не подвергался никакимъ варварскимъ перестройкамъ ни снаружи, ни во внутреннемъ устройствѣ. У обѣднѣвшаго его хозяина сохранялись до 40-хъ годовъ отрѣзки старинныхъ парчевыхъ вельможническихъ одеждъ и, помнится, что я видѣлъ у него нѣкоторыя весьма древнія иконы [1]). Существуетъ также мѣстное преданіе, что Тушинскій воръ похороненъ на соборной площади, близъ семинаріи, и въ первой четверти сего вѣка еще указывали будто бы на камень, лежавшій надъ его могилою.

Графъ Дмитрій Николаевичъ, какъ холостякъ, баловъ не давалъ, да и средства его не дозволили бы ему подобной траты. По Попедѣльникамъ бывали у него карточные мужскіе съѣзды, а въ остальные дни онъ проводилъ вечера надъ бумагами, или имѣлъ свою партію дома, а иногда ѣзжалъ въ гости, хотя рѣдко. Чаще всего онъ бывалъ у княгини Н. П. Оболенской, у которой его партію составляли: хозяйка дома, ея братъ, князь Евгеній Петровичъ, и князь Андрей Васильевичъ Оболенскій. Мы обѣдали въ пять часовъ, а такъ какъ графъ садился играть или выѣзжалъ не ранѣе десятаго часа, то эти три часа незамѣтно пролетали въ интимной и часто назидательной бесѣдѣ въ его кабинетѣ, и изъ нихъ-то я вынесъ много духовной и интеллектуальной пользы: онѣ-то раскрыли мнѣ, какъ мало Русскаго человѣка было дотолѣ во мнѣ, какъ я сбивался на космополита, а главное, какъ мало я былъ свѣдущъ въ уставахъ исповѣдуемой мною церкви. Тутъ же я почерпнулъ первое ясное понятіе о славянофильствѣ, его направленіи и цѣляхъ, тогда какъ до того времени я видѣлъ въ немъ одно лишь модное увлеченіе Москвичей и лингвистико-археологическое занятіе. Стыдно становится, когда вспомню, что, до этихъ съ графомъ Толстымъ бесѣдъ, я игнорировалъ даже имя столь доблестнаго борца нашей церкви и народности, каковымъ былъ Хомяковъ [2]). Семенъ Васильевичъ Хрущовъ былъ (какъ прежде сказано) человѣкъ глубоко-вѣрующій и настолько силенъ въ церковномъ уставѣ, что могъ поддерживать словопреніе и препираться съ графомъ. Помню, между прочимъ, одно между ними преніе по поводу VI-го ирмоса, что̀ поется на утрени Ве-

[1]) Снятый мною съ этого дома рисунокъ былъ помѣщенъ въ 1860-мъ году въ „Архивѣ“, издаваемомъ Н. В. Калачевымъ.

[2]) Къ величайшему моему стыду, я тогда не зналъ даже, что въ Смутное время былъ великій защитникъ Русской земли и мученикъ, святитель Гермогенъ. Русскою исторіей я началъ заниматься только съ 1869 года.

ликой Субботы: «Ятъ бысть, но не удержанъ въ персѣхъ китовыхъ Іона». Въ истолкованіи послѣднихъ словъ этого ирмоса они расходились. Не имѣя дотолѣ никакого понятія даже о существованіи этого ирмоса, я, конечно, все время молчалъ, но не замедлилъ снестись съ Рязанскимъ моимъ духовникомъ и душевнымъ другомъ, протоіереемъ Иваномъ Ефимовичемъ Любимовымъ, прося его прислать мнѣ его объясненіе этого церковнаго пѣснопѣнія. Въ этихъ преніяхъ участвовалъ также приходившій изрѣдка къ графу въ эти часы ректоръ семинаріи, архимандритъ Агапитъ, молодой еще человѣкъ, большой начитанности и съ знаніемъ Французскаго языка. Можно было надѣяться, что со временемъ изъ него выйдетъ замѣчательный іерархъ, но, къ сожалѣнію, онъ подверженъ былъ, какъ мнѣ сказывали, горячимъ напиткамъ, и потому, вѣроятно, онъ далѣе архимандритства не пошелъ. Переводили его настоятелемъ монастырей съ одного конца Россіи въ другой, а въ настоящее время онъ чуть ли не проживаетъ гдѣ-то на покоѣ. Часто задаю себѣ вопросъ, отчего это суждено ученому человѣку, Русской исключительно народности, спиваться, какая физіологическая тому причина, между тѣмъ какъ подобная скорбная вещь не встрѣчается между учеными другихъ націй?.

Графъ Дмитрій Николаевичъ настолько силенъ въ Славянскомъ нарѣчіи, что перевелъ съ Русскаго сказаніе о явленіи Калужской чудотворной иконы Божіей Матери. Икона же эта находится постоянно не въ городѣ, а въ урочищѣ Калужкѣ, въ трехъ верстахъ отъ него. Въ прошломъ столѣтіи мѣстность эта принадлежала какому-то помѣщику, въ домѣ котораго заброшена была на чердакѣ, въ числѣ разнаго хлама и въ поврежденномъ, вѣроятно, видѣ, старая картина, писанная на холстѣ, Итальянской, очевидно, кисти, изображающая одну Богородицу, безъ предвѣчнаго Младенца, въ синемъ покрывалѣ и съ книжкою въ рукахъ. Эта икона, повидимому, составляетъ только половину изображенія Благовѣщенія, а ея «pendant», долженствующій изобразить архангела, утраченъ. Одна изъ хозяйскихъ дочерей вытащила съ чердака эту картину, принятую ею за портретъ какой-нибудь монахини и шутя сказала сестрѣ, что желаетъ воздать подобающій почетъ заброшенной игуменьѣ. Однакоже, вскорѣ послѣ сего, открылось ей въ сонномъ видѣніи настоящее значеніе картины, вслѣдствіе чего она и все ея семейство, уразумѣвъ свою ошибку, поставили эту картину между семейными иконами, и чудотворныя дѣйствія не замедлили произойти отъ нея. Тогда благочестивый помѣщикъ, считая себя недостойнымъ удерживать долѣе подобную святыню въ своемъ домѣ, пе-

репесъ ее въ приходскую церковь, гдѣ она и осталась по сіе время, и вѣрующіе не замедлили получать многія Божія милости чрезъ нее.

Икона эта переносится разъ въ годъ въ Калужскій каѳедральный соборъ, гдѣ и остается въ теченіе всего Августа мѣсяца. Вотъ это-то временное пахожденіе иконы въ городѣ послужило однажды поводомъ для эпиграмматической выходки графа Д. Н. Толстаго насчетъ строительной и дорожной комиссіи, просившей разрѣшенія принять у себя икону (на это требовалось согласіе губернатора, какъ предсѣдателя этой комиссіи, а равно также Приказа Общественнаго Призрѣнія и Губернскаго Правленія, въ коихъ онъ былъ непосредственнымъ начальникомъ). «Какъ! Царицу Небесную въ ваши стѣны? Полноте, господа», отшучивался графъ посланному отъ комиссіи. «Вѣдь это будетъ святотатство. А благо, что у васъ проявилось религіозное настроеніе, такъ вотъ вамъ мой совѣтъ: отправьтесь-ка вы всѣ на кладбище и тамъ отслужите торжественную панихиду по архитекторѣ N, предоставившемъ вамъ и преемникамъ вашимъ насущный хлѣбъ». Исторія объ архитекторѣ N слѣдующая. Въ первомъ или второмъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка построенъ былъ, подъ наблюденіемъ какого-то дѣльнаго губернатора, огромный каменный мостъ, съ арками въ два яруса, чрезъ широкій оврагъ, пересѣкающій улицу, ведущую отъ присутственныхъ мѣстъ къ церкви Одигитріи и къ Смоленской заставѣ. По своей массивности и прочности мостъ напоминалъ древнія Римскія постройки и до сороковыхъ годовъ едва ли подвергался починкамъ; значитъ, для гг. архитекторовъ съ него было, какъ съ козла, ни шерсти, ни молока; и вотъ, во время губернаторствованія Н. М. Смирнова, нѣкій архитекторъ N взошелъ съ представленіемъ въ Строительную Комиссію о томъ, что въ мосту груда желѣзнаго матеріала, связей, полосъ и пр., совершенно ненужнаго, употребить который можно было съ несравненно большею пользой на другіе предметы. Члены Комиссіи нашли, что проектъ архитектора N основателенъ, и представили таковой на утвержденіе губернатору, который согласился на ихъ доводы, вслѣдствіе чего состоялось журнальное о томъ постановленіе. Винить въ этомъ Н. М. Смирнова было бы несправедливо, такъ какъ онъ не могъ быть спеціалистомъ по строительной части и довѣрялся гг. техникамъ. Вытащили все желѣзо, что̀ могли, изъ моста, и менѣе чѣмъ чрезъ десять лѣтъ онъ до того осѣлъ, что надо было приступить къ капитальной его передѣлкѣ, а три или четыре года позднѣе мостъ потребовалъ вторичнаго исправленія, хотя не столь уже значительнаго, какъ въ первый разъ. Вотъ почему графъ Толстой указывалъ гг. архитекторамъ творить торжественное благодарственное поминовеніе по душѣ почившаго ихъ предшественника и благодѣтеля.

Изъ этого можно видѣть, что графъ Дмитрій Николаевичъ придерживался въ служебномъ дѣлѣ Латинской поговорки «castigare ridendo mores [1])», чему могу привести и другой примѣръ, доказывающій въ тоже время его готовность на доброе дѣло и игривость способа въ достиженіи этой цѣли. Однажды ему подалъ прошеніе какой-то тамошній гимназистъ, не кончившій еще курса, о зачисленіи его въ губернаторскую канцелярію. Просьба была написана на столько плохо, что графъ (всегда откровенный со всѣми) отвѣчалъ просителю, что въ гражданской службѣ требуется правильное знаніе Русскаго языка и чистописанія и совѣтовалъ ему поступить лучше въ военную. Заблистали глаза у гимназиста при перепективѣ эполетъ; но онъ объяснилъ, что родители его не имѣютъ средствъ экипировать его. «Объ этомъ не хлопочите», сказалъ сердобольный графъ, «я васъ снаряжу какъ слѣдуетъ, лишь бы вы доставили мнѣ письменное удостовѣреніе вашихъ родителей о ихъ согласіи на ваше поступленіе въ военную службу». На слѣдующій день явились къ графу родители юноши съ изъявленіемъ ихъ согласія, но подтвердили слова сына о ихъ невозможности экипировать его. Потому графъ поручилъ правителю своей канцеляріи, В. А. Лысогорскому, заняться снаряженіемъ всего нужнаго для будущаго юнкера, съ бѣльемъ включительно, что̀ стоило около 70 рублей, и при свиданіи съ начальникомъ дивизіи Тетеревниковымъ графъ просилъ его быть благосклоннымъ къ его кліенту. Благодаря этому ходатайству, юный воинъ подвергся самому легкому экзамену при поступленіи на службу и вскорѣ облекся въ мундиръ съ галунами. Вскорѣ послѣ сего событія, приходитъ къ графу содержатель гостинницы Кулона [2]) съ вопросомъ, можетъ ли онъ дѣлать кредитъ графскому племяннику, частенько посѣщающему его гостинницу. Графъ отвѣчалъ, что никакого племянника въ Калугѣ у него нѣтъ, при чемъ напомнилъ Кулону, что при самомъ своемъ вступленіи Калужскимъ губернаторомъ онъ публиковалъ, чтобы въ городѣ не дѣлали никакого кредита служащимъ при его домѣ людямъ. Во время этого разговора (въ пріемномъ залѣ губернаторскаго дома) вдругъ входитъ самъ герой разсказа, и на него указываетъ Кулонъ, какъ на выдающаго себя за графскаго племянника. «Да!» сказалъ тутъ графъ. «Я объ немъ и забылъ: онъ дѣйствительно мой племянникъ, но всетаки кредиту ему прошу васъ не дѣлать». Едва вышелъ Французъ, какъ графъ крикнулъ своимъ людямъ

[1]) Насмѣшкою исправлять нравственность.

[2]) Тотъ самый, что̀ въ 40-хъ годахъ содержалъ въ Петербургѣ знаменитую гостинницу на Михайловской площади, впослѣдствіи содержателя Клея. Напоминаю, что Кулонъ началъ съ того, что въ началѣ 30-хъ годовъ былъ метръ-дотелемъ у свѣтлѣйшаго князя П. П. Лопухина, тогда командира 1-й гусарской дивизіи.

принести пучокъ розогъ. Оторопѣлъ нашъ псевдоплемянникъ; но, видя, что аппараты для школьной экзекуціи не на шутку приготовлялись, онъ сталъ на дыбы и началъ припоминать, что дворянъ сѣчь нельзя.— «Я и безъ тебя хорошо это знаю», серіозно отозвался графъ, «да я постороннаго какого нибудь дворянина и не подумалъ бы наказывать, а какъ дядя, имѣю полное право высѣчь шалуна-племянника». Тотъ въ слезы и не радъ былъ, что присвоилъ себѣ это родство. Потѣшившись вдоволь его испугомъ, графъ отпустилъ его, конечно, нетронутымъ.

Графъ вывелъ однажды весьма куріозный расчетъ о томъ, сколько часовъ въ сутки губернаторъ долженъ былъ посвящать своимъ занятіямъ, дабы исполнить въ точности невозможный для исполненія губернаторскій наказъ. Во первыхъ, по апомаліи, встрѣчавшейся въ программѣ административныхъ уложеній, губернаторъ подразумѣвался (il était censé) якобы лично присутствующимъ ежедневно въ Губернскомъ Правленіи, въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія и въ Строительной и Дорожной Коммиссіи. Во вторыхъ, подъ непосредственнымъ его вѣдѣніемъ находились Комитетъ о земскихъ повинностяхъ и Коммиссія народнаго продовольствія, по коимъ былъ у него ежедневный (почти) докладъ. Третье, въ число суточныхъ занятій входили, какъ и понынѣ, пріемъ просителей на дому, Петербургская офиціальная переписка, текущія дѣла по его губернаторской канцеляріи и докладъ по рѣшеніямъ Уголовной Палаты, требовавшимъ его согласія, а въ случаѣ его протеста дѣла эти восходили до Сената. Городскія полицейскія и тюремныя дѣла также требовали разсмотрѣнія. Словомъ, по вѣрному исчисленію, по часамъ, губернаторскихъ ежедневныхъ занятій, графъ Дмитрій Николаевичъ вывелъ, что если бы исполнять буквально весь губернаторскій наказъ, то изъ 24 часовъ оставалось бы ему не болѣе какъ три часа для сна, ѣды и для пріема просителей, а для моціона не оставалось бы ни минуты. Слыхалъ я, будто бы Сперанскій, составитель, какъ извѣстно, у насъ Свода Законовъ, говаривалъ, что Россія «держится неисполненіемъ законовъ». Чего добраго, вѣдь былъ же на моей памяти нѣкій Тосканскій государственный мужъ и мудрецъ, маркизъ Фоссомброни, который, убѣдившись, что всякіе законы и уложенія почти что лишніе, потому-де что міръ и люди идутъ себѣ своимъ чередомъ и безъ нихъ, придумалъ административный афоризмъ, что «il mondo va da se» (свѣтъ идетъ самъ по себѣ, т. е. безъ надобности помочей).

Передавая характеристику графа Дмитрія Николаевича, не хочется мнѣ пропустить молчаніемъ о феноменальномъ его употребленіи чаю.

Едва проснется (а вставалъ онъ рано) и до 12 часовъ, когда подавали завтракъ, самоваръ слѣдовалъ за самоваромъ, и это снова продолжалось послѣ завтрака до 2-хъ часовъ, когда графъ выѣзжалъ со двора. Возвратившись домой въ 4 часа, онъ ложился спать до обѣда (бывшаго въ 5 часовъ), а послѣ обѣда опять начиналось чаепитіе, продолжавшееся до 9 часовъ, если онъ уѣзжалъ въ гости, а если имѣлъ свою партію дома, самовары не переставали шипѣть до 1-го или 2-го часа пополуночи. Сколько дюжинъ стакановъ чая выпивалъ графъ въ теченіи дня, счесть невозможно; но завѣдывавшій тогда его домашнимъ хозяйствомъ С. В. Хрущовъ сказывалъ какъ-то мнѣ, что выходило въ мѣсяцъ отъ семи до восьми фунтовъ чая, судя по каковой пропорціи можно бы было предполагать, что сахару выходило по малой мѣрѣ полтора пуда, вмѣсто чего выходило лишь отъ 9 до 10 фунтовъ въ мѣсяцъ, такъ какъ графъ пивалъ чай совершенно безъ сахара, а иногда съ поджаренымъ миндалемъ *).

Въ одно прекрасное утро, приходо-расходчикъ Губернскаго Правленія К. исчезъ, захвативъ съ собою 7 или 8 тыс. рублей казенныхъ денегъ и оставивъ на имя графа письмо, въ которомъ писалъ, чтобы его не искали, потому что когда письмо доставлено будетъ по принадлежности, то трупъ автора его уже будетъ расклеванъ птицами. Графъ, распросивъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ изчезновенія приходо-расходчика и узнавъ, что онъ выѣхалъ изъ своего дома на извозчикѣ, естественно не повѣрилъ этому заявленію. Онъ справедливо заключилъ, что для того, чтобы посадить себѣ пулю въ лобъ, не нужно было тратить денегъ на извозчика, и потому поручилъ чиновнику особыхъ порученій г. Кричевскому отправиться въ догоню бѣглеца. Порученіе было крайне затруднительно, но слѣдователю помогло то обстоятельство, что К. вмѣстѣ съ деньгами укралъ три бланка казенныхъ подорожныхъ, №№ которыхъ записываются впередъ въ особый реестръ. При помощи этихъ №№, Кричевскому не трудно было, по справкѣ на почтовой станціи, удостовѣриться, куда отправился бѣглецъ, и хотя онъ пустился въ путь подъ чужимъ именемъ, на каждой станціи предъявлялъ другія подорожныя и съ другими именами, но предательскіе №№ послужили слѣдователю нитью Аріадны, и онъ прослѣдилъ вора до Москвы; тамъ онъ узналъ, что К. послѣ ночлега въ гостиницѣ «Эрмитажъ» отправился по Владимирскому тракту. Кричевскій продолжалъ слѣдить за нимъ

*) Въ этомъ отношеніи, графъ составилъ себѣ такую извѣстность, что П. И. Бартеневъ, не будучи еще лично съ нимъ знакомъ, спросилъ у меня однажды: бывшій директоръ департамента полиціи исполнительной графъ Толстой, тотъ ли самый что пьетъ такъ много чаю?

до самаго Владимира, но здѣсь слѣдъ его пропалъ. Тогда онъ бросился къ ямщикамъ и, узнавъ, кто изъ нихъ привезъ нашего героя во Владимиръ, отыскалъ такимъ путемъ и того ямщика, который повезъ его дальше, уже на вольныхъ лошадяхъ и не по почтовой дорогѣ. Прослѣдя его и этимъ путемъ сначала до Тамбова, слѣдователь настигъ его наконецъ въ Саратовѣ, гдѣ нашелъ его спящимъ въ одной гостиницѣ, съ пистолетомъ однакоже и кинжаломъ на столѣ, возлѣ кровати; а такъ какъ г. Кричевскаго сопровождала полиція, то, войдя безъ шума въ комнату и завладѣвъ оборонительными орудіями, они взяли и связали его. За симъ онъ былъ привезенъ обратно въ Калугу арестованнымъ. Это удачное выполненіе возложеннаго на моего сослуживца порученія дѣлаетъ много чести его смѣтливости, и я долженъ сознаться, что не съумѣлъ бы выйти такъ успѣшно изъ подобнаго дѣла.

Калужское общество взволновано было свѣжимъ тогда случаемъ дерзкаго грабежа, жертвою коего былъ богатый отставной генералъ Хамратъ и его семейство, жившіе въ своемъ имѣніи, недалече отъ Калуги. Однажды ночью, ворвалась въ его домъ переодѣтая и замаскированная шайка и, связавши хозяина дома и его дочерей, ограбила все движимое имущество, въ томъ числѣ кредитные и ломбардные билеты, коихъ, какъ говорили, было не на малую сумму. Отъ испуга одна изъ его дочерей померла. Всѣ розыски отыскать этихъ разбойниковъ долго оставались тщетными, и только года черезъ три, или даже болѣе, полиція случайно напала на ихъ слѣдъ, схвативъ одного изъ этой шайки по другому грабежу.

Въ концѣ Февраля я попросился въ отпускъ, въ Москву, куда звалъ меня Н. А. Дивовъ, по дѣлу о взысканіи съ Обнинскихъ денегъ, завѣщанныхъ мнѣ моей матерью. Я присталъ, по указанію Дивова, на квартирѣ недавно передъ тѣмъ умершаго его брата, Петра Адріяновича, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ домѣ дьякона Николо-гнѣздненской церкви. Самого Николая Адріяновича еще не было въ Москвѣ: отъ прибылъ туда изъ Варшавы (гдѣ былъ тогда генералъ-провіантмейстеромъ) съ недѣлю послѣ меня и остановился на квартирѣ Анны Петровны Ракитиной, въ домѣ князя Юсупова, что на углу Леонтьевскаго переулка и Никитской. Встрѣтилъ онъ меня болѣе чѣмъ сухо, даже сурово, и упрекалъ въ неблагодарности къ П. П. Новосильцову, за то что я промѣнялъ его на графа Д. Н. Толстаго. Я возразилъ, что если я въ жизни когда нибудь грѣшилъ неблагодарностію, то конечно къ одной моей матери и не къ кому другому; что былъ и всегда буду признателенъ Петру Петровичу за постоянно родственное его ко мнѣ вниманіе; что прослужилъ при немъ три года со всѣмъ

возможнымъ усердіемъ; но что, хотя одна изъ причинъ, побудившихъ меня перейти на службу въ Калугу, была дѣйствительно публичный и незаслуженный афронтъ отъ моего начальника, но что мнѣ и безъ того невыносимо было продолжать службу въ Рязани, въ постоянной разлукѣ съ моимъ семействомъ. Всѣ эти аргументы были, кажись, вѣскими; но кузенъ мой, не смотря на многія хорошія свои качества, упрямъ до крайности въ своихъ воззрѣніяхъ и нерѣдко раздражителенъ и охочъ судить другихъ по себѣ. Вотъ почему всѣ мои объясненія не убѣдили его въ моей правотѣ, и онъ продолжалъ дуться на меня. Случилась тутъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Рязань, Меропа Александровна и остановилась у своего брата Алексѣя Александровича Тимашева-Беринга, тогдашняго оберъ-полицеймейстера, который занималъ казенный домъ на Тверскомъ бульварѣ и жилъ на широко-роскошной ногѣ, окруженный легіономъ лакеевъ, въ позументахъ съ гербами по всѣмъ швамъ, и такимъ же швейцаромъ-привратникомъ, и съ ватагою чернофрачныхъ въ бѣлыхъ галстухахъ оффиціантовъ. Меропа Александровна послала немедленно за мною, обняла меня какъ родная, и выразила теплое и искреннее сожалѣніе о своемъ отсутствіи, во время осенняго пріѣзда ея мужа въ Рязань изъ-за границы, потому что она никогда бы не допустила прискорбной сцены, происшедшей между Петромъ Петровичемъ и мною; да и я убѣжденъ, что будь она тогда въ Рязани, этого никогда бы не случилось. Она добавила (если память моя вѣрна), что, возвратившись въ Рязань, она сильно упрекала мужа въ его несправедливости противъ меня, представляя ему, что «Boutourline n'est pas un employé comme tous les autres»*). Всегда скажу, что много есть хорошаго въ этой болтливой по видимому женщинѣ и особенно то, что она горячій другъ своимъ друзьямъ.

Въ Москвѣ же я свидѣлся съ Аркадіемъ Африкановичемъ Болдыревымъ, который предложилъ мнѣ сдѣлать окончательный съ нимъ расчетъ въ моихъ лошадяхъ (верховыхъ), содержавшихся (какъ я уже говорилъ) съ 1852 года на его счетъ. За старую и слѣпую мою кобылу, Паразину, и двухъ отъ нея жеребятъ онъ предложилъ мнѣ (помнится) 400 р. сер. Подобное неожиданное предложеніе я счелъ за благодѣяніе съ его стороны, особенно въ тогдашнемъ, безденежномъ моемъ положеніи. Это было послѣднее мое свиданіе съ этимъ добродушнѣйшимъ человѣкомъ: въ слѣдующемъ 1858 году онъ умеръ въ Тулѣ, во время тамошнихъ рысистыхъ бѣговъ, коихъ онъ былъ президентомъ.

Послѣ трехнедѣльнаго, или около того, пребыванія въ Москвѣ, я вернулся въ Знаменское, гдѣ провелъ Пасху и остался до конца Апрѣ-

*) Нельзя ставить Бутурлина на ряду съ прочими чиновниками.

ля, съ согласія на то графа Толстаго. Я занялся переустройствомъ хозяйства въ имѣніи моей жены, которое дошло до сильнѣйшаго упущенія отъ женскаго управленія. Можно себѣ представить, какіе могли быть урожаи на почвѣ, уже по себѣ глинистой, когда изъ 40 десятинъ въ полѣ удабривалось не болѣе трехъ или четырехъ десятинъ, и весьма рѣдко пять, да и то не сильно (т. е. количествомъ навозныхъ кучъ); а что до скопа на скотномъ дворѣ, то онъ былъ предоставленъ на произволъ скотницѣ, обязанной доставлять въ господскую экономію по 30 ф. масла въ годъ отъ всякой коровы (кромѣ пужныхъ, конечно, сливокъ), но за недоборъ этого количества ничего не взыскивалось съ нея, и она всегда могла ссылаться на яловыхъ коровъ. Результатъ былъ тотъ, что, живя у себя въ деревнѣ, приходилось покупать масло для кухни чуть-ли не 9 мѣсяцевъ въ году. Впрочемъ, вѣдь и то сказать, кормъ скотины состоялъ изъ одной ржаной соломы и кое-когда яровой, да и та давалась почти исключительно однимъ телятамъ; слѣдовательно нечего было и ожидать лучшаго отъ подобнаго содержанія господской скотины, не говоря уже о ея помѣщеніи на открытомъ дворѣ, даже въ трескучіе морозы.

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ Апрѣля я получилъ губернаторское предписаніе явиться въ Калугу, чтобы немедленно отправиться въ Жиздринскій уѣздъ для производства слѣдствія надъ однимъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, г-мъ Г., обвиняемомъ въ оскорбленіи и истязаніи священника Лоренцо. По важности дѣла, прикомандированъ былъ ко мнѣ адъютантъ Калужскаго жандармскаго штабъ-офицера, капитанъ Александръ Ивановичъ Золотухинъ, человѣкъ вполнѣ благонадежный, который, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, оказывалъ мнѣ дружеское вниманіе и содѣйствіе.

Въ это самое время старшій чиновникъ особыхъ порученій Колошинъ перешелъ на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ, и я поступилъ на его мѣсто, которое было съ жалованіемъ, и такимъ образомъ могъ я развязаться, къ величайшему моему удовольствію, съ дѣлопроизводствомъ по Статистическому Комитету, мнѣ не подъ силу, и передать его чиновнику губернаторской канцеляріи, г. Васильеву, коему это дѣло было сподручнѣе.

Едва пріѣхалъ я въ несчастную Жиздру [1]), какъ явился ко мнѣ на постоялый дворъ мѣстный исправникъ Θед. Дмитр. Домогацкій. Это уже такъ водилось въ тѣ времена. Хотя личность г. Домогацкаго

[1]) Этотъ городишко выстроенъ какъ бы на Аравійскихъ пескахъ. Въ 1857 году ни одна, помнится мнѣ, въ немъ улица не имѣла мостовой.

была далеко не изъ привыкшихъ или нуждавшихся заискивать благорасположеніе губернскихъ властей или непосредственно зависящихъ отъ нихъ лицъ; но всетаки губернаторскій старшій чиновникъ особыхъ порученій, да въ добавокъ, титулованный, какъ я, имѣлъ свое значеніе; вотъ почему, быть можетъ, г. Домогацкій счелъ нелишнимъ оказать мнѣ подобную вѣжливость. Самъ онъ былъ съ изряднымъ состояніемъ, женатъ на единственной дочери одного изъ первыхъ Жиздринскихъ богачей и не только гнушался пушкомъ на рыльцѣ, но годовое приношеніе, ассигнованное по тогдашнему обычаю мѣстнымъ откупщикомъ на персоналъ Земскаго Суда (что-то около 1500 р. въ годъ) г. Домогацкій отдавалъ сполна на канцелярію суда, за что и боготворилъ его этотъ забитый людъ. Изъ себя былъ онъ атлетъ и непрочь покутить, въ каковыхъ случаяхъ могъ безслѣдно и безвредно выпить хоть бочку. О немъ разсказывали, что однажды на выборахъ въ Калугѣ онъ и одинъ подъ пару ему пріятель, сосѣдній исправникъ, переполнивъ свои утробы до того, что онѣ не могли помѣщать уже ни одной болѣе капли, разнуздали любимыхъ своихъ коней и принялись спаивать ихъ, вливая Шампанское въ вёдра. А хотя и былъ онъ такой журиръ, но Земскій Судъ шелъ у него какъ по струнке, и онъ умѣлъ подтянуть этотъ судъ, когда слѣдовало; словомъ, былъ молодецъ на всѣ руки. За то и любило его начальство. Да и служилъ онъ такъ-себѣ, изъ любви къ искусству, или для препровожденія времени въ антрактахъ ружейной охоты и отъѣзжаго поля, а чуть замѣтитъ гримасу на лицѣ высшаго начальства, прощайте-молъ, я вамъ болѣе не слуга; дѣлайте какъ знаете безъ меня. Охъ какъ мало, увы! было такихъ людей въ тѣ отпѣтыя времена.

Новый мой слѣдственный субъектъ Г. былъ пьяница, буянъ и безобразникъ, а подчасъ не въ совершенно здравомъ разсудкѣ; послѣднее, впрочемъ, состояніе, происходило отъ перепоя. Жена его разъѣхалась съ нимъ, а дѣтей, кажется, у нихъ не было. Съ своимъ приходскимъ священникомъ онъ жилъ въ ладахъ, и послѣдній не нахваливался приходскимъ своимъ бариномъ, а высѣкъ онъ сосѣдняго попа, носившаго Итальянскую фамилію Лоренцо, чортъ знаетъ за что. На сколько помнится мнѣ, помѣщикъ Г. пожертвовалъ было какой-то лѣсокъ въ свою церковь, что не мѣшало (кажется) ему продавать (или дозволять продавать) дрова изъ этого лѣса, и вотъ, узнавъ объ этомъ, бѣдняга отецъ Лоренцо пріѣхалъ къ нему для покупки дровецъ. Помѣщикъ Г., уже, какъ говорится, на готовѣ, повздорилъ съ покупателемъ, выдралъ у него клочокъ бороды и, кликнувъ своихъ челядинцевъ, приказалъ разложить и высѣчь попа; но экзекуція эта шла съ промежут-

ками. «Теперь вставай, выпьемъ вмѣстѣ по чарочкѣ», кричалъ безумецъ», и послѣ выпивки опять давай сѣчь несчастнаго; а между тѣмъ буйный домохозяинъ то и дѣло что стрѣлялъ изъ пистолета «для бо́льшаго форса или куража». Хотя операція сѣченія продолжалась нѣсколько часовъ съ эксцентрическими промежутками попойки, но попъ не подвергся (какъ помнится мнѣ) увѣчью. Сѣкли его конечно для одной проформы, и срама было, какъ я домекаю, чуть ли не болѣе, чѣмъ истязанія. Вотъ-съ, какія дѣла творились въ дворянской сферѣ въ концѣ 50-хъ годовъ, въ губерніи смежной съ Московскою!

Едва я приступилъ къ этому дѣлу, какъ получилъ дополнительное предписаніе произвести изслѣдованіе, по совокупности съ настоящимъ дѣломъ, о злоупотребленіи этимъ господиномъ помѣщичьей власти и о жестокомъ его обращеніи съ его людьми. Откуда поступилъ допосъ или жалоба на него, не помню [1]) При отобраніи отъ него первыхъ показаній, онъ обращался со мною весьма вѣжливо, ни въ чемъ не сопротивлялся, держалъ себя вообще довольно прилично и подписывалъ всѣ свои показанія; но едва онъ увидѣлъ прибывшаго для нахожденія при слѣдствіи Жиздринскаго предводителя дворянства г. Челищева (такъ какъ при слѣдствіи надъ дворянами всегда присутствовалъ мѣстный предводитель въ качествѣ какъ-бы депутата отъ своего сословія), Г. накинулся на него съ такою неприличною бранью, что я вынужденъ былъ пригрозить ему, что если онъ не уймется, то я составлю о томъ журнальное постановленіе, что̀ послужитъ ему во вредъ. А это случилось потому, что у Г. были свои старые счеты съ г. Челищевымъ [2]) во время сбора ополченія по ихъ уѣзду. На счетъ жестокаго обращенія Г. съ крѣпостными его людьми, одна молодая дѣвушка, бывшая его сударушкою, показала мнѣ между прочимъ, что однажды, прогнѣвался на нее ея баринъ и высѣкъ ее съ подобными же какъ при сѣченіи попа Лоренца промежутками, и въ добавокъ, оскорбилъ ее своими циническими съ ней поступками. Теперь я вспомнилъ, что допосъ о злоупотребленіяхъ помѣщичей власти чуть-ли не происходилъ отъ кого-то изъ жертвъ; и будь это пятью или шестью годами ранѣе, дѣло не имѣло бы, пожалуй, никакихъ послѣдствій, такъ какъ законъ не дозволялъ доносовъ и, кажется, даже жалобъ прямо отъ крѣпостныхъ лю-

[1]) Впрочемъ, кажется мнѣ, что это распоряженіе состоялось вслѣдствіе первыхъ моихъ донесеній о личности этого господина. Будучи въ пьяномъ видѣ, онъ также кощунствовалъ; но начальство не сочло нужнымъ пустить это дѣло въ ходъ, такъ какъ на этотъ счетъ не было никакой жалобы.

[2]) Этотъ г. Челищевъ не имѣлъ ничего общаго съ почтеннымъ Боровскимъ исправникомъ Д. М. Челищевымъ.

дей на своихъ господъ; но въ описываемое мною время, когда въ Петербургѣ уже разрабатывался проектъ о возможности неотлагательной крестьянской эманципаціи, губернаторы начинали пускать въ ходъ и подобныя жалобы.

По важности дѣла надъ помѣщикомъ Г., я счелъ нужнымъ пригласить для содѣйствія мнѣ мѣстнаго стряпчаго (какъ было на то разрѣшеніе въ Сводѣ уголовныхъ законовъ), г. Фельда, черезъ что образовалась цѣлая комиссія изъ четырехъ членовъ: меня, жандармскаго офицера, уѣзднаго стряпчаго и мѣстнаго предводителя дворянства *). При окончаніи одного допроса обвиняемаго по пунктамъ, случилась вотъ какая исторія. Я, какъ настоящій слѣдователь, подписавъ протоколъ, пригласилъ г. предсѣдателя Челищева подписаться вслѣдъ за мною; но онъ всталъ съ своего мѣста и съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства заявилъ всѣмъ присутствовавшимъ, что онъ никакъ-де не считаетъ себя лицомъ, поставленнымъ ниже губернаторскаго чиновника, и что потому никакъ не подпишется вторымъ. Надо сказать, что дѣйствительно меня предупреждали, что этотъ господинъ въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ притязаніе на первенство въ подписи, считая себя первымъ въ уѣздѣ лицомъ (т. е. по службѣ) и что въ этихъ случаяхъ иные мои собратія поблажали этой его прихоти; но я, не будучи изъ таковскихъ, не обращалъ никакого вниманія на курьезное это сообщеніе. Напрасно силился я доказывать г. предводителю, что, чуждый всякому самолюбію, я дѣйствовать иначе не могу на томъ основаніи, что здѣсь настоящій слѣдователь и единственное отвѣтное лицо за всякую неправильность въ дѣлѣ я, а что онъ состоитъ лишь при слѣдствіи для огражденія обвиняемаго отъ всякихъ съ моей стороны пристрастныхъ дѣйствій и вопросовъ, какъ представитель дворянскаго сословія. Ничего не помогло. Г. Челищевъ стоялъ на томъ, что не подпишется вторымъ, безъ предварительнаго разъясненія (таковы были, помнится мнѣ, его выраженія) этого вопроса самимъ губернаторомъ и безъ его (губернатора) указанія на мѣсто, гдѣ долженъ подписаться мѣстный предводитель. Вслѣдствіе этого заявленія, я, обще съ жандармскимъ офицеромъ и уѣзднымъ стряпчимъ, составилъ журнальный протоколъ о таковомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ и, пріостановившись въ

*) Этотъ Фельдъ былъ незакопорожденный сынъ роднаго дяди жандармскаго генерала Гринфельда (явное сокращеніе). Радостно мнѣ почтить двумя словами память этой чистой личности, выходившей изъ ряду обыкновенныхъ тогдашнихъ стряпчихъ-взяточниковъ. Дѣлецъ безъ крючкотворства и непритязателенъ при скудныхъ житейскихъ своихъ средствахъ, этотъ скромный и мелкій дѣятель погасъ безслѣдно, тогда какъ, подобно многимъ другимъ, онъ могъ бы составить карьеру при иной обстановкѣ.

дальнѣйшемъ производствѣ, донесъ начальнику губерніи о случившемся, съ просьбою рѣшить поднятый вопросъ. О томъ же отнесся къ нему и г. предводитель съ своей стороны. Отвѣтъ послѣдовалъ, что губернаторъ не считаетъ себя въ правѣ лишать слѣдователя предоставленнаго ему по закону права въ первенствѣ подписи, чѣмъ и угомонился нашъ больно щепетильный, но не особенно дѣловой предводитель, и вся эта курьезная переписка вошла въ составъ самого дѣла. Добавлю кстати, что тогдашніе гг. уѣздные предводители составляли себѣ странное понятіе о мнимомъ своемъ правѣ вмѣшиваться даже въ занятія уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Мнѣ случилось быть очевидцемъ, какъ одинъ знакомый мнѣ предводитель Тарускаго уѣзда справлялся полуоффиціальнымъ тономъ о ходѣ вообще дѣлъ въ Земскомъ Судѣ, и какъ исправникъ (по выборамъ, конечно) относился къ нему съ подчиненными почти пріемами.

Еще два слова о Жиздринскомъ образчикѣ дворянскаго представительства. Разсказывали тогда, что онъ считалъ себя и даже будтобы подписывался начальникомъ Жиздринскаго уѣзда, а также, что, узнавъ однажды, что во время перевозки мѣшковъ съ мѣдною монетой изъ казначейскаго подвала, по случаю пожара въ церкви, подъ коей былъ этотъ подвалъ, одинъ изъ мѣшковъ прорвался и нѣсколько монетъ (мѣдныхъ) высыпалось на улицу, онъ будтобы письменно увѣдомилъ уѣздное казначейство о своемъ намѣреніи произвести тамъ ревизію. А въ другой разъ захотѣлось ему (если память мнѣ не измѣнила) ревизовать Градскую Думу, по своей собственно иниціативѣ. Конечно, его осмѣяли въ обоихъ случаяхъ, но это даетъ понятіе до какой фанаберіи доходили тогда иные гг. предводители и какіе атрибуты пытались себѣ присвоивать.

Въ Жиздринскомъ уѣздѣ я позамѣшкался почти до половины Іюля, такъ какъ то и дѣло подсылались мнѣ другія еще служебныя порученія. Изъ нихъ упомяну объ одномъ, какъ о знакѣ того блаженнаго неправосуднаго времени, которое получило окончательный ударъ съ введеніемъ судебной реформы 20 Ноября 1864 года *). Предписано было мнѣ переслѣдовать одно дѣло, неправильно якобы произведенное Жиздринскою городскою полиціею, о чемъ подана была жалоба губернатору отъ претерпѣвшаго (вѣроятно) лица. Разсматривая это дѣло, я

*) Непреложная, по моему, истина, что какъ бы неудовлетворительно пока ни шла у насъ судебная часть, во всякомъ случаѣ она все-таки сто кратъ лучше прежней безгласной и сословной процедуры и полицейско-слѣдственной части. Слава тебѣ Господи, что вычистили наконецъ эту Авгіеву конюшню!

узналъ между прочимъ, что обвиняемый и уличенный въ воровствѣ, дворовый человѣкъ г-на Г. (непремѣннаго члена мѣстнаго Земскаго Суда) былъ оставленъ на свободѣ, между тѣмъ какъ посажена была въ острогъ несчастная молоденькая проститутка, квартировавшая у одной женщины, содержавшей притонъ для краденыхъ вещей, и у которой, помнится мнѣ, даже найдены были украденныя вещи или часть таковыхъ. Изъ дѣла видно было, что эта дѣвчонка, лежа ночью на печкѣ, подслушала разговоръ своей хозяйки съ воромъ о сдѣланной имъ кражѣ, и вѣроятно, кому-то передала подслушанное ею, потому что была допрошена въ качествѣ свидѣтельницы, при чемъ подтвердила свое показаніе. Квартальный же надзиратель, носившій громкую фамилію Понятовскаго *), производившій слѣдствіе, не посмѣлъ, должно быть, арестовать дворовaго человѣка столь значительнаго лица, какъ непремѣнный членъ Земскаго Суда, но не поколебался спустить въ острогъ беззащитную дѣвчонку-свидѣтельницу, подъ предлогомъ-ли распутнаго ея поведенія (извѣстно, что на полиціи лежитъ обязанность печись о публичной нравственности городскихъ обывателей) или, быть можетъ, за недонесеніе въ свое время мѣстному начальству о томъ что̀ было ей извѣстно касательно кражи (вспомнить чего не могу за давнопрошедшимъ временемъ). Когда я ее освободилъ изъ острога и старался пояснить, что она имѣла право взойти съ прошеніемъ о беззаконномъ ея арестѣ (къ чему, винюсь, уговаривалъ ее), бѣдняжка и слышать не хотѣла о томъ, а рада-радехонька была уже тому, что по моей милости она снова увидала Божій свѣтъ. Не помню, самъ ли я, взамѣнъ этой дѣвчонки, немедля и съ величайшимъ наслажденіемъ, посадилъ въ острогъ уличеннаго виновника, или Земскій Судъ, въ минуту юридической стыдливости, распорядился это сдѣлать. Вышеупомянутый уѣздный стряпчій г. Фельдъ разсказывалъ мнѣ позднѣе, что какъ только я приступилъ къ преслѣдованію сказаннаго дѣла, то произвелъ терроръ, нѣчто въ родѣ Медузиной головы въ городническомъ правленіи и въ Земскомъ Судѣ, за исключеніемъ, конечно, исправника Ѳ. Д. Домогацкаго, не участвовавшаго никогда въ грязныхъ дѣлахъ.

Какъ характеристику направленія, усвоеннаго въ тѣ времена слѣдственною частію, отмѣчу, что когда, возвратившись въ Калугу съ

*) Заинтересовавшись этимъ Полячкомъ-полиціантомъ, увѣрившимъ меня, что фамилія его невымышленная, я посовѣтовалъ ему отправиться въ Кіевскую губернію и явиться отъ моего имени къ шуринамъ покойнаго моего брата, Ламберту и Августу Осиповичамъ Понятовскимъ, въ качествѣ обѣднѣвшаго, дальняго ихъ родственника. Онъ разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи, что послушался моего совѣта, былъ у *дяденьки* Ламберта Осиповича Понятовскаго и получилъ отъ него денежную помощь.

окончаніемъ дѣла о сѣченіи священника Лоренца и выдергиваніи бороды, я посѣтилъ нашего, всѣми почитаемаго архипастыря Григорія (и по нынѣ право правящаго Господнее слово истины), то онъ, къ моему удивленію, поблагодарилъ меня за то, что я не далъ въ обиду подчиненнаго ему страдальца. Значитъ, что гнуть въ угодность сильнымъ міра сего и привилегированной кастѣ было въ ходу у нѣкоторыхъ слѣдователей. Правда, что о правахъ меньшей нашей братіи и помину тогда не было. Допустимъ, что въ нынѣшнее время (въ 70-хъ годахъ) балансъ переходитъ подчасъ въ противоположную и даже неправую сторону и что этимъ руководствуется иногда персоналъ судебныхъ учрежденій въ порывѣ увлеченія минутной моды (увлеченіе, свойственное юнымъ дѣятелямъ), но какъ же не хотятъ понять ворчуны, что это проявленіе есть протестъ и неминуемая реакція послѣ трехсотлѣтняго гнета и безграничнаго произвола надъ нашею меньшею братіею? Вѣдь въ глазахъ же этихъ юныхъ юристовъ происходили вчера, такъ сказать, всѣ неистовства крѣпостного права, образчики коего я выписываю изъ служебной моей практики. Какъ же послѣ этого удивляться, что въ пылу негодованія они (юристы) дѣйствуютъ иногда пристрастно? Корысти въ нихъ нѣтъ никакой, а впадать въ крайности это удѣлъ молодежи. Побрыкаются, побрыкаются, да наконецъ и уймутся. Такъ-то, господа ворчуны, вы это примите въ толкъ. А уже какъ хотите, но отъ вашего ропота, насмѣшекъ и пессимистическихъ пророчествъ вѣетъ закваскою утраченнаго на вѣки плантаторства; сознаться же въ этомъ вы стыдитесь. Вотъ гдѣ Ахиллесова пятка. Признайтесь чистосердечно, не сожалѣете ли вы объ Египетскихъ цибуляхъ? Нѣчего вѣдь грѣха таить: мало сочувствія встрѣтилъ въ нашихъ высшихъ слояхъ крѣпостной переворотъ 19 Февраля 1861 года, а они еще считаютъ себя передовыми!

Во время слѣдствія надъ безобразникомъ Г., при капитанѣ А. И. Золотухинѣ состоялъ рядовой Калужской жандармской команды, Самохваловъ, очень мнѣ понравившійся своею смѣтливостью и расторопностью, и во время послѣдующихъ моихъ командировокъ по разнымъ уѣздамъ Калужской губерніи я постоянно бралъ его съ собою, къ смущенію нерѣдко мирныхъ обывателей, между тѣмъ какъ меня льстило, что нахожденіе при мнѣ синяго мундира придавало нѣкоторую важность моей личности. Въ жизни моей не честолюбіе чиновъ въ строгомъ смыслѣ имѣло для меня обаяніе, а прельщало меня играть какую бы то ни было роль (être un quelque chose) на службѣ или внѣ ея, въ салонной ли жизни, или даже на крестьянскихъ сборищахъ въ моихъ бывшихъ Порзняхъ, на сговорахъ, свадьбахъ и на сельскихъ

сходкахъ въ моемъ вотчинномъ правленіи. Я алкалъ получить какую бы то ни было общественную извѣстность, и вотъ почему мнѣ такъ хотѣлось, одно время, когда я владѣлъ звучнымъ баритономъ, поступить въ качествѣ артиста на какую-нибудь сцену, хотя бы отплылъ я для этого въ Америку. Чувство это преобладало въ вокальной моей меломаніи. Въ описываемый мною періодъ тщеславіе мое нашло пищу и могло высказаться на новомъ моемъ поприщѣ слѣдователя, а въ еще позднѣйшее время, въ литературныхъ занятіяхъ. Видѣть свое имя напечатаннымъ подъ какой-нибудь статьею, даже прочесть печатное опроверженіе и порицаніе моихъ мнѣній, радостно щекочетъ и по нынѣ мое самолюбіе. Извѣстность, coûte qui coûte, вотъ чего мнѣ хочется, и я не могу преодолѣть этой слабости.

Возвращаюсь къ моему жандарму.

Позднѣе, когда Самохваловъ выслужилъ свой срокъ, и я уже былъ Тарускимъ судебнымъ слѣдователемъ, я взялъ его въ услуженіе, въ качествѣ разсыльнаго, сыщика и камердинера. Это былъ типъ присущей Русскому простолюдину отваги. Страшна была въ его глазахъ одна лишь смерть (да и то, пожалуй, придерживался онъ поговорки «двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать»), и онъ сдѣлался настолько всѣмъ извѣстенъ, что его употребляли при случаѣ и посторонніе люди, за что̀ хорошо его награждали. Но не изъ одного денежнаго интереса подвизался мой Видокъ, а любилъ онъ свою профессію и особливо когда она направлена была на травлю сомнительныхъ личностей. Въ этомъ отношеніи Жиздринскій уѣздъ представлялъ широкое поле для его дѣятельности. Уѣздъ граничитъ съ Болховскимъ и Брянскимъ, Орловской губерніи, и черезъ рубежъ тянутся извѣстные Брянскіе лѣса, на большомъ протяженіи, и потому вся эта мѣстность служитъ (или служила въ мое время) притономъ для всякаго рода бродягъ. Однажды исправникъ Домогацкій отправилъ Самохвалова, съ дозволенія капитана Золотухина, въ одно подгородное селеніе, отыскивать какого-то скрывавшагося будто бы тамъ безпаспортнаго героя, и синемундирный сыщикъ, облекшись въ мужицкій сѣрый армякъ и избравъ для обыска ночное время, перешарилъ всѣ избы и перещупалъ (по крайней мѣрѣ онъ такъ разсказывалъ) въ потемкахъ всѣхъ спавшихъ тамъ. Какъ не переломали ему реберъ, диво! Впрочемъ, въ послѣднее время онъ видимо охладѣлъ къ ловлѣ бродягъ, потому-де, что казна перестала ему платить, по прежнему, по червонцу за каждый субъектъ.

Возвратившись въ Калугу послѣ двухъ съ половиною мѣсячнаго странствованія по Жиздринскимъ лѣсамъ, весямъ, дебрямъ и постоялымъ дворамъ, я засталъ тамъ Рязанскаго моего сослуживца, Ивана Карловича Мартенса, уже опредѣленнаго на открывшуюся ваканцію совѣтника Калужскаго Губернскаго Правленія, а на прежнее его мѣсто (асессора Рязанскаго Губернскаго Правленія) туда перешелъ асессоръ Калужскаго г. Вагинъ.

Раннею весною, когда я не выѣзжалъ еще изъ Знаменскаго (или уже находился въ Жиздринскомъ уѣздѣ), проѣзжалъ по Брестъ-Литовскому шоссе Государь съ Императрицею, и графъ Дмитрій Николаевичъ отправился встрѣтить царскую чету въ Медынь, гдѣ она имѣла ночлегъ. На слѣдующее утро, когда Императрица, милостиво разговаривая съ графомъ Толстымъ, спросила его: въ чьемъ домѣ мы стоимъ? графъ отвѣчалъ, въ д. купца такого-то. Вдругъ Государь, разговаривавшій тогда съ губ. предводителемъ, сказалъ: «Толстой, представь его Императрицѣ». Полагая что Государю угодно было чтобы Императрицѣ былъ представленъ хозяинъ дома, о которомъ только что шла рѣчь, графъ пошелъ къ дверямъ, чтобы позвать его; но Государь, улыбаясь добавилъ: «Не его, а губернскаго предводителя» (Ѳедора Сергѣевича Щукина). Этотъ неважный самъ по себѣ эпизодъ послужилъ тѣмъ не менѣе впослѣдствіи къ особенному милостивому вниманію Государя къ графу. Лѣтъ десять спустя (или даже болѣе), на одномъ куртагѣ, Государь, замѣтивъ графа, сказалъ ему. «А помнишь Медынь?» стоявшая же тутъ Императрица добавила: Ce n'était qu'un qui pro quo» (Это было одно недоразумѣніе).

Съ обычною своею ко мнѣ благосклонностію, графъ Дмитрій Николаевичъ уволилъ меня къ моему семейству, безъ назначенія срока, и для сохраненія внѣшняго порядка службы поручилъ мнѣ два - три совершенно пустыя изслѣдованія, какъ напр.: ссора Тарусскаго градскаго головы съ откупщикомъ, по случаю винной выставки на ярмаркѣ, и подобныя тому дѣла. Но личныя мои отношенія съ графомъ придавали мнѣ большой вѣсъ, какъ въ Тарусѣ, такъ и повсюду въ губерніи, а довѣріемъ ко мнѣ моего начальника я пользовался, чтобы доносить ему о разныхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ, мною подмѣченныхъ, о коихъ не было ничего извѣстно губернскому начальству; а также я рекомендовалъ его вниманію кое-кого изъ канцелярскаго люда присутственныхъ мѣстъ для помѣщенія на открывающіяся ваканціи. Донесеніями моими я заслужилъ прозвище шпіона у Тарусскаго дворянства, и это ой какъ больно откликнулось мнѣ впослѣдствіи; но ни тогда, ни теперь не нахожу ничего ни позорнаго, ни предосу-

дительнаго въ этихъ моихъ дѣйствіяхъ. Не въ шутку, и не за одно банальное канцелярское фразерство принимаю я слова, въ данной на службѣ присягѣ, служить вѣрою и правдою и доносить обо всемъ, что могло бы причинить вредъ государственной службѣ; а одновременно съ исполненіемъ въ точности долга я находилъ и нахожу, что я служилъ обществу въ широкомъ примѣненіи этого названія, а въ абстрактивномъ смыслѣ человѣчеству, заступничествомъ моимъ за низшую забитую братію, и сверхъ того обличая взяточничество, эту язву нашей администраціи. Впрочемъ, всякій судитъ по своей совѣсти.

Въ Тарускомъ уѣздномъ судѣ былъ тогда секретаремъ отпѣтый взяточникъ, контролировать дѣйствія коего не хотѣли или не умѣли судья и его аколиты. Сейчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Тарусу (изъ Калуги), я вызвалъ этого господина къ себѣ и объявилъ ему наединѣ, что если онъ не исправится, то ему предстоитъ быть удаленнымъ. Мѣсяца черезъ два или три, удостовѣрившись, что нотація моя не послужила ему въ пользу, я донесъ о немъ, и онъ немедленно смѣненъ. Тоже самое я сдѣлалъ съ письмоводителемъ городническаго правленія. Эти два случая придали мнѣ особенное значеніе въ глазахъ высшаго и низшаго персонала Тарускихъ присутственныхъ мѣстъ; но опять повторяю, что меня радовала не одна лишь польза, принесенная обществу отъ успѣха моихъ представленій, но и служебный вѣсъ, мною черезъ это пріобрѣтенный.

Осенью (1857) получилъ я секретное предписаніе сдѣлать безгласное, исподоволь, дознаніе о справедливости разныхъ злоупотребленій, въ коихъ обвинялся Тарускій исправникъ Бахметевъ, свѣдѣнія о коемъ получены были не черезъ меня. Я дотолѣ видѣлъ въ немъ лишь крайне недалекаго и пустого человѣка, но объ особенно вопіющихъ его проступкахъ по службѣ я ничего еще не зналъ. Дознаніе подтвердило многое изъ высказаннаго въ доносѣ, и мнѣ предписано было приступить къ формальному о немъ слѣдствію. Оно вышло такъ многосложно, что тянулось всю осень, зиму, и только весною слѣдующаго 1858 года я представилъ дѣло въ Губерское Правленіе. Разскажу о нѣкоторыхъ комическихъ замашкахъ этого индивидуума. Во едину отъ субботъ, онъ подмѣтилъ какое-то жилое строеніе на краю одного селенія, выходившее не въ линію съ прочими, а на дорогу и, можетъ быть, суживавшее немного проѣздъ. И вотъ приказываетъ онъ становому снести это строеніе (жилп-ли въ немъ жильцы или нѣтъ, не помню); но такъ какъ послѣ нѣсколькихъ повтореній (письменныхъ) становой не исполнялъ его приказаній, то исправникъ прискакалъ туда и, вызвавъ станового, велѣлъ ему немедленно раскидать все строеніе. «По-

милуйте», возразилъ тотъ, «вѣдь этого мы не имѣемъ права дѣлать по закону?» — «Что мнѣ законъ, я вамъ законъ», грозно гаркнулъ принципалъ. «Ну, такъ извольте сами и распоряжаться», отвѣчалъ осторожный подчиненный, «а я отказываюсь». Раскидано-ли было строеніе или нѣтъ, не помню. А иногда отправлялъ онъ преступниковъ изъ города въ станъ подъ конвоемъ какихъ, думаете вы, людей? Подъ конвоемъ *бабъ*; да, бабъ, вмѣсто разсыльныхъ, состоявшихъ при судѣ, но коихъ онъ употреблялъ для разныхъ работъ у себя на дворѣ, и вообразите себѣ, что смиренные арестанты не убѣгали изъ-подъ этой нѣжной стражи. А случалось это вотъ почему. Въ Тарусѣ базарный день Воскресенье; такъ вотъ и пошлетъ нашъ исправникъ привести съ площади кого нибудь изъ селеній, находившихся въ окрестностяхъ стана: «вамъ-молъ это по дорогѣ»; а не случится на тотъ разъ отыскать какого нибудь мужичка, такъ наряжали для конвоя хоть двухъ бабъ. Тоже было и по подводной повинности, неохотно, какъ извѣстно, отбываемой крестьянами, и потому г. Бахметевъ дозволялъ женщинамъ замѣнять своихъ мужей. Пришлось мнѣ однажды ѣхать на обывательскихъ лошадяхъ по проселочнымъ дорогамъ, и вдругъ лѣзетъ на козлы моего тарантаса крестьянская баба; понятно, что съ подобнымъ возницею я не захотѣлъ отправиться въ путь. Квартировалъ исправникъ на горѣ, при выѣздѣ изъ города, и иногда можно было видѣть его отправляющагося въ свой Земскій Судъ, бывшій въ центрѣ города, верхомъ, на взнузданномъ по кавалерійски конѣ.

Слѣдствіе надъ исправникомъ Бахметевымъ дало поводъ къ единственному въ жизни моей случаю посѣтовать немного на графа Дмитрія Николаевича. Накоплялось все болѣе и болѣе уликъ о непохвальныхъ дѣйствіяхъ по службѣ Бахметева, какъ вдругъ получаю записочку, по французски, вложенную въ запечатанный пакетъ отъ графа Толстаго, слѣдующаго содержанія: «Cher comte, allégez, si vous pouvez, le sort de ce malheureux»*). Меня, признаюсь, это покоробило. Какъ? подумалъ я, столь прямой человѣкъ, какъ графъ, хочетъ посягать на свободу моихъ убѣжденій и совѣсти и заставлять меня затаивать истину изъ участія къ лицу, заслуживающему кару закона? Не ожидалъ я этого отъ него, да и тѣмъ болѣе, что имѣлъ случаи удостовѣряться, что онъ не смотритъ на службу, какъ на богадѣльню. Тѣмъ не менѣе, не свернулъ я съ тропы, по которой шелъ, не пропускалъ и не умалялъ всего, что открывалось новое по сему предмету; но воспользовался первой возможностью съѣздить въ Калугу, чтобы изустно объясниться съ графомъ. Онъ увѣрилъ меня, что никакъ не думалъ предписывать

*) Любезный графъ, облегчите, если можете, участь этого несчастнаго.

мнѣ, чтобы я придерживался ложнаго направленія и гнулъ бы изслѣдованіе въ оправданіе Бахметева, но что онъ пришелъ въ минутный тупикъ отъ сцены, происшедшей тогда въ его кабинетѣ. Съ одной стороны, несчастный Бахметевъ рыдалъ, какъ ребенокъ, и стукался, какъ сумасшедшій, головою объ стѣну; а съ другой престарѣлая его мать валялась въ ногахъ графа, слезно умоляя пощадить ея сына, и вотъ подъ какимъ вліяніемъ растроганный графъ настрочилъ мнѣ упомянутую записку. Онъ увѣрялъ, что ему и на мысль не приходило предписывать мнѣ дѣйствовать противъ моей совѣсти. Объясненіе это вполнѣ меня успокоило, и никогда не было болѣе между нами намека объ этомъ эпизодѣ, такъ что я кончилъ слѣдствіе безъ всякихъ дальнѣйшихъ утаекъ.

Исправникъ Бахметевъ служилъ по выбору отъ дворянства, и немудрено, что строгое мое изслѣдованіе всѣхъ его похожденій могло увеличить нерасположеніе ко мнѣ мѣстныхъ дворянъ; но туча, собиравшаяся надъ моей головой, шла все болѣе и болѣе кресчендо при послѣдующихъ моихъ дѣйствіяхъ. Велѣно было мнѣ произвести секретное дознаніе о притѣсненіяхъ своихъ крестьянъ и противузаконныхъ дѣйствіяхъ помѣщика Толбугина, о коемъ уже не разъ упомянуто выше*). Порученіе это было чуть-ли не мотивировано тѣмъ, что крестьяне этого помѣщика вышли изъ его повиновенія, что̀, въ офиціальной тогдашней терминологіи, называлось бунтомъ, хотя открытаго бунта никогда не было, а только то, что вышедшіе изъ терпѣнія и разоренные отъ поборовъ своего барина нѣкоторые несчастные крестьяне (да и то не всѣ) отказывались тихо, но дружно и упорно, исполнять притѣснительныя его требованія. Предписано было мнѣ произвести это дознаніе вмѣстѣ съ Тарускимъ уѣзднымъ предводителемъ, Дмитріемъ Александровичемъ Чертковымъ, который хотя далеко не изъ либеральнаго десятка, но тѣмъ не менѣе (я долженъ отдать ему полную справедливость) дѣйствовалъ тутъ за одно со мною, безъ пристрастія къ принципу поддержки, во что бы то ни стало, дворянскаго сословія. Между прочихъ обвиненій подтвердилось, что у г. Толбугина опредѣленнаго размѣра оброка не было: сегодня получено сполна, а завтра, когда крестьянамъ были нужны паспорты, чтобы имъ идти на заработки, съ нихъ требовался еще добавочный по произволу оброкъ, и нерѣдко, для вымогательства его, сѣкли крестьянъ и отбирали ихъ имущество. Крестьяне дошли до такой крайности и страха, что перегоняли свой скотъ въ сосѣднія селенія, не принадлежавшія ихъ помѣ-

*) Отсылаю читателя къ описанію Московскихъ событій весною 1835 г., а также къ моей жизни въ Знаменскомъ съ 1847 по 1849 годъ.

щику, и тамъ держали скотину на чужое имя. Не забуду, что, на выѣздѣ изъ Криворѣзова (такъ называлось это село, составлявшее лишь часть большого имѣнія г. Толбугина) мой тарантасъ застрялъ въ топкомъ оврагѣ, и мнимые бунтовщики прибѣжали гурьбой помочь мнѣ.

Если я такъ часто налегаю съ подробностями о неистовствахъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ помѣщиковъ, то дѣлаю это, дабы доказать, какъ необходимо и неотлагательно было покончить сразу съ крѣпостнымъ правомъ. Законъ запрещалъ, это правда, всѣ подобныя злоупотребленія; но его умѣли обходить, и онъ дѣлался одною мертвою буквою.

Со времени недавняго еще моего перехода на службу въ Калужскую губернію, вотъ уже былъ второй случай, что я выводилъ на чистую воду тиранство помѣщичьей власти, а въ довершеніе всего я секретно донесъ, что нѣкая Таруская немелкопомѣстная барыня разорила своихъ крестьянъ до того, что они ходили по міру по всему уѣзду, и что нѣкій помѣщикъ, разгнѣвавшись за плохую барщинскую работу, запрягъ одну бабенку въ борону и заставилъ ее бороновать, чѣмъ и подвергъ ее всеобщему позору. Всѣ эти мои дѣйствія навѣяли на мою голову странную и публичную грозу въ домѣ уѣзднаго предводителя, и мнѣ пришлось отгрызаться, какъ я только могъ; но, придерживаясь всегдашняго моего правила «avoir le courage de mes opinions»*), я принялъ на себя всю отвѣтственность за мои дѣйствія и конечно не извинялся передъ этимъ грознымъ ареопагомъ. Одинъ изъ болѣе разъяренныхъ этихъ господъ воскликнулъ: «мы будемъ просить губернатора, чтобы не налагалъ такихъ обязанностей на своихъ чиновниковъ».— «Просите, сколько угодно» (помнится мнѣ, я отвѣчалъ), «а до тѣхъ поръ я не измѣню моего образа дѣйствій». Буря улеглась, но только на время. Позднѣе, въ 60-хъ годахъ, при введеніи мировыхъ учрежденій, когда я попытался было попасть въ Тарускіе мировые судьи (на что̀ я имѣлъ полное право по девятилѣтней практикѣ по слѣдственной части), нерасположеніе ко мнѣ мѣстнаго дворянства снова высказалось: пущены были въ ходъ разныя натяжки «cousues de fil blanc» (т. е. призрачныя), и меня отстранили отъ выборовъ.

Не помню, говорилъ ли я, что въ описываемое мною время уѣзднымъ судьею въ Тарусѣ былъ безвредный старецъ, г. Гродненскій, отставной гусаръ и визіонеръ. Что̀ до послѣдняго эпитета, то онъ безусловно вѣрилъ въ разные чары и заговоры и разсказывалъ, что когда посягатели на чужую собственность условливаются усыпить

*) Не страшиться боя для защиты своихъ убѣжденій.

мертвымъ сномъ жителей дома, который они намѣреваются ограбить, то обходятъ все строеніе или вкрадываются въ домъ, неся предъ собою кость умершаго младенца, и этимъ легкимъ способомъ достигаютъ своей цѣли безъ всякой помѣхи. Но спеціальностію г. Гродненскаго было устройство фонтановъ; и дѣйствительно, въ его имѣніи на р. Протвѣ красовалось довольно обширныхъ бассейновъ съ водометами. Однажды, при посѣщеніи его уѣзднымъ предводителемъ, Дмитріемъ Александровичемъ Чертковымъ, съ его женою Любовью Александровною, когда послѣдняя очень хвалила фонтанъ при въѣздѣ господскаго дома г. Гродненскаго, хозяинъ, въ порывѣ восторженной признательности, воскликнулъ: «Онъ вамъ нравится? Такъ я его вамъ дарю.» Чтобы покончить съ этой оригинальной личностію, дополню, что его такъ поразили всѣ послѣдствія отъ манифеста 19 Февраля 1861 года, что онъ бросилъ все свое хозяйство (тогда какъ слылъ дотолѣ хорошимъ агрономомъ) и запустилъ всѣ господскія свои поля: ни самъ ихъ не пахалъ, ни отдавалъ въ наймы.

Засѣдателемъ въ уѣздномъ судѣ былъ уже тогда Григорій Александровичъ Кондыревъ, человѣкъ вполнѣ безукоризненный, заступившій впослѣдствіи г. Гродненскаго въ должности судьи *). Подобную о немъ аттестацію я смѣло могу дать, потому что я служилъ съ нимъ въ бытность мою безъ малаго два года Тарускимъ судебнымъ слѣдователемъ, а при первоначальномъ въ 1860 году учрежденіи этой новой должности (предшествовавшей судебной реформѣ 20 Ноября 1864 г.), слѣдователи считались членами Уѣзднаго Суда и въ свободное время тамъ засѣдали.

Этой же осенью перешелъ къ намъ въ Калугу изъ Рязани Викентій Ѳомичъ Раковскій, и графъ Толстой помѣстилъ его на открывшуюся вакацію чиновника особыхъ порученій послѣ Гаврилова, назначеннаго (помнится мнѣ) товарищемъ предсѣдателя Уголовной Палаты (или Кричевскаго, получившаго мѣсто губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго). Вотъ былъ такимъ образомъ и третій Рязанскій бѣглецъ, считая И. К. Мартенса и меня, не говоря уже о нѣкоемъ Шумовѣ, успѣшно кончившемъ курсъ въ Рязанскомъ училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей, коего графъ помѣстилъ въ свою канцелярію, но противъ чаянія ничего особеннаго изъ него не вышло. Перешелъ также изъ Рязани какой-то становой, но онъ недолго, кажется, продержался въ Калужской губерніи.

---

*) Онъ нынѣ (1875) Тарускимъ исправникомъ.

Въ одно изъ краткихъ моихъ появленій въ Калугѣ, чтобы повидаться съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ, я однажды встрѣтился у друзей моихъ, поселившихся тамъ на зиму, Поливановыхъ, съ бывшимъ однополчаниномъ моимъ Андреемъ Семеновичемъ Раевскимъ, съ которымъ я не видался съ 1832 или 1833 года: обстоятельство тѣмъ болѣе странное, что онъ былъ помѣщикъ Калужскаго уѣзда *). Въ этотъ, или въ другой кратковременный мой пріѣздъ въ Калугу, зимою, было послѣднее мое свиданіе съ добрѣйшимъ Константиномъ Александровичемъ Поливановымъ: онъ давно страдалъ астмою и кончилъ сухоткою при открытіи весны 1858 года.

Передъ осеннею моею поѣздкою въ Калугу съѣхалась порядочная толпа гостей изъ Тарускаго и Калужскаго уѣздовъ отпраздновать въ сельцѣ Колосовѣ день именинъ, 21 Сентября, Тарускаго предводителя Дмитрія Александровича Черткова. Туда потащились также жена моя и я съ нашимъ десятилѣтнимъ сыномъ, который и самъ былъ именинникомъ. Проживалъ тогда г. Чертковъ въ живописномъ своемъ помѣстьѣ, при широкой по заграничному обстановкѣ, что̀ зовется «vie de château»: все было у него на изящно-роскошной ногѣ и «en grand», хоть бы завтра принимай царскую фамилію. Мэтръ-д'отелемъ былъ Итальянскій Славянинъ (изъ Тріеста) и столичные вители, съ ихъ кулинарными ассистентами, кондитеръ и лакеи въ щиблетахъ и ливреяхъ, съ гербовыми позументами по всѣмъ швамъ, оффиціанты во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, а лѣстница и пріемныя комнаты убраны тропическими и цвѣтущими растеніями изъ собственныхъ его оранжерей, тянувшихся одна за другой; онѣ же и снабжали столъ всякими плодами. Пріѣхалъ наканунѣ праздника и нашъ Калужскій архипастырь Григорій со своими пѣвчими и съ ревуномъ (хотя уже въ сѣдинахъ), тучнымъ протодіакономъ, и на слѣдующій день совершилъ литургію въ селѣ Солопёнкахъ, которое входитъ въ составъ имѣнія г. Черткова, но отстоитъ отъ Колосова въ трехъ верстахъ, при самой же усадьбѣ церкви нѣтъ. Владыка уѣхалъ послѣ утонченнаго, многоблюднаго и многолюднаго обѣда, за которымъ провозглашенъ былъ признательный въ его честь тостъ; а вечеромъ начался балъ съ выписнымъ изъ Калуги оркестромъ. Мѣстность въ Колосовѣ очаровательна. Домъ господствуетъ надъ крутымъ и высокимъ берегомъ Оки, а по болѣе отлогому его склону раскинутъ простран-

*) Онъ давно уже былъ женатъ на княжнѣ Горчаковой, но изъ какихъ Горчаковыхъ, не знаю.

вый и превосходно планированный паркъ. Зрителю мнится, что онъ не въ Россіи, а перенесенъ на берега Рейна. Тотчасъ же за Окою, изъ за темной чащи далеко тянущагося бора, выглядываютъ колокольни и кресты Алексинскихъ церквей, а вдоль Калужскаго берега той же рѣки, въ двухверстномъ разстояніи отъ Колосова, клубы дыма, вырывающіеся изъ высокихъ домнъ, свидѣтельствуютъ о кипучей дѣятельности Мышинскаго чугунно-плавильнаго завода. Изъ пріемныхъ комнатъ второго этажа Колосовскаго замка (каковымъ можно его назвать и потому, что при въѣздѣ во дворъ, утрамбованный, по заграничному, рѣчнымъ гравіемъ, возвышается, примыкая къ строенію, башня съ часовымъ боемъ), устроены, вмѣсто балкона или лѣстницы, отлогіе два спуска къ цвѣтникамъ, и все это вмѣстѣ, при бальномъ освѣщеніи, съ открытыми изъ залъ окнами, въ теплую Сентябрскую ночь, озаряющемъ ближнія цвѣточныя клумбы, а затѣмъ, въ отдаленности, лунное отраженіе, игриво трепещущее надъ поверхностію Оки,—все это вмѣстѣ придавало балу театрально-декоративный характеръ, измѣнившійся не менѣе эффектно, когда, при лучахъ восходившаго солнца, аккорды оркестра слились съ идиллическимъ звукомъ рожка: пастухъ выгонялъ въ поле стадо.

При въѣздѣ въ липовую аллею, засаженную въ два ряда съ каждой стороны и ведущую отъ большой Алексинской дороги къ Колосовскому дому, горѣли въ подобныхъ случаяхъ два огромные фонаря, на каменныхъ столбахъ, у желѣзныхъ воротъ, и это гармонировало какъ нельзя больше съ вельможническою обстановкою всей усадьбы, Но паче всего украшала празднество граціозная и привѣтливая ко всѣмъ молодая хозяйка дома, олицетворявшая тѣхъ «châtelaines», о коихъ мы часто читаемъ въ иностранныхъ романахъ, и порхавшая между своими гостями, не минуя никого теплымъ и искреннимъ словомъ. Отнюдь не диво, если салонный репертуаръ молодой великосвѣтской женщины бываетъ неистощимъ въ присущей ей сферѣ; но вѣдь здѣсь былъ свой совершенно элементъ, и Любовь Александровна имѣла дѣло съ провинціальными посѣтителями, многихъ изъ коихъ она видѣла въ первый или во второй только разъ, и потому общаго съ ними ничего не могла имѣть. Въ числѣ этихъ гостей насчитывалось конечно нѣсколько личностей, принадлежавшихъ къ одинаковой, свѣтской категоріи съ хозяйкою, но таковыя были въ меньшинствѣ, а встрѣчались между ними Гоголевскіе Ноздревы и Собакевичи; и все таки Любовь Александровна находила о чемъ съ ними бесѣдовать, и бесѣдовать даже продолжительно, такъ какъ нѣкоторые гости оставались въ Колосовѣ и на весь слѣдующій день. Душевная чистота этой жен-

щины и дѣтская ея способность забавляться тѣмъ, что̀ казалось бы невыносимо скучнымъ для пресыщенныхъ бо-мондныхъ львицъ, отражались во всѣхъ ея пріемахъ, и облегчали ей роль хозяйки, потому что когда мы довольны самими собою, то довольны всѣмъ и всѣми насъ окружающими, и на оборотъ. Не могла она конечно не закусывать губки, чтобы не расхохотаться отъ безпощадной ломки Французскаго языка нѣкоей Таруской городничихи, образчики чего стоило бы передать потомству, хоть бы наприм., что «m-r Chroustcheff est tellement brouillé avec m-r. N. qu'il ne s'est même pas ressuscité avec lui à la Pâques», что̀ значило, что двое изъ Тарускихъ обывателей, враждовавшіе между собою, не похристосовались на пасхальной утренѣ. Въ другомъ случаѣ, лингвистка эта, желая поблагодарить отъѣзжавшаго на зиму въ Москву мѣстнаго помѣщика за оказанное ей вниманіе, во время его лѣтняго пребыванія въ своемъ имѣніи, махнула фразу: «Je vous remercie, mon prince, pour votre bonne disposition (т. е. за доброе ваше ко мнѣ расположеніе). А то, участвуя однажды въ партіи съ этимъ же княземъ, когда одинъ изъ его партнеровъ замѣтилъ ему, что онъ сдѣлалъ неправильный ходъ, изъ чего произошелъ между ними споръ, трещетка-градоначальница, вступившись въ дѣло, промолвила: «le prince a ses règles», на что̀ тотъ отвѣчалъ ей: «je vous prie de croire, madame, que je ne les ai jamais eues». Въ интимномъ кружкѣ Любови Александровны была тогда нѣкая, немолодая и нестарая, но пріятная весьма особа; она же была и ближайшая ея сосѣдка. «Ахъ!» воскликнула городничиха при первомъ съ нею знакомствѣ, «c'est donc vous qui êtiez la fameuse jolie Grouchinka (немолодую и нестарую эту барыню звали Аграѳеною), dont j'ai tant entendu parler, quand j'étais encore une petite fille.» — «C'est moi-même, madame, mais d'après ce que vous dites, il y a de cela déjà bien longtemps,» сострила въ отвѣтъ пикированная дама.

Элегантный колоритъ балу придавали дамскіе туалеты, мало уступавшіе столичнымъ. Ужъ что другое, а на этотъ счетъ наши провинціалки не ударяютъ себя лицемъ въ грязь. Образчиками прехорошенькихъ, бальныхъ сильфидъ представилъ Тарускій уѣздъ въ лицѣ двухъ сестеръ Шатиловыхъ, и одной Елагиной *), а въ дополненіе ко всему комъ-ильфотный оттѣнокъ балу придавали танцоры, артиллерійскіе офицеры, квартировавшіе неподалеку въ Тарусѣ и въ Калугѣ, уровень образованности коихъ рѣзко отдѣляется (или по крайней мѣрѣ отдѣлялся въ то время) отъ армейскихъ пѣхотинцевъ. Изъ этихъ артилле-

*) Она вышла замужъ за одного изъ Тульскихъ князей Вадбольскихъ.

рійскихъ офицеровъ сблизились съ нами гг. Эйсмундъ, Августиновичъ [1]) и Рубецъ [2]).

Для паралельнаго изложенія всѣхъ, наиболѣе интересныхъ происшествій, внѣ окружавшей меня тогда сферы, разскажу о двухъ крупныхъ случаяхъ, взволновавшихъ Москву и Рязань. Первымъ изъ нихъ была студенческая исторія съ оберъ-полицейместеромъ Берингомъ, некрасиво для него кончившаяся. Подробности этого происшествія ускользнули изъ моей памяти, но сущность его была приблизительно такова. Въ квартиру собравшихся нѣсколькихъ студентовъ, пировавшихъ и, быть можетъ, распѣвавшихъ громковато любимую свою пѣснь «Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus», ворвались, безъ всякаго предписанія отъ начальства, полиціанты. Незванныхъ этихъ гостей студенты начали выгонять; произошла схватка, во время которой свѣчки были, умышленно или нѣтъ, потушены, и полиціанты обнажили свои тесаки, а полицейскій казакъ (или жандармъ) саблю. Студентамъ удалось вытѣснить осаждающихъ на улицу, но полиціанты возвратились съ подкрѣпленіемъ и уже въ сопровожденіи частнаго пристава, продолжавшаго наступательныя мѣры съ словеснымъ, будто бы, на это разрѣшеніемъ отъ самого А. А. Беринга. Насколько правды въ послѣднемъ обстоятельствѣ, не знаю; но помню, что въ схваткѣ были раненые изъ обоихъ лагерей. На слѣдующій день всполилъ, въ естественномъ негодованіи, весь университетскій высшій персоналъ и взошелъ съ прошеніемъ къ генералъ-губернатору, графу Закревскому. (Быть можетъ, что полиціею были задержаны подъ арестъ нѣкоторые студенты, что̀ и составляло нарушеніе университетской автономіи; но оно могло случиться потому, что г. Берингъ былъ грубоватаго нрава и наклоненъ расправляться по фельдфебельски). Когда за тѣмъ наряжено было по этому дѣлу слѣдствіе, Ѳедоръ Ивановичъ Иноземцовъ (тогда профессоръ) заявилъ желаніе находиться при производствѣ дѣла, какъ депутатъ отъ горячо любимыхъ имъ студентовъ. Дѣло долго тянулось, но однакоже кончилось преданіемъ суду частнаго пристава, самовольно распорядившагося со студентами, а оберъ-полицейместеръ Берингъ былъ уволенъ изъ службы безъ прошенія.

---

[1]) Сестра этого Августиновича была та самая назойливая барышня, съ претензіями на пѣніе, приставшая ко мнѣ въ 1841 году (если читатель помнитъ), чтобы я ее допустилъ участвовать, какъ солистку, въ одномъ изъ нашихъ аматёрскихъ концертовъ. Братъ ея, вышесказанный артиллерійскій офицеръ, женился въ 1858 году на одной изъ вышеупомянутыхъ сестеръ Шатиловыхъ.

[2]) Онъ владѣлъ звучнымъ теноровымъ, груднымъ органомъ и хотѣлъ было поступить (да чуть ли не поступилъ) на сцену, для чего ѣздилъ позднѣе за границу.

Второй случай, еще болѣе возмутительный, былъ въ Рязани, съ блаженной памяти архіепископомъ Гавріиломъ. Въ осенній праздникъ Казанской иконы Божіей Матери, по совершеніи имъ литургіи въ Рязанскомъ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, по случаю храмоваго праздника, онъ, а также и губернаторъ П. П. Новосильцовъ съ женою, пошли, по приглашенію игуменьи, старицы Екатерины (которая сама передавала мнѣ въ 1859 году этотъ случай), кушать у нея чай, и едва всѣ усѣлись за столъ, какъ какой-то незнакомый никому человѣкъ (но по одеждѣ принадлежавшій къ духовному званію), взошедъ въ горницу, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ бы желая подойти подъ благословеніе владыки. Достопочтенный архипастырь, всегда вѣжливый ко всякому, всталъ съ мѣста на встрѣчу незнакомца, дабы осѣнить его, какъ вдругъ этотъ негодяй, ударилъ со всего розмаху архіерея по головѣ такъ сильно, что старикъ упалъ на полъ. Петръ Петровичъ бросился его поднимать, и на всеобщій крикъ выбѣжала игуменья изъ сосѣдней комнаты, гдѣ она была занята приготовленіями къ угощенію своихъ почетныхъ гостей. Пытался-ли преступникъ бѣжать, не знаю; но сопровождавшій губернатора жандармскій вѣстовой схватилъ мерзавца и повелъ его подъ арестъ. Кто онъ былъ таковъ, не могли дознаться, хотя нѣкоторые его переходы изъ одного монастыря въ другой, внѣ Рязанской епархіи, были изслѣдованы, также какъ осталось тайною, питалъ-ли онъ личную за что-нибудь злобу къ праведнику-іерарху, не имѣвшему ни единаго врага во всей своей епархіи. Иные говорили, что онъ Рязанскій уроженецъ, что якобы былъ за что-то исключенъ изъ духовнаго званія, и тому подобное, но ничего положительнаго о немъ не было обнаружено слѣдствіемъ. Будучи признанъ въ состояніи умопомѣшательства медицинскимъ осмотромъ, онъ былъ заключенъ въ домъ умалишенныхъ. Преосвященный Гавріилъ увѣдомилъ было о случившемся съ нимъ митрополита Филарета, съ коимъ давно находился въ перепискѣ [1]), но, не получая, какъ разсказывали мнѣ, никакого отвѣта отъ митрополита, онъ понялъ будто-бы, что это молчаніе соотвѣтствуетъ совѣту проситься на покой, что̀ онъ и сдѣлалъ [2]). Послѣдніе немногіе годы своей жизни преосвященный Гавріилъ провелъ въ подгородномъ къ Рязани Ольговомъ монастырѣ, и при всей тѣлесной своей немощи собственноручно вырылъ, исподоволь, себѣ могилу, а въ хорошую лѣтнюю погоду онъ просиживалъ, бывало, по-

[1]) Отрывки изъ этой переписки недавно напечатаны въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ.

[2]) Сколько мнѣ извѣстно, ударившій архіерея былъ заштатный дьяконъ. Извѣстіе о молчаніи митрополита, принятомъ пр. Гавріиломъ за совѣтъ удалиться, мнѣ неизвѣстно, но кажется невѣроятнымъ. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстого.*

долгу передъ стѣнами обители, устремивъ взоръ на любимую и преждевременно покинутую имъ Рязань. Навѣстилъ его тамъ однажды сердобольный всегда Петръ Петровичъ Новосильцовъ, уже не Рязанскимъ губернаторомъ, нарочно пріѣхавшій повидаться съ іерархомъ, съ коимъ онъ всегда жилъ дружно. «Повремените немного, ваше превосходительство», всполошился старецъ, увидѣвъ столь неожиданнаго и дорогаго гостя, и затѣмъ удалившись въ свои внутренніе покои, возвратился въ шелковой рясѣ, сшитой изъ матеріи, подаренной ему нѣкогда Меропою Александровною. «Съ тѣхъ поръ какъ я ее (т.-е. рясу) сшилъ», началъ онъ, «я такъ ею дорожу, что ни разу еще не надѣвалъ и завѣщалъ, чтобы меня въ ней похоронили; но для васъ дѣлаю исключеніе *)». Этакая была въ немъ дѣтская простота!

Подъ конецъ осени, Тарускій предводитель Д. А. Чертковъ, созвавъ къ себѣ всѣхъ дворянъ уѣзда, въ томъ числѣ и меня, предъявилъ намъ министерскій циркуляръ слѣдующаго приблизительно содержанія. Такъ какъ дворянство Сѣверо-западныхъ губерній поднесло всеподданнѣйшій адресъ, съ изложеніемъ желанія улучшить бытъ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ, то, находя эту мѣру своевременною, Государь Императоръ соизволилъ дать свое на это согласіе и вмѣстѣ съ симъ повелѣлъ спросить у дворянъ всѣхъ прочихъ губерній, не пожелаютъ-ли они послѣдовать похвальному примѣру вышеупомянутыхъ дворянъ. Въ этомъ циркулярѣ ясно читалось, что Государь желаетъ приступить къ окончательному упраздненію крѣпостной зависимости, и потому смѣтливые Тарускіе помѣщики поняли настоящую суть дѣла, и заявили о своемъ согласіи; а такъ какъ предводитель просилъ каждаго изъ насъ изложить нашъ отвѣтъ на бумагѣ, то, возвратившись домой въ экзальтированномъ состояніи духа, я начертилъ въ отвѣтъ, что радостно привѣтствую случай высказать питаемое мною омерзѣніе къ крѣпостному гнету, и что вполнѣ сознаю, что наступило время покончить навсегда съ этимъ позоромъ, отдѣлявшимъ насъ отъ всей цивилизованной Европы. По словамъ Д. А. Черткова, шуринъ мой А. И. Нарышкинъ выразился еще болѣе рѣзко, нежели я. Отвѣтныхъ заявленій отъ прочихъ Тарускихъ дворянъ не случилось мнѣ прочесть; но никто, вѣроятно, не высказался противъ явнаго желанія правительства.

Зиму съ 1857 по 1858 годъ я провелъ неотлучно съ своимъ семействомъ въ Знаменскомъ, занимаясь преимущественно дѣломъ надъ исправникомъ Бахметевымъ, изъ чего образовался толстый фоліантъ, а такъ какъ онъ былъ удаленъ на время отъ своей должности, то графъ

*) Передано мнѣ самимъ П. П. Новосильцовымъ въ Ниццѣ въ 1863 году.

Дмитрій Николаевичъ предложилъ, по моему и г. Черткова указанію, прежнему исправнику, Александру Александровичу Суморокому, принять временно на себя эту должность. Я гдѣ-то уже говорилъ, что этотъ достойный вполнѣ человѣкъ, прослужившій съ честію и съ пользою для уѣзда нѣсколько трехлѣтій, былъ незаслуженно забалотированъ на послѣднихъ выборахъ, и неохотно онъ теперь принялъ сдѣланное ему губернаторомъ предложеніе, потому вопервыхъ, что онъ зналъ о неурядицахъ, допущенныхъ въ Тарускомъ земскомъ судѣ г. Бахметевымъ, а вовторыхъ, потому что онъ могъ быть лишь калифомъ на часъ, вслѣдствіе чего не могло быть у него охоты трудиться даромъ, если г. Бахметевъ будетъ оправданъ и снова вступитъ въ свою должность. Однакожъ Д. А. Чертковъ и я уломали его дать согласіе; да и быть можетъ, ему польстило немного вступить на службу по личному приглашенію начальника губерніи.

1858-й годъ.

Въ промежуткѣ слѣдствія надъ г. Бахметевымъ я попросился въ отпускъ въ Москву по затянувшемуся безъ результатовъ иску съ г-жи Обнинской, и прожилъ въ Москвѣ до конца зимы.

Одною изъ первыхъ и грустныхъ для меня новостей, прочтенныхъ въ газетахъ въ Москвѣ, было извѣстіе, что Петръ Петровичъ отозванъ отъ мѣста губернатора въ Рязани и причисленъ къ министерству. Много позднѣе я узналъ отъ человѣка, довольно къ нему близкаго, слѣдующія подробности по сему дѣлу. По полученіи предъидущею осенью извѣстнаго министерскаго циркуляра объ улучшеніи крестьянскаго быта, Петръ Петровичъ отвѣчалъ, что изъ объясненій съ дворянами Рязанской губерніи по этому предмету онъ узналъ, что они не находятъ современнымъ приступать къ измѣненію чего-либо въ настоящихъ отношеніяхъ между помѣщиками и крѣпостными ихъ людьми, съ каковымъ взглядомъ и онъ, губернаторъ, вполнѣ согласенъ; и за тѣмъ, развивая эту тему, онъ указывалъ на пагубныя для государства послѣдствія, могущія возникнуть отъ нарушенія крѣпостнаго начала при незрѣлости нашихъ крестьянъ. Подобное мнѣніе губернатора, хотя оно шло въ разрѣзъ съ правительственною тенденціею и обличало человѣка, не понимающаго знаменій времени, все-таки показываетъ нѣкоторую отважность. Вотъ, молъ, я высказалъ вамъ мои убѣжденія, какъ честный человѣкъ, а затѣмъ, дѣлайте что̀ угодно со мною. Но не выдержалъ характера легкомысленный Петръ Петровичъ. Сообщилъ онъ о своемъ отзывѣ Николаю Адріяновичу Дивову, а послѣдній замѣтилъ ему, что онъ затѣваетъ немаловажное для себя затрудненіе этимъ офи-

ціальнымъ протестомъ противъ очевидной монаршей воли. Слова моего кузена заставили, вѣроятно, Петра Петровича потрезвѣе разобрать pro и contra этого вопроса, и онъ, измѣнивъ прежній свой образъ дѣйствій, черезъ недѣлю вторично донесъ министру, что послѣ перваго своего донесенія онъ имѣлъ случай снова бесѣдовать съ Рязанскимъ дворянствомъ, которое заявило ему, что находитъ своевременнымъ приступить къ коренной реформѣ крестьянскаго быта, съ чѣмъ и онъ, какъ губернаторъ, вполнѣ согласенъ. Какъ ни покровительствовалъ ему дотолѣ министръ, Сергѣй Степановичъ Ланской, но столь явная непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ губернатора была уже слишкомъ разительна. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ могло дворянство всей губерніи придти въ столь короткій срокъ къ совершенно противуположному противъ прежняго взгляду? Вотъ черезъ что рушилась дальнѣйшая карьера бѣднаго Петра Петровича, и только нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, но безъ всякаго новаго назначенія, чѣмъ, по моему мнѣнію, его незаслуженно обидѣли, тогда какъ ему давно хотѣлось попасть въ сенаторы, чтобы пользоваться трехтысячнымъ окладомъ, составлявшимъ немаловажную для него поддержку при разстройствѣ домашнихъ его дѣлъ. Въ послѣдній годъ губернаторствованія въ Рязани Петра Петровича постигла непріятность попасть въ «Колоколъ», который всѣ читали съ жадностію и противъ распространенія котораго правительство не особенно зорко слѣдило. Взбунтовались крестьяне Зарайскаго уѣзда села Дѣднова (имѣніе бывшее Измаилова, доставшееся по наслѣдству графу Александру Дмитріевичу Толстому). Поводомъ этихъ безпорядковъ было, на сколько помнится мнѣ, ошибочное убѣжденіе крестьянъ, что по смерти Измаилова они должны были поступить въ Министерство Государственныхъ Имуществъ. П. П. Новосильцовъ отправился на мѣсто происшествія, и когда всѣ его старанія вразумить крестьянъ оказались безплодными, то онъ долженъ былъ поневолѣ прибѣгнуть къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Была ли сѣкуція въ размѣрахъ болѣе жестокихъ, чѣмъ требовалось, не знаю; но Герценъ описалъ это происшествіе въ своемъ листкѣ въ такихъ краскахъ, что публично опозорилъ не только самого губернатора, но выставилъ ассистентами этой экзекуціи Зарайскаго исправника Улитина и чиновника особыхъ порученій Славутинскаго. Не говоря уже о томъ, что послѣднія оба лица не могли ни въ чемъ распоряжаться въ данномъ случаѣ, но у Герцена была еще и та невѣрность, что Славутинскій не сопровождалъ губернатора въ с. Дѣдново.

Квартируя въ Москвѣ у прежняго моего «factotum», кондитера Радзиковскаго (на углу Большой Никитской и Верхняго Кисловскаго

переулка), всталъ я въ одно прекрасное утро съ рѣшеніемъ попытаться покончить миролюбно мою тяжбу съ супругами Обнинскими. Уже хуже чѣмъ теперь изъ этого дѣла ничего выйти не можетъ, размышлялъ я. Обнинскіе жили въ своемъ собственномъ домѣ, на Пятницкой (за Москвой рѣкою) въ Клементьевскомъ переулкѣ, и я, помолившись мимоходомъ у Иверской, отправился къ нимъ. Когда человѣкъ доложилъ Наркису Антоновичу о моемъ пріѣздѣ, онъ вышелъ ко мнѣ съ изумленнымъ выраженіемъ. «Понимаю ваше удивленіе», началъ я, «но я счелъ лучшимъ объясниться лично съ вами и помириться, если возможно. Подумайте, что̀ выйдетъ изъ нашей тяжбы? Мы съ вами люди уже немолодые, будемъ все кормить безъ всякаго толка адвокатовъ да подъячихъ, а въ случаѣ нашей смерти передадимъ безконечную тяжбу нашимъ дѣтямъ. Положите, почтеннѣйшій Наркисъ Антоновичъ, какъ честный человѣкъ (каковымъ я васъ считаю), положите руку на сердце и скажите, вотъ передъ иконою, ужели можете утверждать, что при смерти вашего тестя, Ивана Антоновича, всѣ денежные счеты между нимъ и моею матерью были покончены за проданное ею на имя вашей жены имѣніе?» Замялся немного мой полковникъ и возразилъ: «Ко-нечно, — н-н нѣтъ (онъ сильненько заикался)» н-но вѣдь а-адвокатъ Бернаръ взыс-скивалъ такую несоразмѣрную съ н-насъ с-сумму, что приходится отрицать в-весь долгъ, а в-вы знаете, в-ваше сіятельство, что по з-закону кто преувеличиваетъ свой искъ, т-тотъ л-лишается его с-сполна».—«Знаю, почтеннѣйшій Наркисъ Антоновичъ», отвѣчалъ я ему на это, «но знаю также, что отвѣтчику не очень легко отъ этого; потому что судебное мѣсто всетаки взыскиваетъ съ него долгъ въ настоящемъ его размѣрѣ, съ тою лишь разницею, что, вмѣсто удовлетворенія истца, деньги эти поступаютъ на какое нибудь богоугодное заведеніе. Это само по себѣ, а въ настоящемъ случаѣ я желаю обратить ваше вниманіе и на то, что я никакъ не отвѣтчикъ за дѣйствія г. Бернара, ибо онъ былъ не мой повѣренный, а моей матери и наслѣдника моего брата; а какъ вамъ извѣстно, что моя мать завѣщала мнѣ должныя по сіе время вашею женою деньги, то я теперь заведу искъ отъ собственнаго моего имени».— «Пожалуйте ко мнѣ въ кабинетъ», видимо смягчившись, сказалъ онъ: «тамъ пересмотримъ вмѣстѣ всѣ бумаги по сему дѣлу». Тутъ взошла въ столовую, гдѣ мы разговаривали, его жена и со слезами на глазахъ протянула мнѣ руку. Прошло уже болѣе десяти лѣтъ, какъ я не встрѣчался съ Варварою Ивановною, и пріемъ ея глубоко тронулъ меня. Когда я сталъ напоминать ей о времени дѣтскихъ нашихъ игръ, она съ взволнованнымъ голосомъ перебила меня словами: «Все, все помню, а также и всѣ ми-

лости мой благодѣтельницы», т. е. моей матери [1]) «и будьте увѣрены, графъ, что мужъ и я готовы сдѣлать все возможное, чтобы честно расплатиться съ вами». За тѣмъ Наркизъ Антоновичъ и я принялись тщательно разсматривать всѣ бумаги по этому дѣлу, а также и письменную корреспонденцію покойнаго его тестя съ моею матерью и съ моимъ братомъ. Въ духовномъ своемъ завѣщаніи мать моя назначила моимъ дѣтямъ (тогда Апночка моя была еще жива) недоплаченныя ей деньги за продажу ея имѣнія, всего 80 тыс. (кажется) рублей на ассигнаціи, что̀ и представляло приблизительно 23 тыс. рубл. на серебро. На просьбу г. Обпинскаго, чтобы я сдѣлалъ какую нибудь скидку изъ всей этой суммы, въ виду стѣсненныхъ отчасти его обстоятельствъ (и дѣйствительно, г. Кавецкій, его тесть, въ послѣдніе годы своей жизни довольно неудачно повелъ денежныя свои дѣла), я отвѣчалъ, что, дѣйствуя не за себя, а за малолѣтняго моего сына, я не въ правѣ лишить его того, что̀ назначено ему его бабушкой, но тѣмъ не менѣе соглашаюсь уступить полторы тысячи рублей серебр., но ни копѣйки болѣе. За тѣмъ г. Обпинскій предъявилъ мнѣ письмо моей матери къ И. А. Кавецкому, писанное позднѣе (если не ошибаюсь) духовнаго ея завѣщанія, въ которомъ она препоручала ему исполнить разныя денежныя коммиссіи, всего на сумму 1000 рублей серебромъ или около того, и я счелъ справедливымъ вычесть эти деньги изъ капитала обозначеннаго въ духовномъ завѣщаніи. Послѣ сего г. Обпинскій показалъ мнѣ другое письмо, также моей матери, къ его тестю, въ которомъ она уполномочивала его выдать Николаю Адріяновичу Дивову семь съ половиною (помнится мнѣ) т. рубл. серебр., каковые онъ просилъ заимообразно у нея, и въ полученіи которыхъ Обпинскій показалъ мнѣ росписку Дивова. Хотя объ этомъ займѣ не сказано было ничего въ духовномъ завѣщаніи моей матери (т. е. не было обозначено, кому слѣдуютъ эти деньги послѣ ея смерти), но, имѣя въ виду, что 1000 рубл., издержанные г. Кавецкимъ на комиссію моей матери, не были вычтены изъ остальнаго долга ей за ея имѣніе г. Кавецкимъ, я подумалъ, что объ этой выдачѣ денегъ Дивову мать моя, быть можетъ, позабыла упомянуть въ своемъ духовномъ завѣщаніи, и потому я заявилъ г. Обпинскому свое согласіе вычесть и эту сумму изъ недоплаченныхъ моей матери и признать Дивова моимъ должникомъ [2]). И

---

[1]) Она воспитывалась въ Петербургскомъ Екатерипенскомъ институтѣ на счетъ моей матери.

[2]) Впослѣдствіи обстоятельство это было причиною молчаливаго недоразумѣнія между мною и моею невѣсткою, графинею Авророю Осиповною и ея сыномъ. Говорю молчаливаго, потому что моя невѣстка одинъ только разъ намекнула мнѣ объ ошибоч-

такъ, по учиненіи всего расчета, мы пришли къ обоюдному соглашенію, что г-жа Обнинская оставалась должна мнѣ 13 тыс. рубл. сер., въ каковыхъ мужъ ея первоначально предложилъ мнѣ взять какое-то небольшое имѣніе его жены въ Ярославской губерніи, но какъ я на это не согласился, потому что мать моя назначила получить мнѣ наличныя деньги, то супруги Обнинскіе высказали готовность выдать мнѣ сейчасъ вексель на всю сумму. Въ ознаменованіе миролюбивой нашей сдѣлки, Наркизъ Антоновичъ пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ въ этотъ же день въ Дворянскомъ клубѣ, гдѣ онъ былъ членомъ. Мимоѣздомъ туда мы завернули къ маклеру на Ильинкѣ, гдѣ онъ и выдалъ мнѣ вексель срокомъ на четыре или пять лѣтъ, за порукою его жены, а за обѣдомъ мы спрыснули Шампанскимъ наше примиреніе, и вскорѣ послѣ сего онъ заплатилъ мнѣ (на сколько помню) годовые проценты впередъ со всей суммы. Жаль, что упустилъ я тогда изъ виду взять отъ него росписку, выданную Дивовымъ г-ну Кавецкому, въ полученіи отъ послѣдняго денегъ, занятыхъ у моей матери, что̀ и надѣлало было мнѣ впослѣдствіи серіозныхъ хлопотъ, какъ о томъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Всѣ мои знакомые поздравляли меня съ неожиданною развязкой столь запутанной тяжбы, но особенно радовался за меня мой Радзиковскій. Объ одной кондитерской его продѣлкѣ стоитъ здѣсь разсказать. Имянины тогдашней игуменьи Зачатейскаго монастыря приходились обыкновенно великимъ постомъ, по каковому случаю инокини этой обители привыкли прибѣгать къ Радзиковскому съ заказомъ постнаго миндальнаго торта для поднесенія своей начальницѣ; а нашъ-

---

номъ мосмъ взглядѣ по одной статьѣ духовнаго завѣщанія моей матери, да и то вскользь; племянникъ же мой ни слова никогда мнѣ не говорилъ по этому предмету, но проронилъ однажды словечко о семъ съ Дивовымъ, который отвѣчалъ ему, что находившіяся у него деньги, занятыя у моей матери, слѣдуютъ безспорно мнѣ. Сознаюсь теперь, что тутъ могла быть нѣкоторая путаница, выходившая изъ того, что въ духовномъ завѣщаніи моей матери сказано также было, что всѣ ея капиталы, за исключеніемъ недоплаченныхъ сей г. Кавецкимъ за с. Бѣлкино, она завѣщаетъ своему внуку, графу Дмитрію Петровичу, такъ какъ она состояла должною его отцу, а ея сыну. Припоминая нынѣ въ подробности все это дѣло, подозрѣваю, что, быть можетъ, я поступилъ слишкомъ необдуманно, согласившись вычесть долгъ Дивова изъ недоплаченныхъ за Бѣлкино денегъ; но въ то время оно представлялось мнѣ въ ясномъ совершенно видѣ и вполнѣ справедливымъ. Во всякомъ случаѣ я глубоко сожалѣю, что старался замять разговоръ съ графинею Авророю Осиповною, когда она намекнула мнѣ объ этомъ дѣлѣ, въ бытность мою во Флоренціи, въ началѣ 1863 года. Къ счастію, это недоразумѣніе не произвело никакого охлажденія между нами и между мною и моимъ племянникомъ.

то кондитеръ-грѣховодникъ, преспокойно и безъ зазрѣнія совѣсти, мѣсилъ тѣсто для торта на скоромномъ маслѣ съ яицами, но поверхность торта, разукрашеннаго разноцвѣтными сахарными орнаментами, онъ смазывалъ для аромата легкимъ слоемъ крѣпкой миндальной эссенціи. Смиренныя инокини ничего повидимому не подозрѣвали, да и сама мать-игуменья, при посѣщеніи ея однажды Радзиковскимъ въ день ея именинъ, наивно спросила у него, какъ это онъ умѣетъ столь вкусно изготовлять постное издѣліе, на что онъ имѣлъ дерзость отвѣчать, что весь секретъ состоитъ лишь въ томъ, что онъ мѣситъ тѣсто на миндальномъ маслѣ: вещь едвали возможная, и во всякомъ случаѣ крайне не практичная по дороговизнѣ миндальной масляной эссенціи. Но вотъ о чемъ стóитъ также записать, какъ объ образчикѣ роскоши, вкравшейся въ низшихъ слояхъ столичнаго духовенства. На свадьбу попамаря Николо-хлыновской церкви (близъ Никитской) съ дочерью просвирни той же церкви, Радзиковскому было заказано кондитерскихъ издѣлій на 300 (кажется) рублей серебр.. а на слѣдующій послѣ свадьбы день молодые поѣхали съ визитами въ каретѣ. Каковò это? Знать, просвирня наградила дочку хорошимъ приданымъ!

Разузнавъ, гдѣ жилъ уволенный съ предыдущаго (1857) года отъ мѣста Московскаго почтдиректора, Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, я счелъ долгомъ сердца навѣстить этого стараго знакомаго моего семейства, еще до нашего переселенія во Флоренцію въ 1817 году, и который постоянно былъ внимателенъ ко мнѣ. Смѣненъ же онъ былъ, какъ мнѣ разсказывали, будто бы за то, что въ одномъ случаѣ не оказалъ свѣтской любезности нѣкоторой вліятельной Петербургской, женской особѣ изъ темнаго міра, но которую тѣмъ не менѣе чествовалъ будто бы въ Москвѣ крупный коммерческій дѣятель съ однимъ офиціальнымъ даже лицомъ, по случаю пріѣзда туда этой барыни. Кстати я желалъ навѣстить сына его, блестящаго когда-то въ обѣихъ столицахъ повѣсу, Костю, уже разбитаго тогда параличомъ и дни коего были сочтены. Это онъ хорошо зналъ, но тѣмъ не менѣе не унывалъ. Отецъ и сынъ занимали маленькую квартирку на Малой Дмитровкѣ, при болѣе чѣмъ скромной обстановкѣ, такъ какъ состоянія у нихъ не было (а если и было, то самое ничтожное), и Александръ Яковлевичъ существовалъ, вѣроятно, почти что однимъ своимъ жалованьемъ сенатора, каковое званіе онъ получилъ при его увольненіи изъ почтдиректоровъ. Сердце щемило у меня, глядя на обоихъ, и это свиданіе было послѣднее мое съ ними. Старикъ Александръ Яковлевичъ совсѣмъ почти оглохъ, и куда дѣвались вся его салонная изящность и любезность, которыя онъ сохранялъ дотолѣ и молодился,

хотя давно уже перешелъ на восьмой десятокъ. А сынъ, бывшій запѣвало Петербургской золотой молодежи и мучитель великаго князя Михаила Павловича, этотъ неистощимый своимъ юморомъ Костя не могъ вставать съ креселъ; но и въ этомъ состояніи вырывались у него подчасъ острыя словечки.

Зенаида Сергѣевна Дивова жила тогда въ домѣ Варгина, на Тверской площади, платя за свое отдѣленіе по 300 рубл. въ мѣсяцъ, и я каждый день обѣдалъ у нея. Старшій ея сынъ, Сергѣй Николаевичъ, которому шелъ 14-й годъ, былъ недавно передъ тѣмъ записанъ въ пажи; но этимъ все дѣло и кончилось, и его никогда не отдали въ корпусъ. Онъ учился тогда ѣздить верхомъ (безъ стремянъ) въ манежѣ Фрейтага (на Бронной), и бѣдняжка пыхтѣлъ отъ стянутаго на немъ мундира; а мундиръ былъ сшитъ очень тѣсный по желанію (помнится мнѣ) заботливой его матушки, дабы помѣшать сынку толстѣть, къ чему онъ имѣлъ наклонность.

Къ свѣтлому празднику я возвратился въ Знаменское и тамъ остался до просухи. При вскрытіи весны скончался въ Калугѣ, какъ слѣдовало ожидать, мой хорошій пріятель Константинъ Александровичъ Поливановъ. Въ беззлобіи и любви къ ближнему и готовности помочь всякому нуждающемуся могу я отчасти сравнить его только съ моимъ братомъ, графомъ Петромъ Дмитріевичемъ; но послѣдній былъ высшимъ идеаломъ возможнаго въ человѣкѣ совершенства.

Въ Маѣ я отправился на службу въ Калугу, и туда же поѣхала со мною на нѣсколько дней моя жена съ Митею, который причинилъ было намъ немало тревоги. Съ половины дня до вечера, когда онъ легъ спать, его трясла лихорадка, а ночью съ нимъ вдругъ сдѣлался жаръ и сильный бредъ. Онъ поднялся на кровати и съ открытыми глазами началъ умолять: «родные вы мои, не оставьте меня». Можно себѣ представить нашъ переполохъ. Четыре года передъ тѣмъ мы внезапно лишились нашей дочери, и поневолѣ пугапая ворона куста боится. Мы сейчасъ послали за почтеннымъ докторомъ, Ѳедоромъ Васильевичемъ Бекеромъ, который не замедлилъ прибыть и прописать что-то успокоительное, такъ что остальную часть ночи мальчикъ нашъ провелъ безъ волненій. Это было не что иное, какъ лихорадочно-нервный пароксизмъ, и на слѣдующій день онъ былъ какъ встрепаный. Онъ росъ очень нервнымъ ребенкомъ, и подобные лихорадочные припадки повторялись кое-когда и впослѣдствіи, но никогда въ такой степени, какъ въ этотъ разъ въ Калугѣ. Рядомъ съ нами, въ гостиницѣ Кулона, стояли тогда Чертковы, которые, какъ и мы, имѣли единственнаго ребенка и пото-

му приняли живѣйшее участіе въ нашемъ безпокойствіи. Я всегда отдавалъ и отдаю должную справедливость Дмитрію Александровичу Черткову, что насколько онъ былъ непріятенъ и тяжелъ какъ педантъ въ служебномъ отношеніи, на столько былъ образцовымъ мужемъ и отцомъ.

Вышелъ тогда министерскій проектъ о начальникахъ уѣздовъ, чему И. К. Мартенсъ и я очень было обрадовались, уповая, что графъ Толстой непремѣнно назначитъ обоихъ насъ на эти мѣста; однакоже, къ нашему прискорбію, проектъ этотъ канулъ въ воду.

Я остался въ Калугѣ, а жену съ сыномъ отправилъ обратно въ Знаменское, съ моею чиновническою по казеннымъ надобностямъ подорожной, и вотъ что случилось съ нею. Первыя двѣ станціи все шло какъ по маслу; лошадей она не ждала и платила за пару, хотя ей впрягали тройку, но въ Ферзиковѣ ямской староста, заглянувъ въ тарантасъ и разсмотрѣвъ, что въ немъ сидитъ «не нашъ чиновникъ самъ» (какъ меня величали), а его барыня, слупилъ съ нея двойные прогоны чуть ли не за всю тройку.

Однажды, въ началѣ лѣта, графу Дмитрію Николаевичу захотѣлось «кутнуть», какъ онъ выразился, въ кругу «своей молодежи», каковыми онъ называлъ себя, старыхъ декабристовъ князя Евгенія Петровича Оболенскаго и Гавріила Степановича Батенкова, вице-губернатора Николая Ильича Юркевича (человѣка хотя не стараго, но начинавшаго сѣдѣть), Семена Васильевича Хрущова (отставного маіора Аракчеевскихъ кавалерійскихъ поселеній) и вашего покорнѣйшаго слуги. Кромѣ того, включены были дѣйствительно молодые, сравнительно съ нами, люди: князь Андрей Васильевичъ Оболенскій (предсѣдатель Гражданской Палаты), И. К. Мартенсъ и правитель графской канцеляріи Владимиръ Андреевичъ Лысогорскій. Препоручено было мнѣ заняться обѣдомъ у Кулона; но такъ какъ назначенное для нашего пиршества время, 5 часовъ, было слишкомъ позднимъ для Г. С. Батенкова и нарушало методическія его привычки, то онъ, отобѣдавъ у себя въ свой обыкновенный часъ, пришелъ къ намъ, когда обѣдъ былъ въ полномъ разгарѣ, и нѣкоторые изъ насъ немного навеселѣ. Это былъ не тотъ уже разгульный Батенковъ 20-ыхъ годовъ, о которомъ говоритъ Гречъ въ своихъ Запискахъ, и коснулся ли онъ тутъ хоть кончиками губъ къ бокалу Шампанскаго, я и этого утвердить не могу. Общій у насъ разговоръ былъ оживленъ и разнообразенъ, и когда перешелъ непримѣтно къ нѣкоторымъ событіямъ и дѣятелямъ Александровской эпохи, то Батенковъ произнесъ, съ нѣкоторымъ эмфазисомъ: «Да, графъ

Аракчеевъ оставилъ свои секретные мемуары; они хранятся въ потаенномъ мѣстѣ, *но я знаю, гдѣ они спрятаны*». Нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, обратили пытливый взглядъ на «бывшаго визиря правой руки государевой» (какъ его однажды назвалъ Гречъ), но такъ какъ никто не настаивалъ на этотъ предметъ, то Батенковъ ни слова болѣе не добавилъ; но сказанное имъ врѣзалось у меня въ памяти, такъ какъ никто еще, насколько мнѣ извѣстно, не зналъ о существованіи автобіографическихъ записокъ знаменитаго временщика. И ужели Батенковъ унесъ съ собою въ могилу эту тайну, и не суждено столь интереснымъ документамъ всплыть когда-нибудь наверхъ? [1])

Въ это самое время (т.-е. въ началѣ лѣта) назначена была столь много обѣщавшая и столь неудачно оказавшаяся на дѣлѣ, духовная миссія въ Іерусалимѣ, начальникомъ коей былъ выбранъ Кирилъ, сынъ Калужскаго священника Михаило-Архангельской церкви, и хиротонисанъ для сего въ епископа, въ слишкомъ, какъ мнѣ сдается, молодыхъ годахъ (ему было тридцать съ небольшимъ лѣтъ), и это-то обстоятельство могло быть причиною неуспѣшныхъ (или, быть можетъ, необдуманныхъ) его дѣйствій на мѣстѣ новаго его служенія. Въ чемъ именно могли его упрекать, достовѣрно не знаю, а сплетни не охочъ я передавать; но я слышалъ, что онъ имѣлъ какую-то исторію съ однимъ изъ своихъ діаконовъ, котораго хотѣлъ заставить будто бы исповѣдываться, когда діаконъ этотъ готовился причаститься святыхъ тайнъ, во время служенія съ нимъ литургіи; что діаконъ не подчинился въ этомъ случаѣ своему архіерею и прибѣгнулъ къ протекціи мѣстнаго Греческаго патріарха, вступившагося за него, хотя діаконъ зависѣлъ непосредственно отъ Русскаго епископа, а послѣдній не былъ подчиненъ патріарху. Миссія эта не осуществила ожидаемой отъ нея пользы, цѣль ея была возстановленіе Русскаго вліянія въ святыхъ мѣстахъ, и преосвященный Кирилъ подвергся опалѣ. Онъ былъ отозванъ и назначенъ состоять въ распоряженіи Казанскаго (кажется) архіерея, даже безъ званія викарнаго епископа, и вскорѣ померъ отъ душевной, пожалуй, скорби [2]). Между тѣмъ какъ преосв. Кирилъ го-

[1]) Я замѣтилъ, что между любителями современной исторіи составилось въ недавнее время мнѣніе, что Аракчеевъ былъ будто бы козломъ очищенія въ дѣлѣ объ учрежденіи военныхъ поселеній, что даже былъ противъ этого проекта и что мысль о нихъ принадлежитъ всецѣло императору Александру, настаивавшему основать эти поссленія, и что всю за нихъ отвѣтственность передъ отечествомъ взялъ на себя великодушный „безъ лести преданный“. Мнѣнія этого я не раздѣляю.

[2]) До чего Лондонскіе наши агитаторы герценисты не знали своего очечества и нашего духовенства, видно изъ того, что Кельсіевъ, провѣдавъ объ опалѣ преосв. Кирилла,

товился къ отъѣзду изъ Петербурга въ Іерусалимъ, назначены были съ нимъ въ миссію два молодые инока изъ Оптиной пустыни (Калужской губерніи, Козельскаго уѣзда), Половцовъ и Кавелинъ, оба изъ дворянъ: первый изъ артиллерійскихъ, а второй изъ офицеровъ гвардіи. Обоихъ я однажды видѣлъ у графа Дмитрія Николаевича, пригласившаго ихъ отобѣдать у него, по случаю того, что въ то самое утро оба ови были рукоположены въ іеромонахи.

Въ составъ насъ, чиновниковъ особыхъ порученій, поступилъ тогда одинъ князь Вадбольскій, молодой вдовецъ; но онъ вскорѣ выбылъ куда-то коронным исправникомъ, кажется, въ Лихвинъ.

Наконецъ я представилъ въ Губернское Правленіе многосложное мое слѣдствіе объ исправникѣ Бахметевѣ. Улики противъ него были настолько сильны, что большинство членовъ Губернскаго Правленія (въ томъ числѣ и Мартенсъ) настаивали на преданіи его суду; но графъ Дмитрій Николаевичъ, сжалившись надъ этимъ болѣе безмозглымъ, нежели злоумышленнымъ субъектомъ, упросилъ ихъ, изъ уваженія къ его личности, согласиться покончить дѣло домашнимъ порядкомъ, и его уволили изъ службы безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, а достойнѣйшій нашъ А. А. Сумароцкій былъ утвержденъ Тарускимъ исправникомъ.

Съ открытіемъ лѣтняго сезона, графъ переѣхалъ на губернаторскую дачу, на самомъ концѣ длинной Золотаревской улицы, почти что внѣ города и насупротивъ городского бора, откуда открывается пространная панорама на берега Оки, вплоть почти до береговъ Угры, и я ежедневно ходилъ обѣдать къ нему, несмотря на то, что разстояніе это отъ губернаторскаго дома, гдѣ я жилъ, было добрыхъ двѣ версты. Служебныя мои занятія были тогда весьма несерьезны и, кромѣ одного случая, были всѣ въ городской чертѣ.

Въ Іюнѣ пріѣхалъ, будто бы для ревизіи, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, давнѣйшій мой знакомый по Одессѣ, и съ нимъ былъ его сынъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, еще студентъ Петербургскаго университета. Говорю, что А. И. Левшинъ пріѣхалъ подъ предлогомъ ревизіи, потому что настоящею цѣлью, если не ошибаюсь, его пріѣзда въ Калугу и посѣщенія другихъ губернскихъ городовъ было разузнать о всеобщемъ настроеніи умовъ

писалъ къ нему убѣдительно, прося его согласиться быть епископомъ у Турецкихъ раскольниковъ-некрасовцевъ, на Дунаѣ и на островѣ Майносѣ. Письмо Кельсіева осталось, конечно, безъ отвѣта.

касательно возникшаго въ правительственныхъ сферахъ вопроса о предстоящемъ уничтоженіи крѣпостной зависимости. А. И. Левшинъ благонамѣренный вполнѣ и знающій внутреннюю Россію человѣкъ, и мнѣ кажется, что весьма жаль, что онъ никогда не попалъ въ министры, тогда какъ другіе изъ тузовъ Сѣверной Пальмиры знаютъ лишь Петербургскую Россію.

Въ одно прекрасное утро, пока я прохлаждался надъ утреннимъ своимъ чаемъ съ аксессуарами (процедура всегда чрезвычайно долго продолжающаяся у меня), вдругъ отворяется дверь и входитъ ко мнѣ вѣчный жидъ въ лицѣ Александра Ивановича Розѐ. Я чуть не вскрикнулъ. Вотъ уже по истинѣ легокъ на поминѣ, подумалъ я, такъ какъ только наканунѣ этого дня, бесѣдуя вечеромъ съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ на террасѣ его дачи, мы припоминали всѣ подробности перваго нашего знакомства въ 1843 году, и я между прочимъ спросилъ у него, какое могъ онъ составить обо мнѣ мнѣніе, вслѣдствіе знакомства моего съ нимъ чрезъ посредство этого загадочнаго, чтобы не сказать болѣе, господина, тогдашняго надзирателя ярмарочнаго гостинаго двора? Когда я пришелъ по обыкновенію обѣдать къ графу, онъ также сказалъ, что едва вѣрилъ своимъ глазамъ, когда поутру явился къ нему, какъ бы выросшій изъ земли, тотъ самый, о которомъ мы только что говорили наканунѣ. По обычной своей добротѣ, графъ однакоже не отказалъ странствующему рыцарю Еврейскаго происхожденія въ просьбѣ опредѣлить его куда нибудь на службу (въ надеждѣ чего онъ нарочно пріѣхалъ въ Калугу) и назначилъ его частнымъ приставомъ въ Жиздру. Въ промежуткѣ отъ Нижегородской его службы и внезапнаго явленія въ Калугу, старикъ Розѐ былъ помощникомъ окружнаго при Палатѣ Государственныхъ Имуществъ въ какой-то, не помню, губерніи; а въ новой своей должности въ Жиздрѣ онъ продержался лишь годъ съ небольшимъ и былъ уволенъ преемникомъ графа Дмитрія Николаевича, Викторомъ Антоновичемъ Арцымовичемъ. Тутъ я уже окончательно потерялъ ето изъ виду*).

Жизнь моя текла какъ-бы у Христа за пазухой: служба была необременительна, и я имѣлъ полный досугъ часто наслаждаться роскошными цвѣтниками яраго садовода и спеціалиста по этой части,

---

*) Дочь этого Розѐ, успѣшно кончившая курсъ въ какомъ-то учебномъ заведеніи, была сперва замужемъ за одноплеменникомъ своего отца и, овдовѣвъ, вышла замужъ за г. Спасскаго, служившаго въ одномъ изъ министерствъ, брата что былъ въ 60-хъ годахъ Калужскимъ губернаторомъ.

жандармскаго генерала Гринфельда (всѣ эти пышныя коллекціи разновидныхъ растеній были твореніемъ неутомимыхъ собственныхъ его рукъ). Столъ и квартира были у меня готовые, и мой 600 рублевый годовой окладъ вполнѣ обезпечивалъ меня, да сверхъ сего супруги Обнинскіе уплатили мнѣ тысячу (или полторы тысячи) рублей подъ тѣмъ любезнымъ предлогомъ, что цифра 13 тыс. (сумма даннаго мнѣ заемнаго письма) имѣетъ-де зловѣщее значеніе. Но увы, вся эта служебная моя обстановка неожиданно измѣнилась.

Однажды, когда я пришелъ обѣдать къ графу (это было въ началѣ Августа), онъ срѣзалъ меня извѣстіемъ, что мы разстаемся. Въ недоумѣніи я спросилъ, что̀ бы это значило, и онъ еще болѣе поразилъ меня, объяснивъ, что онъ выходитъ въ отставку, и уже утромъ того дня отправилъ прошеніе объ его увольненіи, по болѣзни, съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства. «А уже Холмскій» (инспекторъ Врачебной Управы) «расписалъ», добавилъ онъ, «подъ моимъ наблюденіемъ такія страсти о состояніи моего здоровья, что шалишь, не могутъ удержать меня насильственно на службѣ или временно уволить меня для лѣченія за границу». Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки, подумалъ я. И такъ, предстояло мнѣ на дняхъ разставаться съ человѣкомъ, принесшимъ столь много пользы душевному моему міру и направившимъ меня изъ ложнаго космополитизма, въ которомъ я дотолѣ блуждалъ, на путь Русскаго гражданина.

Причина, побудившая графа Дмитрія Николаевича оставить службу, дѣлаетъ много ему чести.

Возникли безпорядки въ имѣніи Медынскаго помѣщика Полтева; съ извѣстіемъ прискакали въ Калугу весь испуганный Медынскій исправникъ и старый нашъ Рязанскій знакомый, Александръ Ивановичъ Ляпуновъ (котораго звалъ П. П. Новосильцовъ, *точеным*), оплошавшій немного, если не ошибаюсь, при началѣ этого дѣла. Какъ-бы то ни было, но вслѣдствіе упрямства крестьянъ, не поддававшихся никакимъ вразумленіямъ, оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ тѣлесной экзекуціи. Графъ исполнилъ свой долгъ, какъ губернаторъ; но, возвратившись въ Калугу, сейчасъ подалъ въ отставку, а намъ, его приближеннымъ, сказалъ, что рѣшился на этотъ послѣдній шагъ, потому что роль палача слишкомъ противна его натурѣ.

За нѣсколько дней до столь горестнаго для меня событія, графъ поручилъ мнѣ произвести дѣло по жалобѣ одного крестьянина на своего барина, Тарускаго помѣщика Чуфаровскаго, обвѣнчавшаго насильственно его дочь. Въ свѣжее еще время навряд-ли какой нибудь губерна-

торъ далъ бы ходъ подобному дѣлу, но тогда все шло къ подготовкѣ коренной реформы крестьянскаго быта, и всякое лыко становилось въ строку*). Произведенное мною слѣдствіе подтвердило самоуправство г. Чуфаровскаго и содѣйствіе ему священника въ насильственномъ бракѣ (за что послѣдній былъ отрѣшенъ отъ мѣста); но, едва приступивъ къ этому дѣлу, я поспѣшилъ обратно въ Калугу, чтобы участвовать въ прощальномъ обѣдѣ, даномъ по подпискѣ графу Дмитрію Николаевичу, распорядителемъ чего былъ вице-губернаторъ Юркевичъ. Подъ самою Калугой меня обогналъ Д. А. Чертковъ, спѣшившій изъ своего Колосова участвовать въ этомъ обѣдѣ; но къ общему нашему удивленію, онъ и губернскій предводитель, Сергѣй Ѳедоровичъ Щукинъ, блеснули тамъ своимъ отсутствіемъ. Едва прибывъ въ Калугу, Дмитрій Александровичъ свидѣлся съ Щукинымъ, который, надо полагать, уговорилъ его не исполнять своего намѣренія, и затѣмъ великій и меньшой представитель дворянскаго сословія откушали вдвоемъ у Кулона. Въ сущности не было никакого офиціальнаго разрыва между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ, и наврядъ ли поднятъ былъ какой-либо жгучій между ними вопросъ; но, какъ я уже не разъ указывалъ, подобныя манифестаціи предъ дворянскою корпораціей считались нужными, чтобы публично показать, какъ независимо и самостоятельно отъ губернаторской личности умѣли держать себя гг. предводители. И замѣтьте между тѣмъ, что нашъ Тарускій предводитель всегда почтительно и похвально отзывался о графѣ Дмитріи Николаевичѣ; по принципъ паче всего. Просто курамъ на смѣхъ!

Графскіе приближенные устроили ему проводы до первой станціи, и какъ ни грустно было всѣмъ намъ разставаться съ нимъ, тѣмъ не менѣе выпито было на прощанье препорядочное количество Шампанскаго. Извѣстно, Русскій человѣкъ одинаково пьетъ съ радости и съ горя. Семенъ Васильевичъ Хрущовъ не уѣхалъ съ графомъ, а остался въ Калугѣ, въ надеждѣ получить какое-нибудь мѣстечко на службѣ, въ чемъ графъ отказался содѣйствовать ему и что было причиной ихъ размолвки. Мотивы графскаго отказа были вполнѣ справедливы. С. В. Хрущовъ хлопоталъ получить вакантное тогда мѣсто смотрителя въ одномъ изъ Калужскихъ богоугодныхъ заведеній, на что графъ, жалѣя его, не соглашался, по причинѣ преклонныхъ уже лѣтъ просителя и

*) Не вхожу въ споръ съ авторомъ; но положительно говорю, что и въ прежнее время всякій губернаторъ тоже могъ ставить лыко въ строку, и если на насиліе была жалоба, то производилось слѣдствіе, и давался законный ходъ дѣлу. *Примѣчаніе графа Д. Н. Толстаго.*

изъ боязни, что С. В. Хрущовъ, по простотѣ своей, запутается въ отчетной части, которая была мало ему знакома, да еще и потому, что формуляръ Семена Васильевича былъ замаранъ. Въ служебномъ его спискѣ значилось, что во время его службы въ военныхъ поселеніяхъ онъ былъ подъ судомъ за то, что засѣкъ будто бы одного поселенца, и хотя всякій, кто зналъ незлобивый нравъ этого человѣка, могъ вѣрить его словамъ, что это была одна напраслина, но все-таки поступить ему снова на службу съ подобною аттестаціей было довольно затруднительно. Надѣясь, что правящій губерніей Н. И. Юркевичъ окажется сговорчивѣе графа, С. В. Хрущовъ объявилъ послѣднему, что онъ остается въ Калугѣ; но въ разсчетахъ своихъ онъ, однакоже, ошибся. На службу ему не удалось попасть и, оставаясь безъ всякихъ житейскихъ средствъ, онъ рѣшился пойти въ монахи въ Оптину пустынь, гдѣ, проживъ немного лѣтъ послушникомъ (но въ клобукѣ), онъ убѣдился вѣроятно, что иноческіе подвиги были ему не подъ силу и, поступивъ снова въ міръ, онъ помѣщенъ былъ, по покровительству бывшаго его однокашникомъ по корпусу колоновожатыхъ, а тогда Московскаго генералъ-губернатора Тучкова, въ офицерское отдѣленіе Московской Измаиловской военной богадѣльни, гдѣ имѣлъ величайшее блаженство облечься въ мундиръ съ штабъ-офицерскими эполетами (его приняли съ маіорскимъ чиномъ, полученнымъ при отставкѣ) и гдѣ онъ кончилъ свою жизнь въ 60-хъ годахъ. Человѣкъ онъ былъ примѣрной набожности и весьма изрядной начитанности по церковной части; онъ даже напечаталъ брошюрку подъ заглавіемъ: «Размышленія христіанина у Креста Господня», экземпляръ которой, скажу мимоходомъ, добрые люди зачитали, къ сожалѣнію, у меня.

Незадолго до подачи о своемъ увольненіи отъ службы, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой получилъ предписаніе организовать губернскій комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ (подъ этимъ названіемъ разумѣвалось освобожденіе крестьянъ), и графъ назначилъ членами отъ правительства въ этотъ комитетъ князя Андрея Васильевича Оболенскаго и Владимира Оттоновича Рене́ (бывшаго когда-то предсѣдателемъ Калужской Уголовной Палаты).

Послѣ проводовъ графа Дмитрія Николаевича, я возвратился въ Тарускій уѣздъ и жилъ у себя въ Знаменскомъ, для продолженія слѣдствія надъ помѣщикомъ Чуфаровскимъ, обвиняемымъ, какъ уже было сказано, въ насильственномъ обвѣнчаніи крѣпостной его дѣвки Рязанской губерніи съ крестьяниномъ Тарускаго его имѣнія. Не упомянулъ я гдѣ слѣдовало, что, приступая первоначально къ этому дѣлу, я пригласилъ уѣзднаго предводителя Д. А. Черткова (основываясь на

полученномъ имъ отъ начальника губерніи предложеніи по сему предмету) прибыть къ мѣсту слѣдствія, какъ водилось въ подобныхъ случаяхъ, дабы ему находиться при производствѣ дѣла, какъ мѣстному представителю сословія, къ которому принадлежало обвиняемое лицо. На это мое отношеніе г. Чертковъ отвѣтилъ офиціальною также бумагою, что предводитель не есть представитель дворянства и слѣдовательно онъ и не депутатъ; что ему неизвѣстна никакая статья въ цѣломъ Сводѣ Законовъ, прямо указывающая предводителю находиться при слѣдствіяхъ о проступкахъ дворянъ, и что потому онъ не считаетъ себя обязаннымъ исполнить предложеніе губернатора. Препроводивъ моему начальству отзывъ Тарускаго предводителя, я кончилъ все слѣдствіе безъ участія г. Черткова, но для предосторожности (то-есть, чтобы придать моимъ дѣйствіямъ видъ слѣдственной коммиссіи) пригласилъ мѣстнаго уѣзднаго стряпчаго участвовать во всемъ производствѣ.

Въ самое это время, или немного ранѣе, не миновало однако меня столкновеніе съ тѣмъ же предводителемъ, но по другому совершенно обстоятельству. Въ числѣ секретныхъ моихъ донесеній губернатору (еще лѣтомъ) было одно, касавшееся одной Тарускои помѣщицы, крестьяне которой были до такой степени притѣсняемы, что хаживали по міру по всему уѣзду. Вслѣдствіе моего доношенія, предписано было мнѣ произвести секретное подъ рукою дознаніе обще съ мѣстнымъ предводителемъ о справедливости этого слуха, и если онъ подтвердится, то разузнать, отъ чего крестьяне дошли до подобнаго разоренія. Съ предложеніемъ подобнаго рода губернаторъ (тогда еще графъ Д. Н. Толстой) отнесся къ г. Черткову. Когда мы оба приступили къ секретному дознанію, г. Чертковъ, въ разговорѣ со мною объ этомъ дѣлѣ, высказался, что желательно бы ему узнать, кто учинилъ о томъ доносъ. По принятому мною принципу «имѣть смѣлость моихъ убѣжденій», я отвѣчалъ, что доносъ сдѣланъ мною. «А какія имѣете вы на это доказательства?» спросилъ онъ меня съ крайне недовольнымъ видомъ. «Доказательствами служатъ», отвѣчалъ я, «тѣже крестьяне, собирающіеся по всему уѣзду съ сумою, о чемъ легко можно справиться, если вамъ угодно.» Ни тогда, ни впослѣдствіи г. Чертковъ болѣе не заикнулся мнѣ объ этомъ дѣлѣ, но тѣмъ не менѣе намоталъ его себѣ на усъ, и оно, быть можетъ, послужило подкрѣпленіемъ составившемуся у него позднѣе мнѣнію, что я принадлежу къ фалангѣ «красныхъ».

Преосвященный нашъ Григорій, объѣзжая этимъ лѣтомъ Тарускій уѣздъ, завернулъ по дорогѣ на четверть часа къ намъ въ Спа-

менское. (Благодаря рекомендаціи графа Дмитрія Николаевича, владыка благоволилъ ко мнѣ). Одна изъ многихъ похвальныхъ отличительностей этого іерарха состоитъ въ томъ, что онъ не имѣетъ привычки передавать на разсмотрѣніе Консисторіи прошенія лично ему подаваемыя каждое утро, и даже, какъ мнѣ сказывали, во время пріема просителей отсутствуетъ его секретарь (или письмоводитель), и на всякое прошеніе онъ тутъ же собственноручно кладетъ резолюцію карандашомъ. А въ его обращеніи съ священниками и діаконами его епархіи онъ всегда говоритъ съ ними не иначе какъ на *вы*.

Было въ то время при Тарускомъ Петропавловскомъ соборѣ четыре вмѣсто трехъ по положенію священника. Протопопъ Максимъ Степановичъ Богоявленскій *) почти что ослѣпъ отъ старости и уже рѣдко литургисовалъ, да и то съ величайшимъ затрудненіемъ и съ опаспостію уронить или пролить Св. Дары. (Напоминаю кстати, что онъ былъ изъ перваго выпуска Калужской семинаріи, а выпускъ этотъ относится къ 1807 или 1808 году, и что онъ хоронилъ извѣстную княгиню Екатерину Романовну Дашкову въ церкви ея села Троицкаго, Тарускаго уѣзда, въ 1810 году). Поэтому къ Тарускому собору причисленъ былъ молодой священникъ о. Александръ изъ полковыхъ и украшенный серебряною медалью за Севастополь. Думаю, что при ревизіи преосв. Григоріемъ внушено было престарѣлому протопопу проситься о своемъ увольненіи, потому что оно послѣдовало почти что по возвращеніи владыки въ Калугу, а на его мѣсто поставленъ былъ въ протопопы не разъ упоминаемый Михаилъ Ивановичъ Февралевъ. О столь неважномъ уѣздномъ событіи не стоило бы и говорить, еслибы оно не давало мнѣ случая очертить личность человѣка, съ которымъ я находился въ близкихъ отношеніяхъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ. Михаила Ивановича я причисляю къ тѣмъ скромнымъ, но полезнымъ дѣятелямъ, слава о которыхъ глохнетъ въ тѣсной ихъ сферѣ, но которымъ обѣщано возмездіе за то, что хотя малое было имъ поручено, они въ этомъ маломъ были вѣрны. Предшественники его слабо заботились о благолѣпіи Тарускаго соборнаго храма: внутреннія стѣны оставались нерасписанными, а ризница въ самомъ плачевномъ состояніи. Отецъ Михаилъ во время 15-лѣтняго своего протоіерейства (онъ умеръ въ концѣ 1872 года) и даже до этого времени не переставалъ изыскивать всѣ возможныя средства для украшенія Тарускаго храма и нашелъ денежныхъ благотворителей, даже и въ Москвѣ. Его стараніемъ вся церковь была расписана, на большинствѣ мѣст-

*) Отецъ д. стат. совѣтн. Михаила Максимовича Богоявленскаго, нынѣ директора Петербургскаго Коммерческаго Училища.

ныхъ иконъ появились небывалыя дотолѣ серебряныя вызолоченныя ризы, устроенъ былъ изящно кивотъ большаго размѣра для вновь поставленной въ немъ копіи съ чудотворной иконы Калужской Божіей Матери, также въ богатомъ окладѣ. Построено было его попеченіемъ не менѣе, какъ предполагаю, десяти полныхъ священническихъ парчевыхъ облаченій съ діаконскими стихарями; трапеза отдѣлена на зимнее время отъ настоящаго (лѣтняго) придѣла стеклянною перегородкою. и эта часть церкви сдѣлалась теплою. Хотя оба боковые придѣла были и прежде теплыми, но въ нихъ было очень тѣсно, потому что ихъ раздѣляла холодная часть трапезы съ глухими по обѣимъ сторонамъ стѣнами и съ аркою для входа въ оба придѣла, а въ эти арки были вдѣланы стеклянныя двери, которыя оставались даже и на лѣто. Въ настоящее время стеклянныя эти перегородки сняты, и оба придѣла съ трапезою составляютъ одно обширное пространство, нагрѣвающееся двумя духовыми печами, такъ что все городское богомольное населеніе помѣщается тамъ безъ малѣйшей тѣсноты. Изнуренный продолжительнымъ недугомъ и лежа на одрѣ, съ котораго онъ перешелъ въ вѣчность, не переставалъ онъ даже и тогда заботиться объ устройствѣ заново передѣланныхъ иконостасовъ въ обоихъ придѣлахъ; но не суждено было ему полюбоваться ихъ постановкою на мѣстѣ, хотя одинъ изъ нихъ былъ совершенно оконченъ (но не освященъ) до его смерти. Когда уже его не стало, и приступлено было къ второму придѣлу, признательные его сослуживцы помѣстили въ его память, въ иконостасъ, образъ его ангела, Св. Михаила Малеина. Онъ также завелъ церковную библіотеку, вещь небывалую дотолѣ, выписывая для этого изъ остатковъ церковныхъ суммъ по нѣскольку духовныхъ журналовъ. Рано овдовѣвъ, онъ взялъ на воспитаніе малолѣтнюю племянницу, выдалъ ее за брата умершей его жены (письмоводителя въ городническомъ правленіи) и сдѣлалъ ее своею наслѣдницей. А уже сколько добра творилъ онъ изъ скудныхъ своихъ средствъ! Скудныхъ, потому что весь доходъ Тарускихъ протоіереевъ едва ли простирается и понынѣ до 700 рублей. Были у него мѣсячные пенсіонеры изъ сиротъ и изъ бѣднѣйшихъ городскихъ жителей; но немногимъ была извѣстна его благотворительность. И этотъ безупречный вполнѣ человѣкъ, которымъ дорожило само епархіальное начальство, не могъ до конца жизни отдѣлаться отъ паническаго страха, когда ему приходилось предстать, не то что предъ своимъ архипастыремъ, но являться къ ревизору отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, командированному обозрѣвать, въ числѣ уѣздныхъ училищъ, также и Таруское, въ которомъ о. Михаилъ былъ законоучителемъ. Страхъ ко всякой предержащей власти всасывался въ плоть и кровь тогдашней духовной касты

съ самой семинарской скамьи; въ этомъ сознавался самъ нашъ протоіерей, и оно было естественно. Учениковъ, даже взрослыхъ, пороли семинарскими сторожами, какъ солдатъ, до безчувственнаго иногда состоянія, въ чемъ ректоръ семинаріи былъ полновластенъ; а ставленникамъ иное епархіальное начальство не внушало ничего кромѣ раболѣпнаго трепета. Не посмѣетъ, бывало, ни за что забитый священникъ жаловаться владыкѣ на насильственные поборы Консисторіи. О. Михаилъ разсказывалъ мнѣ, какъ однажды, въ пріѣздъ въ Тарусу преосв. Григорія, начавъ обычную эктенію при входѣ архіерея въ соборъ, онъ до того растерялся, что, при окончаніи эктеніи, обратился къ Калужскому протопопу, сопровождавшему владыку, прося его подшепнуть ему, какой слѣдуетъ возгласъ. Когда же, вмѣсто отвѣта, Калужской соборянинъ улыбнулся отъ столь неимовѣрнаго смущенія Тарускаго своего собрата, тотъ сказалъ ему. «Тутъ не до смѣха, а прошу васъ убѣдительно подсказать мнѣ, какой слѣдуетъ возгласъ (яко твое есть царство и сила и слава и проч. или другой?): голова у меня закружилась». А онъ вѣдь былъ любимецъ у преосв. Григорія! Что же были остальные, не пользовавшіеся подобной милостію [1]).

Въ Октябрѣ прибылъ въ Калугу новый губернаторъ Викторъ Антоновичъ Арцымовичъ, переведенный изъ Тобольска. Онъ былъ изъ перваго выпуска Училища Правовѣдѣнія (въ 1840 или 1841 году) и женатъ на дочери сенатора Жемчужникова [2]). Я пріостановился моими служебными занятіями по Тарускому уѣзду и поспѣшилъ въ Калугу явиться къ нему. Онъ принялъ меня чрезвычайно ласково и приглашалъ меня нѣсколько разъ обѣдать у него въ теченіи краткаго моего пребыванія въ Калугѣ. Отъ него я узналъ, что бывшій мой фактотумъ Леонъ Капенштейнъ здравствовалъ и продолжалъ заниматься въ Тобольскѣ какими-то мелочными аферами въ родѣ поставокъ, и также, что у него былъ притонъ разныхъ сомнительныхъ личностей. Горбатаго исправитъ только могила [3])!

---

[1]) Приписываютъ остроумному министру народнаго просвѣщенія, графу Уварову, такое изреченіе „La caste des Lévites c'est comme une feuille de papier de poste. Vous avez beau marcher dessus, vous ne pouvez pas l'écraser". (Каста Левитовъ тоже что̀ листъ почтовой бумаги. Сколько хотите топчите его, вамъ никакъ не удастся его растоптать). Желательно бы знать, почему хотѣлось его сіятельству (воспитаннику аббата Мангена) топтать духовную касту еще болѣе, чѣмъ она теперь стоптана?

[2]) Того самаго, что̀ въ 1827 году былъ первымъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Орлѣ, а позднѣе Петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

[3]) Послѣ сего я никакихъ извѣстій о немъ болѣе не получалъ, но слышалъ отъ одного служившаго въ Сибири лица, что въ 1868 году Леонъ былъ еще живъ.

Вскорѣ послѣ поступленія В. А. Арцымовича губернаторомъ въ Калугу, прежній правитель губернаторской канцеляріи В. А. Лысогорскій перешелъ въ совѣтники Калужскаго Губернскаго Правленія на мѣсто И. К. Мартенса, переведеннаго въ Петербургъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ и рекомендованнаго графомъ Д. Н. Толстымъ тогдашнему министру Михаилу Николаевичу Муравьеву. Преемникомъ В. А. Лысогорскаго былъ кто-то изъ прибывшихъ въ Калугу съ новымъ губернаторомъ (чуть-ли не Сѣрно-Соловьевичъ, замѣшанный позднѣе, кажется, въ какомъ-то подпольномъ обществѣ). Немного позднѣе (должно быть въ 1859 году) произошли также нѣкоторыя измѣненія въ нашемъ составѣ чиновниковъ особыхъ порученій. Н. П. Гавриловъ повысился въ товарищи предсѣдателя Уголовной Палаты, а Кричевскій былъ сдѣланъ губернскимъ стряпчимъ казенныхъ дѣлъ. Въ чиновники особыхъ порученій поступилъ Николай Владимировичъ Корсаковъ (изъ военной службы, братъ Михаила Владимировича, котораго я засталъ въ 1856 году чиновникомъ особыхъ порученій). Еще при графѣ Д. Н. Толстомъ жилъ въ Калугѣ, подъ надзоромъ полиціи, возвращенный изъ Сибири декабристъ Петръ Николаевичъ Свистуновъ; но онъ поступилъ на службу много позднѣе, какъ увидимъ далѣе. Самъ же я не искалъ никакого другаго назначенія, потому что мнѣ было сподручно оставаться чѣмъ я былъ, такъ какъ и сама должность чиновника особыхъ порученій была мнѣ знакома и давала мнѣ, въ добавокъ, возможность жить дома бо́льшую часть года, или разъѣзжать по дѣламъ службы въ сосѣдніе къ Тарускому уѣзды и этимъ избѣгать расходовъ годовой квартиры въ Калугѣ.

Поздно осенью образовались губернскіе комитеты для проектированія мѣръ къ улучшенію крестьянскаго быта (такъ въ оффиціальной терминологіи обозначалось предвѣстіе реформы 19 Февраля), въ составъ которыхъ выбиралось по два дворянина изъ каждаго уѣзда, и въ этотъ Комитетъ назначалось также по два члена отъ правительства. Въ Калужскій Комитетъ выбраны были отъ Тарускаго уѣзда предводитель Д. А. Чертковъ и тамошній помѣщикъ г. Жилинъ, а однимъ изъ членовъ отъ правительства назначенъ князь Андрей Васильевичъ Оболенскій, бывшій предъ тѣмъ предсѣдателемъ Гражданской Палаты. По Боровскому уѣзду однимъ изъ дворянскихъ членовъ былъ выбранъ тамошній предводитель Наркисъ Антоновичъ Обпинскій; кто былъ другой, не помню. Засѣданія Комитета открылись въ самомъ концѣ 1858 года.

Въ Октябрѣ накопилось у меня нѣсколько дѣлъ по Малоярославецкому и Боровскому уѣздамъ, куда я и отправился, заѣхавъ по до-

рогѣ въ казенное село Недѣльное, торговый центръ Малоярославецкаго уѣзда. Туда переведенъ былъ, лѣтъ 15 предъ тѣмъ, нашъ Бѣлкинскій священникъ Ѳедоръ Васильевичъ Богословскій, о которомъ я говорилъ въ началѣ настоящихъ записокъ [1]) и съ которымъ я заранѣе сговорился побывать вмѣстѣ въ Боровскѣ, для отысканія въ Пафнутьевомъ монастырѣ могилы дѣда моего графа Артемія Ивановича Воронцова, имъ же (о. Ѳедоромъ) похороненнаго тамъ въ 1813 году. Я отчетливо помнилъ, что въ единственную мою побывку въ этомъ монастырѣ въ Мартѣ 1828 г. (когда я еще юнкеромъ былъ въ отпуску въ Москвѣ и, возвращаясь въ Орелъ, заѣхалъ въ Бѣлкино), вставлена была во внутренней стѣнѣ трапезы зимняго собора мѣдная доска надъ могилою моего дѣда; но впослѣдствіи, какъ разсказывали мнѣ, одинъ изъ настоятелей, расширивъ эту трапезу, вырылъ всѣ кости изъ могилъ подходившихъ къ наружнымъ стѣнамъ трапезы и свалилъ ихъ безъ разбора въ одну общую яму неподалече отъ собора. Дѣйствительно ли столь святотатственно поступилъ прежній игуменъ, дознаться я не могъ; но какъ я ни старался отыскать могилу моего предка, никто изъ монаховъ-старожиловъ, ни даже самъ тогдашній архимандритъ Геннадій (авторъ преизряднаго описанія Пафнутьевой обители) не могли удовлетворить меня, и даже никому изъ нихъ не было извѣстно, что на монастырскомъ кладбищѣ покоятся останки какого-то графа Воронцова. Подобная небрежность тѣмъ болѣе непростительна, что самъ о. Ѳедоръ внесъ въ 1813 году, по порученію моей матери, 600 или 700 рубл. ассигн. за мѣсто для моего дѣда и на вѣчное о немъ поминовеніе, сумма весьма почтенная по тогдашнему времени. Меня допустили пересмотрѣть монастырскій сунодикъ, и хотя я въ немъ нашелъ имя Артемія, но оно было безъ графскаго титула. Мало ли бываетъ на бѣломъ свѣтѣ Артеміевъ? Однакоже, я почти увѣренъ, что это имя относится къ моему дѣду, потому что тутъ же вписано было имя Прасковіи, относившееся, по моей догадкѣ, къ Прасковьѣ Васильевнѣ Нарышкиной, родной теткѣ моей жены [2]), которая умерла также въ Бѣлкинѣ въ томъ же 1813 году и похоронена въ Пафнутьевомъ монастырѣ, или къ моей бабкѣ, графинѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, женѣ этого графа Артемія Ивановича, хотя умершей много раньше мужа [3]). Обитель эта находилась въ 50-хъ годахъ въ страшномъ упадкѣ, тогда

[1]) Маститый этотъ іерей скончался въ 1871 или 1872 году, и только двѣ недѣли до смерти пересталъ священнодѣйствовать. Менѣе 88 лѣтъ ему не могло быть тогда по моему разсчету.

[2]) Она же была и родная племянница графа Артемія Ивановича Воронцова, дочь сестры его Анны Ивановны Нарышкиной.

[3]) Гдѣ она похоронена, не знаю.

какъ до XVII-го вѣка она была изъ первостатейныхъ въ Россіи. Прежде и послѣ погрома, постигшаго ее въ 1610 г. отъ Ляховъ, Московскіе до-петровскіе цари и царицы нерѣдко предпринимали богомолья къ ней, имѣли тамъ свои царскія палаты, и объ ихъ щедротахъ свидѣтельствовали дорогіе вклады и богатая ризница, расхищенная большею частію Французами во время ихъ двоекратнаго прохожденія чрезъ Боровскъ (въ Москву и обратно). При отобраніи въ казну монастырскихъ вотчинъ великою Екатериною (не считавшею предосудительнымъ отнимать то, чего она не дарила), отошло отъ Пафнутьева монастыря болѣе десятка (вѣроятно) тысячъ душъ крестьянъ, и за обителью остались лишь нѣкоторыя угодья по р. Протвѣ, и если не ошибаюсь, подворье въ Москвѣ; да сверхъ сего монастырь извлекаетъ доходъ отъ годовой ярмарки, которая собирается вокругъ его стѣнъ, въ Покровъ день, или 25 Сентября, когда празднуется память основателя обители, преподобнаго Пафнутія. Отъ прежнихъ царскихъ палатъ осталась одна каменная свѣтелка въ одну комнату, стоящая надъ двумя арками отдѣльно отъ прочихъ строеній, и мнѣ разсказывали, что обширные прежніе хоромы были сломаны за ихъ ветхостью, въ первой четверти нынѣшняго вѣка. На сколько я могъ замѣтить, нельзя сказать, чтобы особенное стеченіе богомольцевъ привлекала рака Боровскаго чудотворца Пафнутія, мощи котораго открыто почиваютъ у южныхъ дверей лѣтняго собора, того самого, у сѣверныхъ дверей котораго палъ въ 1610 году доблестный Боровской воевода князь Волконскій, при осадѣ и раззореніи обители паномъ Сапѣгою. Въ центрѣ ограды стоитъ древняя (но, къ сожалѣнію, заново и безвкусно передѣланная) усыпальница князей Оболенскихъ. Весьма сожалѣю, что, при послѣднемъ моемъ посѣщеніи Пафнутьевой обители, я упустилъ изъ виду изслѣдовать, не покоятся ли тамъ удѣльные князья Оболенскіе и Тарускіе *).

Я обѣщался поговорить подробнѣе объ упомянутомъ вскользь Боровскомъ исправникѣ, Дмитріѣ Михайловичѣ Челищевѣ, съ которымъ я познакомился только въ эту мою поѣздку въ Боровскъ. Въ немъ много оригинальнаго, отчасти рыцарскаго и всего хорошаго, и ему приличествуетъ девизъ Баярда, «безъ страха и упрека.» За то и держалъ онъ себя не то чтобы черезъ чуръ ходульно, но немного величаво и какъ человѣкъ чувствующій свое достоинство и привыкшій встрѣчать всеобщее о себѣ одобреніе. Никогда не заискивалъ онъ ничего у гу-

*) Удѣльные князья Оболенскіе и Тарускіе (какъ писалось въ старину) были потомки св. Михаила Черниговскаго. Его сынъ Юрій былъ первымъ Оболенскимъ княземъ. Въ Тарускомъ уѣздѣ существуетъ и по нынѣ село Оболенское, бывшее городомъ до половины XVIII вѣка.

бернскаго начальства, не пресмыкался предъ властію, и когда предписывали ему какое-либо дѣйствіе, казавшееся ему вреднымъ по долголѣтнему его опыту, онъ имѣлъ смѣлость, прежде чѣмъ исполнить предписанное, изложить партикулярнымъ письмомъ начальнику губерніи свое мнѣніе о неудобности подобной мѣры, за что разсудительные губернаторы благодарили его, соглашались съ его взглядомъ и всегда отзывались о немъ какъ о примѣрномъ исправникѣ. Куда ни былъ своенравенъ Николай Михайловичъ Смирновъ, и взыскателенъ по службѣ Петръ Александровичъ Булгаковъ, а оба они, а также и ихъ преемники, графъ Толстой, Арцымовичъ и г. Лерхъ [1]), высоко цѣнили дѣятельность Д. М. Челищева. Когда подходило время выборовъ, и иные изъ Боровскихъ помѣщиковъ шутя говаривали ему: «а что, Дмитрій Михайловичъ, не выбрать-ли опять тебя въ исправники?» онъ полусерьезно отвѣчаетъ имъ: «Еще бы не выбрать! Да вы скажите, господа, какого же вамъ найти исправника помимо меня?» Но это высокомѣріе, единственная слабая въ немъ струна, примѣтно было лишь въ его отношеніяхъ съ вышепоставленными ему лицами или съ равными, а въ обращеніи съ подчиненными не было ничего крутого, и если онъ требовалъ строгаго исполненія службы, подчиненные всегда находили въ немъ безпристрастнаго цѣнителя ихъ труда, и въ случаяхъ нужды голосистаго предъ начальствомъ заступника. Паче всего онъ остерегался давать поводъ къ подозрѣнію, что рыльце у него въ пуху, и вотъ почему онъ избѣгалъ, между прочимъ, находиться при вводѣ во владѣніе какого-нибудь новаго помѣщика, хотя эту административную процедуру обыкновенно исполняли сами исправники. Извѣстно, что новый владѣлецъ отдаривалъ составъ Земскаго Суда и стряпчаго за то, что побезпокоились прибыть съ временнымъ отдѣленіемъ, и вотъ почему однажды въ разговорѣ съ Дмитріемъ Михайловичемъ, по одному вводу, случившемуся во время моей бытности въ Боровскѣ, онъ сказалъ мнѣ, что послалъ вмѣсто себя непремѣннаго члена суда со стряпчимъ: пусть, молъ, ихъ тамъ покормятъ. Если кто возразитъ мнѣ на это, почему же г. Челищевъ, будучи самъ непричастенъ къ взяточничеству, терпѣлъ такое зло вокругъ себя, отвѣчаю: искоренить эту язву не только лилипуту-исправнику, но и любому губернатору рѣшительно невозможно; да и за то спасибо, если высшій административный губернскій персоналъ наблюдаетъ, чтобы размѣры зла не превышали терпимыхъ границъ [2]). Впрочемъ, корня этого зла надо доискиваться въ бо-

[1]) При г. Лерхѣ и послѣ его, Д. М. Челищевъ уже былъ исправникомъ отъ короны.

[2]) Нѣкто губернаторъ однажды признался мнѣ въ минуту откровенности, что не смѣняетъ одного совѣтника-взяточника въ Губернскомъ Правленіи, потому что ему (гу-

лѣе высоко поставленныхъ сферахъ, нежели въ уѣздныхъ или губернскихъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, а то все налегаютъ на голодныхъ становыхъ и щедушныхъ квартальныхъ надзирателей.

Д. М. Челищевъ передалъ мнѣ тогда извѣстіе о скоротечной кончинѣ въ Москвѣ Варвары Ивановны Обнинской, мужъ коей былъ тогда Боровскимъ предводителемъ.

Занятія мои задержали меня почти что цѣлый мѣсяцъ въ Боровскѣ, и я порядочно соскучился, не имѣя тамъ никого изъ знакомыхъ, кромѣ супруговъ Челищевыхъ. Въ антрактахъ моихъ занятій предстоялъ мнѣ полный досугъ обозрѣвать мѣстныя примѣчательности, но таковыхъ тамъ нѣтъ, кромѣ Пафнутьевой обители (находящейся въ двухверстномъ разстояніи отъ центра города), да двухъ-трехъ старыхъ, но не особенно древнихъ церквей (и тѣ перестроены на новый и безвкусный ладъ) и надгробнаго большого камня, съ надписями на всѣ четыре стороны, надъ могилами боярынь Морозовой и сестры ея княгини Урусовой. Извѣстно, что обѣ были ревнительницы древняго благочестія, духовныя дщери протопопа Аввакума, и пострадали за свои убѣжденія при Алексѣѣ Михайловичѣ (хотя кроткомъ по тогдашнему времени царѣ). Несчастныя двѣ эти женщины содержались въ Боровскѣ въ подземельѣ, гдѣ онѣ и умерли, и могила этихъ раскольничьихъ страстотерпицъ въ великомъ почетѣ у Боровскихъ старовѣровъ, составляющихъ половину, если не болѣе, мѣстнаго торговаго люда. Камень имѣетъ форму гроба, лежитъ весь снаружи на площадкѣ, насупротивъ острога, и окруженъ перилами; но подъ нимъ ли томились въ заключеніи эти жертвы фанатизма и нетерпимости, не знаю *). Слышно, что въ иныхъ Боровскихъ раскольничьихъ семьяхъ хранятся библіографическія рѣдкости, печатныя и въ рукописяхъ. Надъ берегомъ рѣки Протвы высится одиноко огромный полуразрушенный домина въ три этажа, съ флигелями и службами; онъ принадлежалъ въ началѣ нынѣшняго вѣка купцу-милліонеру (Молчанову), и въ немъ останавливался Наполеонъ I-й въ 1812 году. По существующимъ нѣкоторымъ строеніямъ въ этомъ же родѣ (хотя въ меньшихъ размѣрахъ), видно, что въ Боровскѣ когда-то процвѣтала торговля; теперь же онъ находится въ совершенномъ упадкѣ и очутился въ захолустьѣ, безъ всякаго шоссейнаго даже съ нимъ сообщенія. Главная мѣстная про-

бернатору) въ точности извѣстно, свыше чего не беретъ этотъ совѣтникъ, а если-де онъ опредѣлитъ новаго на его мѣсто, да въ добавокъ болѣе хитраго, то тогда ему невозможно будетъ учесть этого субъекта. Скорбная, но правильная логика.

*) Позднѣе я тщательно срисовалъ этотъ памятникъ, но какой-то добрый человѣкъ въ Петербургѣ усвоилъ себѣ мой трудъ.

мышленность въ рукахъ огородниковъ, которые уходятъ на все лѣтнее время за хорошую плату въ сосѣдніе уѣзды и даже далѣе.

Контрасть съ Боровскомъ представлялъ тогда Малоярославецъ своею сравнительною оживленностью, благодаря Московскому-Брестъ-Литовскому шоссе, проходившему чрезъ него. Почтовыя кареты останавливались для обѣда пассажировъ предъ весьма сносною гостиницей на площади, украшенной чугуннымъ монументомъ въ память воиновъ павшихъ тамъ въ бояхъ 1812 г. Слѣды спорной этой схватки (городъ переходилъ по нѣскольку разъ изъ рукъ въ руки) сохранились также и въ оградѣ монастыря, что̀ на краю города. Въ стѣнахъ обители врѣзались и остались по сю пору Французскія ядра. Кстати о монастырѣ: въ немъ былъ въ 50-хъ годахъ игуменомъ Французъ (вѣроятно обрусѣлый) Жерве; онъ же и завелъ тамъ великолѣпный скотъ, чисто Швейцарской (какъ мнѣ показалось) породы.

Отдѣлавшись, наконецъ, отъ Боровскихъ занятій, я перебрался въ Малоярославецъ и пробылъ тамъ два-три дня для окончанія прежде начатыхъ слѣдствій. Я возвратился въ Калугу 18 или 19 Декабря, во время сильной метели, которой я всегда страшусь, и если бы я могъ предвидѣть, что меня настигнетъ подобная снѣжная буря при ночной темнотѣ, я предпочелъ бы перепочевать на послѣдней станціи предъ Калугою. На слѣдующій день, явившись къ В. А. Арцымовичу и возвратившись къ себѣ на постоялый дворъ, я былъ немного удивленъ приходомъ посланнаго ко мнѣ человѣка отъ Тарускаго моего знакомаго, Ивана Леонтьевича Тимофеевскаго (управлявшаго тогда Калужскимъ откупомъ, хотя онъ продолжалъ содержать Тарускій откупъ), звавшаго меня отобѣдать. Зная, что онъ всегда обѣдаетъ въ третьемъ часу, тогда какъ я издавна привыкъ обѣдать въ пять, я отвѣчалъ чрезъ посланнаго, что не могу воспользоваться его приглашеніемъ по причинѣ усталости отъ дороги и нѣкоторыхъ моихъ занятій. Черезъ четверть часа явился вторично тотъ же посланный съ повтореніемъ приглашенія и съ любезнымъ дополненіемъ, что его хозяинъ готовъ ждать меня сколько мнѣ угодно, но что онъ не сядетъ за столъ безъ меня. Послѣ такого знака вниманія ко мнѣ невозможно было отнѣкиваться. Иванъ Леонтьевичъ встрѣтилъ меня съ обычнымъ ему радушіемъ; но на его лицѣ я прочелъ какую-то несвойственную ему заботливость, и я не ошибся. Трудно представить себѣ, какъ поразили меня первыя же его слова: «Здравствуйте, графъ; я желалъ скорѣе васъ видѣть, чтобы сообщить вамъ горестную вѣсть. Сегодня утромъ прискакалъ ко мнѣ гонецъ изъ Тарусы съ извѣстіемъ, что добрый нашъ знакомый, Осипъ Августиновичъ Тридонъ, приказалъ долго жить.

Вчера вечеромъ хватилъ его апоплексическій ударъ»... Могъ ли я вообразить, что наканунѣ, въ то самое время, когда меня сильно тревожила настигшая меня метель, я лишался одного изъ самыхъ преданныхъ друзей моей молодости! Послѣднее мое съ нимъ свиданіе было въ Октябрѣ въ Тарусѣ, на улицѣ; онъ тогда надсматривалъ надъ перестройками двухъ домовъ, купленныхъ вышесказаннымъ И. А. Тимофеевскимъ, а я уѣзжалъ въ Малоярославецкій уѣздъ и просилъ его указать мнѣ маршрутъ на село Недѣльное. Не говоря уже о его преданности семейству Нарышкиныхъ и о пользѣ оказанной имъ въ многолѣтнее его управленіе Знаменскимъ, живая, истинно-родственная его ко мнѣ дружба не ослабѣвала въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ. Частенько журилъ онъ меня и въ большинствѣ случаевъ былъ правъ, и я всегда высоко цѣнилъ колкую его подчасъ откровенность. Но особенно трогала меня его любовь къ моей Анетинѣ: чувство это было наравнѣ съ его любовью къ единственной его дочери Лилѣ, оставшейся сиротою восьми лѣтъ. Подъ его неусыпнымъ наставничествомъ дочь моя быстро усовершенствовалась во Французскомъ языкѣ и отъ него же получила элементарные уроки на фортепіано.

Пробывъ съ недѣлю въ Калугѣ, я поспѣшилъ въ Знаменское, гдѣ жена моя разсказала мнѣ, что утромъ самаго дня смерти Тридонъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и пріѣзжалъ къ ней изъ Тарусы (гдѣ жилъ въ своемъ домѣ съ 1849 года), чтобы дать Французскій урокъ нашему 12-тилѣтнему Митѣ; что въ сумеркахъ она была у него въ Тарусѣ, но поспѣшила домой по причинѣ метели; что, вскорѣ послѣ ея отъѣзда, онъ пошелъ въ свою гостиную взглянуть на термометръ, и такъ какъ долго оттуда не возвращался, то жена его пошла туда посмотрѣть, что онъ дѣлаетъ, но нашла его опустившимся въ креслахъ безъ движенія. Она немедленно послала за Тарускимъ врачемъ, общимъ нашимъ другомъ, В. Я. Яковенко, который не замедлилъ прибыть, и хотя онъ убѣдился при первомъ взглядѣ, что признаковъ жизни уже не было въ Тридонѣ, но для успокоенія его жены попытался пустить кровь, которая, конечно, не пошла. Затѣмъ онъ попросилъ Юлію Ивановну удалиться, подъ предлогомъ, что желаетъ испробовать, вмѣстѣ со своимъ фельдшеромъ, другія медицинскія средства; но это былъ только предлогъ, дабы выиграть хотя сколько-нибудь времени и приготовить несчастную женщину услышать отъ него роковую вѣсть.

Трогательны были его похороны. Наше духовенство вѣротерпимо. Такъ ли оно дѣйствуетъ въ прочихъ губерніяхъ, я не имѣлъ случая

удостовѣриться, но въ Тарусѣ хоронятъ иновѣрцевъ по обряду нашей церкви. Впрочемъ, духовенство руководится, какъ мнѣ сказывали, разрѣшеніемъ отъ епархіальнаго начальства, но съ тою однакоже разницей, что, по отслуженіи панихиды въ домѣ умершаго, его выносятъ на кладбище безъ отпѣванія въ церкви. Для Осипа Августиновича сдѣлано было исключеніе, и его внесли въ Тарускій соборъ, на томъ будто бы основаніи, что онъ принадлежалъ къ Римско-Католическому исповѣданію, то-есть къ церкви признанной у насъ апостольскою; а будь онъ Лютеранинъ, его бы отнесли изъ дому прямо на кладбище *). Хотя разстояніе отъ Тарускаго собора до погоста не болѣе полуверсты, но погребальное шествіе продолжалось съ часъ отъ стеченія народа, желавшаго отслужить на каждомъ перекресткѣ литію за упокой всеобщаго ихъ благодѣтеля, каковымъ былъ дѣйствительно этотъ человѣкъ, всячески помогавшій бѣдному люду и даровыми медикаментами, и провизіей, и деньгами.

*) Весьма сбивчивъ для меня вопросъ, согласна ли подобная вѣротерпимость относительно иновѣрцевъ съ каноническими постановленіями. Что этою же терпимостью руководствуются иногда и въ столицахъ, доказывается тѣмъ, что когда скончался въ Москвѣ начальникъ Московской дворцовой конторы и директоръ императорскихъ дворцовъ католикъ баронъ Боде, то хотя его хоронило Римско-Католическое духовенство, но по словесному ли его завѣщанію, или по желанію его жены и дѣтей, которыя всѣ православныя, во все время, что тѣло его было выставлено въ домѣ, наше духовенство служило панихиды по два раза въ день. А съ другой стороны разсказываютъ, что когда великая княгиня Марія Николаевна, посѣтивъ Сергіевскую пустынь (что подъ Петербургомъ), просила архимандрита Игнатія (Брянчанинова) отслужить панихиду по новопреставленномъ ея супругѣ, герцогѣ Лейхтенбергскомъ (Римскомъ католикѣ), архимандритъ Игнатій отказался исполнить ея желаніе, какъ несогласное съ каноническими правилами, и компетентные люди одобряютъ это дѣйствіе о. Игнатія.

РУССКОЕ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Наконецъ-то и у насъ есть свое Генеалогическое Общество *). Какъ всегда и всюду, мы оказались постоянными и въ этомъ случаѣ (качество, впрочемъ, говорятъ, весьма похвальное): вѣчно быть позади цивилизованныхъ народовъ. У всѣхъ нашихъ сосѣдей, считая въ этомъ числѣ и нашихъ Остзейцевъ, давно уже существуютъ общества, задавшіяся цѣлью разрабатывать исторію своихъ предковъ, т.-е. другими словами, исторію своего народа, а у насъ... Приведу слова И. С. Аксакова изъ его письма къ графу С. Д. Шереметеву (А. П. Барсуковъ. Обзоръ источниковъ и литературы Русскаго родословія, стр. 1): наши дворяне „бо́льшею частью о предкахъ своихъ ничего не знаютъ, преданій рода не уважаютъ, Русской исторіи не вѣдаютъ, семейной старины не цѣнятъ“. Слова эти служатъ какъ бы подтвержденіемъ Пушкину:

Мнѣ жаль, что мы, рукѣ наемной
Ввѣряя чистый свой доходъ,
Съ трудомъ въ столицѣ круглый годъ
Влачимъ ярмо неволи темной,
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто...
Что не живемъ семьею дружной,
Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Старѣя близъ могилъ родныхъ.
Въ своихъ помѣстьяхъ родовыхъ..
Что Русскій вытренный боярин
Считаетъ грамоты царей
За пыльный сбродъ календарей.

Между тѣмъ, по выраженію покойнаго историка К. Н. Бестужева-Рюмина: „гдѣ существуютъ исторіи *родовъ*, городовъ и учрежденій, тамъ возможны общія исторіи“.

Если же Западные народы, у которыхъ высшій классъ въ былыя времена занимался грабежомъ на большихъ дорогахъ, или, сидя въ своихъ

*) Составъ правленія Общества слѣдующій: предсѣдатель Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михайловичъ, члены правленія: Г. А. Власьевъ, Н. П. Лихачевъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, князь М. С. Путятинъ, графъ С. Д. Шереметевъ и Г. Ѳ. Штендманъ, секретарь Общества В. В. Руммель.

укрѣпленныхъ гнѣздахъ, велъ упорную борьбу, изъ личныхъ видовъ, со своими королями, находятъ нужнымъ разрабатывать исторію своего высшаго сословія, то не заслуживаетъ ли исторіи и Русское дворянство? Можетъ быть, весьма лестно для потомковъ рыцарей и бароновъ вспоминать тѣ времена, когда ихъ дѣды шли противъ своихъ королей съ мечомъ въ рукахъ, или нападали на своихъ сосѣдей; можетъ быть, весьма пріятно съ гордостью показывать доспѣхи своихъ предковъ, въ которыхъ они ходили во времена своихъ разбойничьихъ набѣговъ; но можно весьма и весьма сомнѣваться, чтобы подобное сословіе могло приносить большую нравственную пользу своему народу.

Не то мы видимъ у насъ на Руси. Здѣсь не было гордыхъ вассаловъ, не признававшихъ никакой власти, кромѣ власти грубой силы; у насъ были служилые люди, слѣпо покорявшіеся волѣ своего царя (конечно, бывали исключенія, но объ исключеніяхъ нѣтъ рѣчи, говорится о большинствѣ), не обинуясь носившіе званіе государева холопа или слуги [1]). Гордый боярин, зорко слѣдившій, чтобы роду его не учинили порухи, по одному слову своего государя, котораго считалъ помазанникомъ Божіимъ, шелъ на бой, при чемъ ему и въ голову не могла прійти мысль о сопротивленіи или непослушаніи.

Правда, нашему боярству далеко было до образованія и внѣшняго лоска своего западнаго собрата, но за то тѣломъ и душею Русскій боярин принадлежалъ своему народу, составлялъ съ этимъ народомъ одно нераздѣльное цѣлое. Онъ велъ этотъ народъ къ величію, и Россійская имперія создана народомъ, имѣвшимъ во главѣ своей боярство, составлявшее не отдѣльное тѣло отъ народа, а бывшее его головой. Боярство — это лучшія силы народа, плоть отъ плоти его, и этимъ оно отличается отъ западнаго рыцарства [2]).

Вотъ почему нельзя не порадоваться возникновенію Русскаго Генеалогическаго Общества, имѣющаго своею цѣлью: научную разработку исторіи и родословія Русскаго дворянства, изслѣдованія по вопросамъ Русской геральдики, сфрагистики, дипломатики, изданіе въ свѣтъ матеріаловъ, статей, изслѣдованій и замѣтокъ по этимъ предметамъ, а также печатаніе историко-генеалогическихъ актовъ, хранящихся въ многочисленныхъ государственныхъ и семейныхъ архивахъ, разбросанныхъ по всему лицу Русской земли;

---

[1]) Въ примѣръ можно указать на князя Ивана Михайловича Воротынскаго, перешедшаго въ 1493 году со своимъ удѣломъ въ Москву и получившаго, какъ особое отличіе, именованіе „государева слуги“.

[2]) Покойный графъ Д. А. Толстой передавалъ намъ, что по назначеніи своемъ на должность министра внутреннихъ дѣлъ, онъ указывалъ покойному Государю на ошибки предшествующаго царствованія и въ числѣ ихъ на преднамѣренное приниженіе дворянъ. Вы любите, Государь, Русскую исторію — говорилъ графъ Толстой, занимаетесь сю; а ее, въ сущности, творила сотня-другая дворянскихъ родовъ. П. Б.

собираніе спеціальной библіотеки, коллекціи старинныхъ грамотъ, актовъ, печатей, а также предметовъ, принадлежавшихъ представителямъ служилаго класса и имѣющихъ историческій интересъ.

Пожелаемъ же отъ души полнаго успѣха молодому Обществу. Исторія Русскаго дворянства—исторія Россіи.

9-го Мая сего года произведены были выборы членовъ правленія Общества, а также лицъ, предложенныхъ въ дѣйствительные члены (21 лицо) и въ члены-сотрудники (2 лица). За симъ секретарь Общества, В. В. Руммель, доложилъ собранію о желаніи одного изъ членовъ-учредителей, Л. М. Савелова, участвовать въ качествѣ представителя Общества на XI археологическомъ съѣздѣ, имѣющемъ быть въ Кіевѣ въ Августѣ 1899 года, и просьбу того же Савелова объ исходатайствованіи ему разрѣшенія на доступъ для занятій въ архивахъ дворянскаго депутатскаго собранія и статистическаго комитета Области Войска Донского. Оба ходатайства были уважены собраніемъ. Членъ правленія Общества, князь М. С. Путятинъ, прочелъ подробный докладъ о предстоящей Обществу дѣятельности по собиранію, обработкѣ и изданію генеалогическихъ матеріаловъ, при чемъ обратилъ особое вниманіе Общества на громадное число частныхъ архивовъ, сложенныхъ иногда въ простыхъ шкафахъ и сундукахъ, которые ему приходилось много разъ видѣть въ дворянскихъ усадьбахъ, старинныхъ церквахъ и монастыряхъ. Всѣ эти драгоцѣнные для работъ Общества матеріалы часто уничтожаются пожарами (какъ, напримѣръ, въ усадьбѣ князей Оболенскихъ, въ Могилевской губерніи, гдѣ еще недавно пожаръ уничтожилъ всѣ собранные тутъ семейные документы и прочіе предметы старины), или гибнутъ вслѣдствіе небрежности. Принимая это во вниманіе предсѣдатель предложилъ собранію обратиться отъ имени Общества къ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства съ просьбою довести до свѣдѣнія дворянъ ихъ губерній и уѣздовъ о цѣляхъ и задачахъ возникшаго нынѣ Русскаго Генеалогическаго Общества и оповѣстить ихъ, что Общество имѣетъ помѣщеніе при Музеѣ имени Императора Александра III, куда дворяне, не располагающіе достаточно безопасными отъ пожаровъ и другихъ бѣдствій помѣщеніями и сочувствующіе цѣлямъ Общества, могутъ доставлять имѣющіеся у нихъ грамоты, акты и разнообразные памятники прошлаго на вѣчное храненіе въ спеціально образуемомъ для этого музеѣ при Русскомъ Генеалогическомъ Обществѣ (за всѣми справками слѣдуетъ обращаться къ секретарю Общества, Василію Владимировичу Руммелю, С.-Пб., Мытнинская ул., 7). Выслушавъ предложеніе своего предсѣдателя, собраніе постановило: поручить секретарю Общества составить таковое обращеніе и, по надлежащемъ разсмотрѣніи и утвержденіи, разослать его по принадлежности ко всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства Предложеніе В. В. Руммеля о собираніи матеріаловъ для генеалогическаго словаря Русскаго дворянства и объ изданіи гербовъ и родословныхъ росписей, представленныхъ въ концѣ XVII вѣка въ Разрядъ, было также принято собраніемъ, при чемъ относительно изданія росписей принято предложеніе Н. П. Лихачева, предварительно

составить по архивнымъ матеріаламъ полный списокъ дошедшихъ до насъ въ подлинникахъ или копіяхъ росписей, и только окончательно выяснивъ наличный матеріалъ, издать и самыя росписи. Въ концѣ засѣданія, послѣ обсужденія нѣкоторыхъ хозяйственныхъ дѣлъ Общества, Н. П. Лихачевъ прочелъ сообщеніе по вопросу о нетитулованныхъ Рюриковичахъ. Указавъ на сомнѣнія, которымъ въ настоящее время подвергается дѣйствительность происхожденія и существованіе нетитулованныхъ Рюриковичей вообще, докладчикъ привелъ, въ видѣ исключенія, примѣръ исторіи изъ рода Монастыревыхъ (которые считаются потомками князей Бѣлозерскихъ), изложилъ родословное развѣтвленіе этого обширнаго рода, изъ котораго ни одна вѣтвь не носила княжескаго титула, и указалъ на исключительный случай титулованія въ древней грамотѣ (1519 г.) „княжимъ“ сыномъ Ивана Александровича Кнутова („а на то послуси Иванъ княжъ Александровъ сынъ Кнутовъ“), который былъ праправнукомъ родоначальника, Александра Монастырева.

Л. М. Савеловъ.

7-го Іюня 1898. Коротоякъ.

*

Намъ кажется, что эпиграфомъ къ изданіямъ новаго Общества, возникновеніе котораго нельзя не привѣтствовать, могло бы быть четверостишіе Пушкина:

Два чувства чудно-близки намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.

Пушкинъ занимался своимъ родословіемъ, и слѣды этихъ занятій остались въ его стихахъ и прозѣ. Вигель упрекалъ его въ излишествѣ родовой гордыни, когда онъ, взбѣшенный Булгаринымъ съ братьею, написалъ свою знаменитую Родословную (Не торговалъ мой дѣдъ блинами и пр.), а Пушкинъ отвѣчалъ на этотъ упрекъ письмомъ (которое намъ случилось читать и которое до сихъ поръ не издано). Конечно, Вигель былъ правъ, такъ какъ въ Россіи, по милости Божіей, не бывало и нѣтъ рѣзкаго различія между сословіями, и Крыловскіе гуси одна изъ любимѣйшихъ у насъ басенъ. Русскому Генеалогическому Обществу предлежитъ заниматься не дворянами только, но и родословіями другихъ сословій, въ особенности духовенства, когда въ нихъ встрѣчаются лица достопамятныя. Такъ, напримѣръ, мать Сперанскаго, Грамотина, родомъ изъ Запорожья. А сколько дѣятелей вышло изъ крѣпостного крестьянства! Желательно также, чтобы Русское Генеалогическое Общество озаботилось пріобрѣтеніемъ рукописныхъ трудовъ стараго времени. Такъ, напримѣръ, покойный Курскій помѣщикъ Арисъ Егоровичъ Стремоуховъ многіе годы работалъ надъ родословіями дворянъ; мы видѣли у него множество карточекъ съ именами и поколѣніями, и въ Москвѣ, въ 1870-мъ году, думалъ онъ приступить къ ихъ печатанію; пробный печатный листокъ у насъ сохраняется. Читатели „Русскаго Архива“ получили въ 1883 году „Петербургскій Некрополь“, почтенный трудъ В. И. Саитова. Необходимъ для родословныхъ розысканій такой же Московскій.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы новое Общество не задремало въ канцелярскихъ околичностяхъ. П. Б.

ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ АНДРЕЕВСКАГО ОРДЕНА.

Орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго учрежденъ, какъ извѣстно, Петромъ Великимъ; но когда, т.-е. какого числа, мѣсяца и года? Въ „Историческомъ очеркѣ Россійскихъ Орденовъ“, изд. 1891 года, сказано: „Петръ Первый, по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія въ 1698 году, по примѣру государей Европы, учредилъ орденъ въ честь Св. Апостола Андрея Первозваннаго, крещеніемъ первоначально предѣлы наши просвѣтившаго, и пожаловалъ первымъ кавалеромъ сего ордена генералъ-адмирала и фельдмаршала Ѳеодора Алексѣевича Головина 10 Марта 1699 года“. При этомъ не указывается точно дня и мѣсяца основанія ордена.

Бывшій въ то время въ Москвѣ секретарь Австрійско-Цесарскаго посольства Корбъ въ дневникѣ своемъ, изданномъ въ Вѣнѣ въ 1700 году на Латинскомъ языкѣ, записалъ, что 20 Марта 1699 года (по старому стилю 10 Марта) его величество учредилъ орденъ Св. Андрея, и первымъ кавалеромъ пожалованъ былъ бояринъ Головинъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Корба, день основанія ордена совпадаетъ съ днемъ пожалованія имъ перваго кавалера. Въ „Лѣтописи Капитула Орденовъ“, изданной въ 1897 году ко дню столѣтія Департамента Удѣловъ, говорится, что Петръ Великій, учреждая въ 1698 году первый Россійскій орденъ, предполагалъ установить и самостоятельную администрацію этого ордена, что былъ составленъ проектъ таковой въ 1720 году, но высочайшаго учрежденія не послѣдовало. Этотъ проектъ устава Андреевскаго ордена напечатанъ на стр. 1—28 „Сборника основныхъ орденскихъ статутовъ“ *), при чемъ въ самомъ концѣ помѣщено слѣдующее: „*Учинено* въ нашемъ столичномъ городѣ Санктъ-Петербургѣ по Рождествѣ Спасителя нашего Іисуса Христа въ 1720 году, по претерпѣнныхъ мученіяхъ Святымъ Апостоломъ Андреемъ въ 1650 году, царствованія нашего въ 30, *а учрежденія сего ордена въ 21 году*“. Изъ этого слѣдуетъ, что орденъ учрежденъ не въ 1698 году, а въ 1699 году; ибо, прибавивъ къ этому послѣднему числу 21 годъ, получится какъ разъ 1720 годъ, когда написанъ проектъ устава ордена. Другими словами, Корбъ совершенно правильно считаетъ годомъ основанія ордена годъ пожалованія имъ Голо-

*) Онъ составляетъ часть упомянутаго выше „Историческаго очерка Россійскихъ орденовъ“.

вина, т.-е. 1699 годъ, и остается неизвѣстнымъ, почему изданіемъ Капитула учрежденіе этого ордена относится къ 1698 году.

Вопросъ о точномъ опредѣленіи дня учрежденія перваго ордена Россійской Имперіи занималъ и графа Сперанскаго, когда онъ работалъ надъ составленіемъ Свода Россійскихъ Законовъ, при чемъ въ первомъ томѣ онаго предполагалось изложить и правила о Россійскихъ орденахъ. Въ дѣлахъ архива Государственнаго Совѣта сохранилась переписка графа Сперанскаго по сему предмету съ Д. Н. Блудовымъ (впослѣдствіи графомъ). Пользуясь разрѣшеніемъ г. государственнаго секретаря, д. т. с. фонъ-Плевс, заниматься въ этомъ архивѣ, позволяемъ себѣ познакомить нашихъ читателей съ означенною перепискою, сохранившеюся въ дѣлѣ № 876 (по дѣламъ бывшаго II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи).

Графъ Сперанскій, въ 1827 году 31 Мая, просилъ Дмитрія Николаевича Блудова (которому, какъ извѣстно, императоръ Николай поручалъ разныя историографическія работы) навести подробную справку въ бумагахъ Кабинета Петра Великаго о времени основанія ордена Святаго Андрея Первозваннаго.

На это Д. Н. Блудовъ отвѣчалъ:

„Милостивый государь Михаилъ Михаиловичъ.

Исполняя желаніе вашего превосходительства, изъявленное въ отношеніи вашемъ ко мнѣ отъ 31 минувшаго мѣсяца, я поручилъ употребляемымъ мною по сей части чиновникамъ пересмотрѣть снова и съ величайшимъ тщаніемъ реестры бумагъ, составляющихъ такъ-называемый Кабинетъ Петра Великаго. Если намъ удастся найти въ сихъ бумагахъ что либо касающееся до учрежденія ордена Святаго Андрея, то я поспѣшу все достойное вниманія сообщить вашему превосходительству, въ копіи или выпискѣ. Но едва ли мы можемъ ожидать сего. По всему кажется, что установленіе нашего перваго кавалерскаго ордена не было ознаменовано никакимъ письменнымъ актомъ. Г. Ф. Гизенъ (v. Huysen) въ своей неполной и доселѣ *рукописной* исторіи Петра I-го, сочиненной по указаніямъ и вѣроятно подъ личнымъ надзоромъ самого императора, говоритъ, что „Его Царское Величество, учредивъ въ 1699-мъ году Россійской орденъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, *статуты и церемоніи онаго отложилъ до другого времени*“. А въ проектѣ сихъ статутовъ, составленномъ въ 1720 году (славнымъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, какъ можно полагать по слогу сей бумаги) сказано именно: „Не отреклись бы мы въ самомъ началѣ сей нашъ новый орденъ, по обыкновенію, уставами, правилами и приличными должностями *снабдивъ обнародовать, если бы прежде Турецкою, а потомъ Шведскою войной и прочими случаями не были удержаны*. Нынѣ же мы сей нашъ орденъ въ совершенное состояніе приведши и уставами, правилами и законами, на которыхъ оный долженъ быть основанъ, утвердивъ, не отлагая времяни, *издать благоволили*“. Сіи слова, какъ я смѣю думать, ясно доказываютъ, что не только статуты не были изданы, но и существованіе ордена

ни указомъ, ни инымъ публичнымъ актомъ не было возвѣщено народу до 1720 года".

„Что же касается до времени установленія, разумѣя подъ симъ назначеніе первыхъ кавалеровъ [1]), то, кажется, нѣтъ сомнѣнія, что Голиковъ несправедливо полагалъ оное въ *1698-мъ* году. Противное сему вышеприведенное свидѣтельство Гизена подтверждается и показаннымъ въ проектѣ статутовъ числомъ (въ лѣто отъ Р. Х. 1720-е, царствованія нашего въ 30-е, а учрежденія сего ордена въ 21-е), и другою исторіей, коей манускриптъ также хранится въ Кабинетѣ Его Императорскаго Величества и въ коей означено рукой самого Петра Великаго, что „того же (1699) года его величество учинилъ Россійскій орденъ Святаго Апостола Андрея, того ради, понеже народъ Россійскій первое начало христіанской вѣры отъ него воспріялъ". Но точно ли, по сказанію Корба, коему слѣдовали Бантышъ-Каменскій и Вихманъ, учрежденіе ордена и пожалованіе Головина первымъ кавалеромъ было 10 (20) Марта, я не смѣю рѣшить; полагаю даже, что здѣсь въ мѣсяцѣ или числѣ есть ошибка, ибо по одному письму царя къ князю Ромодановскому видно, что 3-го Марта 1699 года онъ уже былъ въ Воронежѣ, а оттуда, какъ извѣстно, отправился въ Таганрогъ".

„Препровождая при семъ выписку изъ исторіи Гизена, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Д. Блудовъ.

2-го Іюня 1827 года".

Выписка изъ Исторіи Петра Великаго, сочиненной фонъ-Гизеномъ [2]).

Сего-жъ года (1699) такожъ установилъ его царское величество Россійской орденъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, для знатныхъ генераловъ и министровъ съ симъ девизомъ: *за вѣру и вѣрность*; а статуты и церемоніи онаго отложены до иного времени.

Помянутый орденъ основанъ въ память первородства Россійскаго крещенія, которое Россія приняла еще въ лѣта апостольскія, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ около 69 лѣта послѣ Рождества Господа нашего Іисуса Христа, отъ перваго архіепископа Константинопольскаго или еще Византійскаго. Глаголемъ же отъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, иже бысть Апостолъ Европы и, пришедши Днѣпромъ отъ Востока, изъ града Греческаго Корсуня, водрузи на горахъ Кіевскихъ крестъ, таможе и нѣкіихъ крестилъ. По семъ церковь Воздвиженія Креста Господня сооружися, пророчески глаголя ученикомъ своимъ: *на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, и будетъ градъ великъ, и воздвигнетъ Господь Богъ въ немъ множество церквей.* По семъ опустися Днѣпромъ и приде къ Славянамъ и гдѣ же нынѣ Великій Новгородъ, тамо же и нѣкіихъ крестилъ, а оттуда чрезъ землю Варяжскую пустися до Рима, о чемъ въ житіи его пространнѣе видно (зри о семъ же пространнѣе въ Печерскомъ Патерикѣ въ предисловіи и въ Кіевской Хроникѣ).

---

[1]) Назначеніе первыхъ кавалеровъ ордена можетъ, очевидно, и не совпадать съ днемъ его установленія.

[2]) Изъ дѣла Архива Государственнаго Совѣта № 876.

Считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія къ письму Д. Н. Блудова.

1) Баронъ Хюйсенъ (Huysen, а не Гизенъ) былъ, какъ извѣстно, учителемъ царевича Алексѣя Петровича, и ему, по приказанію Петра Великаго, въ 1714 году, отданы были всѣ журналы для написанія исторіи сего государя. Имѣя въ рукахъ подлинные журналы походовъ и путешествій Петра, Хюйсенъ, по словамъ г. Устрялова (т. I, стр. XXX и слѣд.) ограничился выписками изъ нихъ безъ всякой связи и довелъ свое изложеніе до 1715 года. Рукописный экземпляръ этого сочиненія хранится въ Государственномъ Архивѣ; но оно напечатано было гораздо ранѣе письма г. Блудова, именно Тумапскимъ въ 1787 году въ его «Собраніи записокъ къ исторіи Петра Великаго» части III, IV. Приводимая Блудовымъ выписка помѣщена на стр. 119 — 121 этого сборника, при чемъ *день* учрежденія ордена не означенъ; но извѣстіе объ этомъ помѣщено послѣ сообщенія о смертп Лефорта, послѣдовавшей 2 Марта.

2) Сомнѣніе Блудова въ правильности показанія Корба, что Головинъ пожалованъ кавалеромъ $^{10}/_{20}$ Марта 1699 года, едва ли имѣетъ правильное основаніе. Блудовъ полагаетъ, что тутъ есть ошибка въ мѣсяцѣ или числѣ; ибо по одному письму Царя къ князю Ромадановскому видно, что 3 Марта 1699 года Петръ былъ въ Воронежѣ, а оттуда отправился въ Таганрогъ.

Вѣрно, что 3 Марта 1699 г. Петръ былъ въ Воронежѣ и писалъ къ князю Ромадановскому; это письмо его напечатано въ собраніи писемъ Петра Великаго г. А. Ѳ. Бычковымъ, въ томѣ I, стр. 276, и помѣчено *г. Воронежъ*. Но изъ слѣдующаго за тѣмъ письма не подлежитъ сомнѣнію, что 13-го Марта того же года Петръ I былъ въ *Москвѣ*, а вовсе не по направленію къ Таганрогу. 2 Марта 1699 года умеръ Лефортъ, любимецъ Петра, въ Москвѣ (см. Устрялова, Исторія, т. III, стр. 265 и слѣд.), и немедленно по полученіи извѣстія объ этомъ Петръ возвратился въ Москву для торжественнаго его погребенія.

Наканунѣ печальнаго обряда Петръ (по словамъ г. Устрялова) возложилъ на боярина Ѳедора Алексѣевича Головина учрежденный имъ *въ то время орденъ* Апостола Св. Андрея Первозваннаго. Такимъ образомъ орденъ пожалованъ Головину *девятаго Марта*. Послѣ похоронъ Лефорта чрезъ два дня Царь уѣхалъ въ Воронежъ (стр. 270), а потомъ 27 Апрѣля 1699 года съ флотомъ двинулся по Дону къ Азову, а за тѣмъ уже къ Таганрогу (стр. 277).

3) Нельзя не упомянуть, что Голиковъ въ своемъ сочиненіи «Дѣянія Петра Великаго», томъ I, стр. 136, говоритъ, что «по наказаніи стрѣльцевъ (а дѣломъ о стрѣлецкомъ бунтѣ занимался Царь по возвращеніи въ Москву изъ заграничнаго путешествія *25 Августа 1698 года, во время вечерни,* см. Устрялова, т. III, стр. 151) учрежденъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго, что было *30 Августа,* которымъ тогда пожалованъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ и Мазепа»; при чемъ въ примѣчаніи тутъ же Голиковъ удивляется, отъ чего не награжденъ былъ орденомъ Лефортъ. Тоже самое повторяетъ Голиковъ въ Дополненіяхъ къ Дѣяніямъ Петра Великаго, т. 5, стр. 227, говоря, что по примѣру иностранныхъ державъ Петръ основалъ 30 Августа орденъ Св. Андрея и украсилъ тогда двухъ только особъ, Головина и Мазепу.

Въ Историческомъ Очеркѣ Россійскихъ орденовъ сказано, что Малороссійскій гетманъ Иванъ Мазепа удостоился получить орденъ Св. Андрея въ Москвѣ *8 Февраля 1700 года,* въ воздаяніе заслугъ, оказанныхъ имъ въ теченіи 13 лѣтъ на военномъ поприщѣ въ войну съ Турками и ханомъ Крымскимъ *).

Уставъ или статутъ ордена Св. Андрея обнародованъ Императоромъ Павломъ Апрѣля 5 дня 1797 года (П. С. З. № 17908) и дѣйствуетъ по настоящее время. Днемъ же основанія ордена указывается, какъ видно изъ вышеизложеннаго, 30 Августа 1698 года по Голикову, 9 Марта 1699 года по Устрялову и 10 Марта того же года по Хюйсену и Корбу. Которое же изъ нихъ надлежитъ считать правильнымъ, остается вопросомъ открытымъ?

П. Майковъ.

---

*) Это свѣдѣніе основано на „Спискахъ кавалерамъ“ Бантыша-Каменскаго, стр. 57. Въ Словарѣ его, т. 3, стр. 239, изданіе 1836 года въ біографіи Мазепы, имѣется тоже самое свѣдѣніе.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА ВЪ МОСКВУ КЪ ЕГО ОТЦУ ЯКОВУ ИВАНОВИЧУ.

1802-й годъ.

С.-Петербургъ, 12 Февраля 1802 года.

Читатели „Русскаго Архива“ уже знакомы съ прекрасными письмами славнаго Екатерининскаго дипломата къ обоимъ его сыновьямъ. Начинаемъ печатаніе выдержекъ изъ ихъ писемъ къ старику отцу. Молодой Александръ Яковлевичъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Неаполь въ началѣ Марта 1802 года. Младшій братъ его Константинъ оставался въ Петербургѣ, дожидаясь своего назначенія въ Вѣну. Оба брата, по пріѣздѣ изъ Москвы, остановились у дочери князя Репнина, княгини А. Н. Волконской; мать же ихъ Шумлянская жила тогда въ Петербургѣ. Любопытно, что о ней оба сына не пишутъ ничего въ Москву. Вскорѣ и Константинъ Яковлевичъ получилъ мѣсто въ Вѣнѣ, откуда пріѣзжалъ въ томъ же году на свиданіе съ братомъ въ Неаполь. П. Б.

Милостивый государь батюшка.

Наконецъ, послѣ шестидневнаго путешествія, прибыли мы *) сегодня, въ восьмомъ часу вечера, въ Петербургъ. Дорога была хороша до Твери, а отъ Твери она такъ дурна, что не можно себѣ представить; нельзя было ѣхать иначе, какъ шагомъ; подъѣзжая къ Петербургу, она опять становится хороша. Повозки наши то и дѣло портились и ломались, возокъ разбился въ дребезги, и мы были слишкомъ счастливы промѣнять его, хотя и съ придачею 15 рублей, на кибитку. Ночевали мы только два раза на дорогѣ, и то только для того, что починка нашихъ повозокъ онаго требовала. Много намъ попалось людей, и между прочими слуга князя Алексѣя Ивановича Голицына, который повезъ въ Петербургъ сочиненія своего господина, съ письмомъ къ Оленину, для поднесенія Государю. Онъ хотѣлъ съ нами ѣхать и служить намъ дорогою; но мы, слава Богу, его избавились, да и не знаю я, какъ онъ доѣдетъ до Петербурга, имѣя подорожную только до Новгорода. Вотъ, кажется, все, что̀ касается до дороги; лошадей имѣли мы вездѣ безъ остановки.

---

*) Т.-е. съ младшимъ братомъ, Константиномъ Яковлевичемъ. Оба они служили въ Москвѣ, въ Архивѣ Иностранной Коллегіи, у Н. Н. Бантыша-Каменскаго.

Здѣсь пашли мы въ домѣ [1]) всѣхъ, слава Богу, здоровыми, кромѣ князя Никиты Григорьевича [2]), который нѣсколько дней боленъ лихорадкой. Княгиню мы еще не видали, ея нѣтъ дома. Князь Николай Григорьевичъ [3]) подлинно считается по арміи, пока не получитъ другого мѣста, и носитъ теперь бѣлый общій кавалерійскій мундиръ. Живемъ мы во флигелѣ, въ трехъ очень хорошихъ комнатахъ, надъ Юріемъ Александровичемъ Нелединскимъ, который также здѣсь остановился. Иванъ Григорьевичъ Фризель также здѣсь, но мы его еще не видали, а видѣлъ я только одного Влодека, который въ большой радости: Государь позволилъ ему пользоваться староствомъ 50 лѣтъ еще послѣ смерти отца его и избавилъ его отъ платежа всѣхъ податей.

*

13-го Февраля.

Сегодня видѣлись мы съ княземъ Григоріемъ Семеновичемъ. Онъ увѣрилъ насъ, что не оставитъ насъ и сдѣлаетъ все, что̀ будетъ отъ него зависѣть. Княгиня весьма ласково насъ приняла, водила по всему дому, все сама намъ показала и просила быть у нея такъ, какъ въ своемъ домѣ.

Не нашедъ Ивана Алексѣевича [4]) дома, поѣхали мы въ Коллегію и къ оберъ-секретарю явились; онъ намъ все разсказалъ, когда кого застать. Отправленіе наше зависитъ, какъ онъ говоритъ, отъ доклада вице-канцлера. Были мы послѣ у Боголюбова, который объ насъ доложилъ князю [5]); мы очень долго дожидались, ибо князю перевязывали щеку, наконецъ велѣлъ насъ къ себѣ позвать. Пріемъ сей тѣмъ болѣе для насъ былъ пріятенъ, что многіе не были допущены. Князь насъ весьма ласково принялъ, прочелъ ваше письмо, спрашивалъ о вашемъ здоровьѣ, увѣрилъ, что не упуститъ ни единаго случая, въ которомъ можно ему будетъ доказать, сколь онъ къ вамъ приверженъ и сколь желаетъ намъ добра. Онъ намъ говорилъ, что спѣшить намъ, кажется, не за чѣмъ; мы отвѣчали, что сіе зависитъ совершенно отъ его воли и приказанія; также просилъ насъ къ себѣ сегодня на вечеръ.

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ сдѣланъ генералъ-губернаторомъ въ Украйну и скоро туда ѣдетъ; жена его и весь домъ остаются въ Петербургѣ. Государь Императоръ изволилъ нѣсколько тому

---

[1]) Т-е. въ домѣ, нынѣ принадлежащемъ князю Петру Дмитріевичу Волконскому на Мойкѣ, гдѣ скончался въ 1837 году Пушкинъ.

[2]) Впослѣдствіи супруга княгини Зенаиды.

[3]) Старшій сынъ князя Волконскаго, получившій имя князя Репнина.

[4]) Сенатора Алексѣева.

[5]) Т. е. князю Александру Борисовичу Куракину.

дней назадъ навѣстить князя Александра Борисовича, и вотъ, я думаю, причина, которая его наиболѣе облегчила отъ болѣзни. Всѣмъ армейскимъ полкамъ вышли новые мундиры. Скоро будетъ сюда Французскій посолъ, который уже и въ дорогѣ. Будетъ онъ жить въ домѣ, бывшемъ Льва Александровича Нарышкина, въ которомъ живетъ теперь князь Александръ Борисовичъ; по пріѣздѣ посла переѣдетъ князь въ домъ Чернышова.

*

17 Февраля 1802.

По вашей милости и по письмамъ, которыя вы намъ дали, мы еще, благодаря Бога, не забыты и здѣсь. Всѣ здѣсь, какъ только узнаютъ, что мы ваши дѣти, насъ ласкаютъ и стараются услужить. Я никакъ еще не могу привыкнуть къ Петербургу или, лучше сказать, не быть съ вами; все мнѣ кажется ново. Мы обѣдали въ Субботу (день, по которымъ онъ всегда дома обѣдаетъ) у Ивана Алексѣевича; обѣдалъ тутъ также Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, которому онъ насъ представилъ и которому мы отдали ваше письмо; онъ положилъ оное въ карманъ, думая видно, что писано къ нему о постороннемъ дѣлѣ. Дмитрій Прокофьевичъ говорилъ также, что онъ очень передъ вами виноватъ, что не отвѣчалъ на ваше письмо, но просьбу вашу исполнилъ и выпросилъ у Государя для Травина 300 р., но не знаю, пенсіи ли, или единовременнаго. Я игралъ послѣ съ женою Ивана Алексѣевича и пр. въ берланъ; тутъ подошелъ Дмитрій Прокофьевичъ, сталъ за моимъ стуломъ, очень ласково говорилъ со мной и спрашивалъ о правилахъ игры, отошедъ желалъ мнѣ счастія. Видѣлъ я также тутъ Виленскаго знакомаго генерала Сакена *), у котораго отъ раны лѣвый глазъ меньше и лицо повреждено; очень много объ васъ спрашивалъ.

Третьяго дня были мы у графа Кочубея. Онъ велѣлъ позвать насъ въ свой кабинетъ, долго съ нами говорилъ, спрашивалъ гдѣ учились, какіе знаемъ языки, часто ли бывали въ Архивѣ, что тамъ дѣлали (подробно). Такъ какъ Яковъ Ивановичъ (говорилъ онъ) желаетъ, чтобы вы были помѣщены не сверхъ комплекта, а съ жалованьемъ, то теперь не могу исполнить его просьбы во всей точности, ибо въ Вѣнѣ и Берлинѣ нѣтъ вакансіи; а старшаго изъ васъ пошлю я во Флоренцію, гдѣ есть мѣсто и съ жалованьемъ, и ежели вы на сіе согласны, то въ Понедѣльникъ совѣтъ, и я Государю доложу. Меньшого же изъ васъ можно будетъ послать въ Вѣну; впрочемъ, со временемъ можно будетъ перемѣнить и опредѣлить каждаго, куда вашъ батюшка

*) Славнаго впослѣдствіи губернатора въ Парижѣ, князя и фельдмаршала.

васъ назначаетъ. Велѣлъ также каждому написать на всѣхъ языкахъ, какіе мы знаемъ, чтобы видѣть наши почерки. Весьма нетерпѣливо ожидаю вашего отвѣта и мнѣнія на все графомъ Кочубеемъ сказанное, и отправляться ли мнѣ, куда онъ назначаетъ? Вы мнѣ не велѣли упускать, ежели будетъ хорошее мѣсто; а для начала, мнѣ кажется, лучше не надобно. Еще меня то утѣшаетъ, что поѣдетъ туда со мною Пиніевъ братъ, малый добрый, который мнѣ будетъ немалою пользой, имѣя болѣе меня опытности. Я радъ, что могу сдѣлаться нѣсколько нужнымъ старшему Пиніо, къ которому весьма хорошо расположенъ графъ Кочубей. Всякая ласка къ меньшому брату мнѣ будетъ заплачена старшимъ, возлѣ вице-канцлера. Все идетъ, кажется, нельзя лучше; только я Италію не очень люблю, и мнѣ кажется, что въ ней болѣе можно найти разсѣянности и забавъ, нежели способовъ просвѣтиться; впрочемъ, нѣтъ земли, гдѣ бы не можно найти что-либо хорошее перенять. Какъ тамъ немного канцелярскихъ служителей, то болѣе будетъ работы и слѣдственно менѣе праздпаго времени, отъ котораго все худое по большей части происходитъ. Не могу я добиться, кто тамъ министромъ; говорятъ, будто новое посольство составляется. У графа Воронцова мы были разъ шесть, но не можемъ застать.

*

С.-Петербургъ, 20 Февраля 1802 года.

Слава Богу, все уже кончено касательно моего отправленія, и я вамъ при семъ прилагаю копію съ высочайшаго именного указа, объявленнаго графомъ Кочубеемъ, которому я всѣмъ обязанъ. И такъ, я уже не во Флоренцію, а въ Неаполь отправляюсь, гдѣ министромъ камергеръ и кавалеръ Италинскій, человѣкъ весьма хорошій, какъ я здѣсь слышу. Жалованье я буду получать по штату, т.-е. 400 ефимковъ съ курсомъ. Вы изволили намъ назначить по 100 на мѣсяцъ, что, вмѣстѣ съ моимъ жалованьемъ, составитъ прекрасный навсегда доходъ. Теперь не могу еще о томъ судить; но мнѣ кажется, что можно будетъ даже часть сего дохода сберечь, какъ вы изволили мнѣ сами совѣтовать, на всякіе неожиданные случаи. Что касается до пересылки денегъ, то есть здѣсь придворный банкиръ Раль, который беретъ деньги для перевода во всѣ города свѣта. Очень былъ бы я доволенъ, ежели бы получалъ деньги въ разныя времена. Жалованье выдается въ Генварѣ, Маѣ, кажется, и Ноябрѣ, но приходитъ въ чужіе края, конечно, по крайней мѣрѣ, мѣсяцомъ позже. И такъ, ваши деньги желалъ бы я получать въ Апрѣлѣ, Сентябрѣ и Декабрѣ, дабы быть всегда въ деньгахъ наличныхъ, безъ которыхъ вездѣ худо, а кольми паче въ чужой землѣ, гдѣ кредиту не имѣется и гдѣ малѣйшій долгъ десять

разъ отяготительнѣе нежели нужда, претерпѣваемая скудостію. Я положилъ проживать только то, что̀ буду получать по вашей милости, а жалованья не буду трогать вовсе. Что̀ касается до времени моего отъѣзда, то оное я еще самъ не знаю. Графъ Викторъ Павловичъ говоритъ, чтобы я не мѣшкалъ; ибо Италинскій, лишаясь Немѣровскаго, имѣетъ въ насъ нужду, тѣмъ болѣе, что при немъ нѣтъ, кому бы можно отправлять дѣла; а надобно знать, что отправленіе Немѣровскаго зависитъ отъ пріѣзда во Флоренцію графа Моцениги, который еще здѣсь и о котораго отъѣздѣ еще ничего не слыхать. И такъ, я думаю пробыть здѣсь еще недѣли полторы, а можетъ быть и болѣе. На проѣздъ намъ будетъ съ Пиніемъ дано иные говорятъ 300, другіе 400 червонныхъ.

Я съ моимъ товарищемъ познакомился. Онъ, кажется, въ своего брата, и всѣ въ коллегіи его хвалятъ. Старшій Пиній хотѣлъ самъ къ вамъ писать; я весьма имъ доволенъ и многимъ ему обязанъ. Онъ будетъ насъ учить шифрировать и дастъ намъ всѣ нужныя наставленія. Пиній мнѣ говорилъ: toutes les affaires seront sur vos épaules, car il y a là Swietchine et je ne sais encore qui, mais cela ne vaut rien tout cela. Слѣдовательно, мы не копіистами выйдемъ, а будемъ отправлять всю работу, чѣмъ я весьма доволенъ. Сегодня поѣду я къ князю Ал. Бор. и къ графу благодарить, хотя первый вовсе и не участвовалъ въ моемъ успѣхѣ. Я почелъ за нужное увѣдомить о всемъ также Николая Николаевича *), какъ своего стараго начальника, желающаго мнѣ добра и коего рекомендаціи мнѣ весьма были полезны; послалъ я также къ нему копію съ указа. Хотя я его благодарилъ въ письмѣ моемъ за всѣ его ласки и старанія, но прошу васъ оное потрудиться повторить, когда его увидите, за меня.

Пиній беретъ охотно на себя пересылку нашихъ писемъ. Переписка съ Италіей дешева. Прескверную будемъ имѣть дорогу, но что̀ дѣлать! Я думаю, что намъ дадутъ депеши въ Вѣну, гдѣ позволятъ нѣсколько пробыть; не угодно ли вамъ будетъ писать въ Варшаву, чрезъ которую, я думаю, мы также поѣдемъ? Признаться, что трудно бы было ѣхать одному, съ мальчикомъ 15 лѣтъ, да и глухимъ еще. Намъ можно будетъ ѣхать, я думаю, въ одной повозкѣ, а оставшіяся деньги раздѣлимъ между собою. Прошу васъ, батюшка, сказать на все ваше мнѣніе и поправить, ежели что не такъ. Что я принялъ предложеніе графа Кочубея быть посланнымъ въ Неаполь, вы то одобрите, я думаю; ибо не было возможности быть въ другомъ мѣстѣ, а еще

*) Бантышъ-Каменскаго.

менѣе въ Вѣнѣ; да притомъ ни Иванъ Алексѣевичъ, ни князь, ни княгиня оное не опровергали. Впрочемъ, графъ Викторъ Павловичъ именно сказалъ, что со временемъ постарается устроить все по вашему желанію: изъ Неаполя недолго переѣхать въ Вѣну.

Познакомился я здѣсь съ дюкомъ Сера-Капріоли, Неаполитанскимъ посланникомъ, который мнѣ даетъ много рекомендательныхъ писемъ въ Неаполь; онъ вамъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе; также буду я просить отъ нашихъ министровъ писемъ. Не изволите ли вы знать Италинскаго?

Какой-то князь Егоръ Грузинскій [1]), который поднесъ Государю чудотворный крестъ, обратившій Грузію въ христіанство, сдѣланъ камергеромъ. Вчера были мы съ княгиней въ Нѣмецкомъ театрѣ, играли Шиллерову піесу les Voleurs.

Сейчасъ былъ у меня мой товарищъ Пиній, который сказывалъ, что насъ отправляютъ курьерами и даютъ на проѣздъ обоимъ 300 червонныхъ. Мы согласились съ нимъ взять бричку и, дабы не было лишней тяжести и слѣдственно большого платежа, беру я только человѣка; а онъ наймetъ себѣ или возметъ, ѣдучи чрезъ Флоренцію, гдѣ живутъ мать его и родственники, лакея; а оттуда въ Неаполь недалеко. Онъ мнѣ также сказалъ, что секретаремъ посольства тамъ Свѣчинъ, братъ бывшаго здѣсь военнаго губернатора, и что онъ скоро женится, не знаю, тамъ ли или сюда въ Россію пріѣдетъ; можетъ быть, что намъ должно будетъ замѣнить его мѣсто.

Я вамъ писалъ о Государевой милости въ разсужденіи Влодека. Этого не довольно: велѣно ему даже возвратить тѣ 8000 р. казенныхъ податей, которыя онъ заплатилъ въ четыре года владѣнія своего староствомъ. Онъ, кажется, думаетъ здѣсь поселиться навсегда.

Надобно мнѣ быть готовымъ всякую минуту, дабы не сдѣлалось со мною такъ, какъ съ Тургеневымъ, въ Вѣну поѣхавшимъ, который получилъ повелѣніе ѣхать, тогда какъ не думалъ еще и сбираться.

Иванъ Петровичъ [2]) не забылъ въ Петербургѣ своего Университета и выпросилъ профессорамъ, 10 лѣтъ служившимъ, пенсіи, равно и вдовамъ ихъ, ежели мужъ ихъ прослужилъ 20 лѣтъ. Сіе остается навсегда въ Московскомъ Университетѣ.

---

[1]) Славный позднѣе своимъ самодурствомъ владѣлецъ Лыскова, Волжскій царь (le roi de Volga), какъ его называли.

[2]) Тургеневъ, директоръ Московскаго университета. Выше говорится о старшемъ его сынѣ Андреѣ, кончина котораго оплакана В. А. Жуковскимъ.

Городъ здѣшній украсился многими прекрасными зданіями. Михайловскій за́мокъ великолѣпенъ, ворота и въѣздъ его величественны, передъ дворцомъ стоитъ статуя Петра Великаго на лошади. Статуя давно вылита, но поставлена покойнымъ государемъ съ надписью: Прадѣду Правнукъ. Видѣлъ я также монументы Румянцова и Суворова. Исаакіевская церковь не важна снаружи совсѣмъ, внутри чрезвычайно великолѣпна и высока. Я ничего подобнаго не видалъ. Деревья на перспективѣ мнѣ не правятся, ибо кромѣ того, что дѣлаютъ улицу темною, они отнимаютъ у улицы ширину, которая составляла ея главную красоту.

Что я вамъ сказывалъ объ Университетѣ, еще невѣрно; ибо я видѣлъ молодого Тургенева, который не слыхалъ о семъ еще ничего. Велѣно снять трауръ для 21, 22 и 23 чиселъ. Что-жъ касается до пожалованнаго Университету кабинета, то оное правда.

Февраля 19-го дня 1802 года.

*

С.-Петербургъ, 24-го Февраля 1802 года.

Мануція мы еще не видали, да и не знаемъ, гдѣ онъ живетъ, впрочемъ нѣтъ дня, чтобъ не видали кого-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ, которые стараются намъ за одолженія ваши къ нимъ. Имя ваше даетъ намъ вездѣ доступъ, котораго лучше имѣть трудно. Мы въ эту Субботу опять обѣдали у Ивана Алексѣевича, гдѣ видѣли Литке, Петра Ив. Новосильцова, Фрязева, Григорія Павловича Кондоиди, которые свидѣтельствуютъ вамъ всѣ свое почтеніе.

Такъ какъ я прежде недѣли, кажется, не выѣду, то и рѣшился я на сей недѣлѣ говѣть, дабы совсѣмъ отдѣлаться и не имѣть въ Неаполѣ хлопотъ, гдѣ, можетъ быть, и не успѣю оное исполнить, а притомъ сама княгиня говѣетъ, и служба у ней отправляется. Она также была моего мнѣнія. Италія, говорятъ, рай земной; но грѣшныхъ туда вѣрно не пускаютъ.

*

С.-Петербургъ, 27-го Февраля 1802 года.

Князь Николай и князь Никита живутъ съ нами точно какъ съ братьями; мы вмѣстѣ завтракаемъ, прогуливаемся, выѣзжаемъ и пр. Они даютъ намъ всякій разъ свою карету; но мы только одинъ разъ ею пользовались, и то по неотступной ихъ просьбѣ. Я думаю уже писалъ, что мы перешли и живемъ съ ними въ однѣхъ компатахъ; теперь намъ нѣсколько повеселѣе, ибо не такъ часто бываемъ одни. Мы не только избѣгаемъ наскучить князю или княгинѣ, но даже не упускаемъ, кажется, ни единаго случая, въ которомъ можемъ имъ пока-

зать, что чувствуемъ съ благодарностью всѣ ихъ ласки и попеченія. Былъ здѣсь маскарадъ публичный, въ который не хотѣлось намъ ѣхать; но князь насъ принудилъ и прислалъ намъ даже прекрасныя маскарадныя платья. Вы видите, что онъ даже въ самыхъ малостяхъ насъ не забываетъ.

Подполковникъ Витовтовъ сдѣланъ камергеромъ за проектъ, который онъ подалъ Государю объ истребленіи нищихъ и всякаго рода нуждающихся людей. Онъ предлагаетъ учредить комитетъ, который будетъ разсматривать причину нищеты всякаго. Много издерживается денегъ на милостыни, а большая часть оныхъ денегъ даваема бываетъ по большей части бродягамъ, пьяницамъ и праздношатающимся, то онъ и предлагаетъ присылать оныя деньги въ комитетъ, гдѣ они будутъ употреблены съ разсудкомъ и пользою. Всякій внесшій въ комитетъ хотя 25 р. имѣетъ право присылать туда, сколько хочетъ нищихъ съ запискою, и они будутъ приняты и призрѣны. Тѣ, которые раззорились отъ потери процесса, могутъ также туда прибѣгнуть; однимъ словомъ, всякаго рода бѣдные. Вотъ то, что̀ я слышалъ объ этомъ проектѣ, которымъ Государь былъ восхищенъ и приказалъ въ дѣйствіе произвесть. Государь ассигновалъ великую сумму на заведеніе, и императрица вдовствующая также.

Здѣсь дѣлается большая лотерея барона Строганова; она сто́итъ 150.000 рубл., будетъ 150.000 тысячъ билетовъ по рублю каждый; одинъ билетъ выигрываетъ. Графъ Шереметевъ взялъ, говорятъ, 6.000 билетовъ, а князь Александръ Борисовичъ 4.000 билетовъ.

*

С.-Петербургъ, 3-го Марта 1802 года.

Сдѣланъ губернаторомъ во Владиміръ Долгорукій, котораго вы видали у Милашевича, съ большою губою; а Руничъ, Владимірскій губернаторъ, переведенъ въ Вятку.

Мы уже давно съ Пиніемъ рѣшились взять бричку; намъ прибавлено еще 50 и 220 на проѣздъ, и такъ мы получимъ 350 и 200 бумажками, для Россіи (т.-е. до Бреста). А все неизвѣстно еще, когда я ѣду; теперь говорятъ, будто ждутъ для отправленія нашего курьера изъ Парижа, который долженъ скоро сюда быть. Хотя мы и ѣдемъ курьерами, но кажется насъ такъ торопить не станутъ. Пиній хочетъ даже остановиться нѣсколько времени во Флоренціи у своей родни, и ему обѣща́но позволеніе на сіе. Италинскій теперь въ Палермо съ королемъ; вотъ еще причина не спѣшить; мнѣ кажется такъ по крайней

мѣрѣ. Моцениго поѣхалъ министромъ покуда въ Корфу до открытія министерской вакансіи во Флоренціи.

Бѣдный Тиманъ умеръ почти при мнѣ третьяго дня, 1-го Марта, въ 7-мъ часу вечера; онъ говорилъ до послѣдней минуты и далъ Ив.Петр. *) комиссію для каждаго изъ живущихъ въ домѣ порознь. Лѣкарь увѣряетъ, что причиною его смерти былъ элексиръ, который онъ слишкомъ часто принималъ и тѣмъ разгорячалъ чрезмѣрно себя; наконецъ порвалась у него въ груди жила, и кровь задавила его. Княгиня очень опечалена; вы, я думаю уже знаете, что Сер. Ив. Плещеевъ также умеръ въ Монпеліерѣ.

*

С.-Петербургъ, Марта 6-го 1802 года.

Весьма я доволенъ, что назначеніе мое вамъ по сердцу. Я сего, правду сказать, не ожидалъ; ибо княгиня Ал. Ник. мнѣ часто повторяла: «я не знаю, доволенъ ли будетъ Яковъ Ивановичъ; ибо онъ вѣрно желалъ, чтобы вы были при такомъ министрѣ, котораго онъ знаетъ самъ лично». Теперь вы довольны, слѣдственно и я. Совѣты, которые вы мнѣ даете въ вашемъ письмѣ, будутъ всегда и во всѣхъ случаяхъ моими вождями. Графъ Никита Петровичъ Панинъ, по просьбѣ княгини, даетъ мнѣ рекомендательное письмо къ Италинскому, въ которомъ проситъ его дать мнѣ случай трудиться; можно отказать въ просьбѣ быть праздным, но въ этомъ вѣрно нѣтъ.

*

С.-Петербургъ, Марта 8-го дня 1802 года.

Разсудите, какая атенція со стороны князя Александра Борисовича: я не думалъ еще просить письма рекомендательнаго къ Италинскому, а уже онъ самъ приказалъ оное написать. Хотѣли дать одно обоимъ; онъ приказалъ мнѣ именно дать особое и самое лестное; я постараюсь для васъ достать копію, ежели можно. Гр. Кочубей не далъ мнѣ письма, но пишетъ объ насъ въ депешахъ, что мы молодые люди, которые много обѣщаемъ, и что по сю пору кромѣ похвалы ничего объ насъ не слышно. Впрочемъ я не просилъ письма, а Пиній (мой).

*

Воскресенье, 9-го Марта.

Множество мнѣ наговоривъ учтивостей, князь Александръ Борисовичъ простился и поѣхалъ во дворецъ. Брата хотѣли послать въ Мадридъ. Я Боголюбову въ разговорахъ сказалъ, что вы никогда не изъявляли желанія своего, чтобы я былъ или братъ туда посланъ; онъ

*) Тургеневу.

видно пересказалъ сіе князю, и все отмѣнилось. Мнѣ сегодня князь говорилъ: «Братца вашего мы пошлемъ, я думаю, въ Вѣну; Вѣнская миссія не такъ многолюдна, какъ вы думаете, и всѣ говорятъ, что весьма бы было желательно, чтобы опредѣлили туда человѣка, знающаго Русскій языкъ; тамъ два Нѣмца и одинъ только Русскій, вотъ и все посольство. Волынскій принужденъ и сочинять, и переписывать.»

Былъ я у князя Багратіона (воина), который также меня обласкалъ. Онъ далъ мнѣ письмо къ князю Павлу Гавриловичу Гагарину, нашему министру при Сардинскомъ королѣ, который живетъ въ Неаполѣ, а жена его дала мнѣ письмо къ бабушкѣ своей: la comtesse douairière de Skavronsky, née baronne Stroganoff, dame d'honneur et chevalier St. Catherine, которая по письму сему меня обласкаетъ. Впрочемъ, Багратіонъ съ женою отпущенъ Государемъ въ Италію, ѣдетъ туда по первому хорошему пути и поселится въ Неаполѣ, гдѣ просилъ меня быть у него всякій день.

Италинскій былъ учителемъ графа Панина и графа Кочубея.

*

С.-Петербургъ, Марта 12-го 1802 года.

Я здѣсь купилъ портретъ, весьма похожій Государя, хотя и не хорошо писаный. Пріѣхавши въ Италію, велю оный хорошенько списать, сдѣлаю рамку хорошую и подарю Италинскому, который вѣрно будетъ доволенъ симъ драгоцѣннымъ подаркомъ. Я думаю, что тамъ еще нѣтъ портретовъ, развѣ гравюры, и то дѣлано по тѣмъ, можетъ быть, которыя въ календаряхъ. Я увѣренъ, что онъ будетъ доволенъ моею атенціею, когда скажу, что нарочно для него привезъ.

Государь велѣлъ объявить всѣмъ тѣмъ штабъ-офицерамъ, которые числятся по арміи, что ихъ не будутъ производить, покуда не войдутъ въ какое-либо дѣйствительное отправленіе службы. Нашъ князь Николай *) идетъ то въ гусары, то въ кирасиры, то въ драгуны, то хочетъ идти въ Московскіе полки, то въ Вильну. Графъ Н. П. Шереметевъ очень опасно боленъ; у него былъ на спинѣ нарывъ, который срѣзали, теперь прикинулся антоновъ огонь. Въ Парижѣ убитъ на дуели какой-то Кнорингъ молодой. Вы читали, что было написано въ Courrier de Londres о Марковѣ; ежели правда, то жалокъ онъ весьма. Здѣсь сказали было опять, что Криденеръ ѣдетъ на его мѣсто. Убрій Виленскій переведенъ изъ Берлина въ Парижъ на мѣсто другого его брата, который взятъ въ канцелярію къ Кочубею.

*

*) Т. е. князь Н. Г. Репнинъ, будущій вице-король Саксонскій.

13-го Марта.

Я ни сегодня, ни завтра не поѣду, ибо сейчасъ пріѣхалъ Австрійскій курьеръ, который насъ задержитъ, и съ нами будутъ отвѣчать на его депеши. Князя Гаврил. Петров. Гагарина дочь ушла недавно, и она наконецъ нашлась у какого-то Сикунова, служащаго въ капитулѣ Мальтійскомъ, въ котораго она влюбилась; отецъ, говорятъ, ее простилъ и позволилъ ей за него замужъ выйти.

*

С.-Петербургъ, Марта 15-го дня 1802 года.

Поздравляю васъ съ исполненіемъ одного изъ вашихъ желаній, т.-е. съ продажею Крымской деревни. Мнѣ кажется теперь, что никому бы не было столь прилично имѣть шесть лошадей, какъ господину Шостаку[1]). Слухъ о Габлицѣ долженъ быть неоснователенъ, ибо никакъ объ ономъ не говорятъ. Сегодня у Ивана Алексѣевича была за столомъ рѣчь о Крымѣ и о вашей деревнѣ, которую весьма расхваливали Сергѣй Лавр. Львовъ и Ив. Ив. Кушелевъ, бывшіе сами тамъ на мѣстѣ. Обѣдали еще тамъ княгиня, княжны Дар. и Софія[2]), князь Юсуповъ, Завадовскій, Самойловъ, Трощинскій, Львовъ, Литке, Панкратьевъ, которые почти всѣ свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе. Самойловъ поймалъ меня на лѣстницѣ и спрашивалъ меня, гдѣ служу, на какомъ основаніи ѣду, на долго ли? Спрашивалъ, не думаете ли вы сюда переѣхать, и велѣлъ вамъ кланяться. Дмитр. Прокофьевичу [3]) сдѣлалось вдругъ такъ дурно, что онъ принужденъ былъ встать изъ стола и уѣхать; не знаю, какія сіе имѣло слѣдствія. Весьма радуюсь, что богатство Анны Николаевны Исаевой перешло въ руки добродѣтельнаго человѣка, какъ Иванъ Волод. [4]), который сдѣлаетъ хорошее изъ него употребленіе.

Говорятъ, что Кочубей ѣдетъ на время въ Парижъ на мѣсто Маркова. Графу Шереметеву вырѣзали изъ спины фунтъ мяса; совсѣмъ тѣмъ антоновъ огонь опять прикипулся, и онъ въ большой опасности. У меня былъ Андрей Тургеневъ, который мнѣ сказывалъ, что отцу его дана большая св. Анны, но это секретъ; ибо знаковъ онъ еще не получилъ, то и не можетъ называться кавалеромъ, и вамъ объявляю сіе какъ тайну, о которой вы получите обстоятельное и вѣрное извѣстіе съ слѣдующею почтою отъ брата, а можетъ быть и отъ меня. Вы

[1]) Купившему Крымское имѣніе Булгакова.
[2]) Волконскія, внучки князя Н. В. Репнина.
[3]) Трощинскому.
[4]) Лопухина.

уже знаете, я думаю, что вдовствующая императрица пожаловала ему перстень *).

У насъ будетъ конечно реформа въ Коллегіи. Вчера было собраніе всѣхъ членовъ въ Коллегіи, и князю подали коллежскій списокъ, съ означеніемъ, что̀ всякій дѣлаетъ? Намъ, кажется, нечего бояться; о насъ и службѣ нашей, кажется, извѣстно. Думая о Пушкиныхъ, вспомнилъ я объ ихъ лѣкарѣ, который къ намъ ходилъ и лѣчилъ Клима въ Москвѣ; не знаю, дали ли вы ему что нибудь, можетъ быть забыли, а онъ не просилъ ничего вѣроятно для того, чтобъ быть опять призвану въ случаѣ надобности въ немъ. Дай Богъ всему дому обойтись безъ его искусства. Князь Алексѣй Ивановичъ Голицынъ здѣсь очутился и гуляетъ часто по набережной; но мы, слава Богу, нигдѣ не столкнулись, ибо замучилъ бы стихами и визитами.

Теперь 9 часовъ вечера, и я сіи строки пишу въ канцеляріи Кочубея; сейчасъ иду къ нему проститься и сажусь въ бричку. Прощайте, батюшка; обнимаю васъ со слезами и прошу меня любить также въ Неаполѣ.

Теперь выхожу отъ графа; дано мнѣ семь пакетовъ, къ Разумовскому, Италинскому и Бороздину въ Неаполѣ.

*

Брестъ Литовскій, Марта 27-го 1802 г.

Меня въ Литвѣ такъ нагружали хлѣбами, конфектами, пирогами, виномъ и пр. на дорогу, что я принужденъ былъ, наконецъ, отречься отъ столь любезнаго и драгоцѣннаго мнѣ родства и не называться вашимъ сыномъ тѣмъ, которые меня лично не знали, а называлъ себя совсѣмъ другой фамиліи, и тогда потчивали меня, яко молодого человѣка, совѣтомъ слѣдовать вамъ во всемъ и походить на васъ. Что до сего касается, то я хватился за сіе прежде ихъ совѣта, и молю Бога успѣть въ своемъ стараніи. Какъ я ни спѣшу, но рѣшился, какъ для здоровья и покоя своего, такъ и дабы увѣдомить васъ о новомъ своемъ образѣ жизни, здѣсь хотя нѣсколько часовъ поспать хорошенько и отдохнуть наѣвшись и напившись. Я съ Вильны ничего горячаго во рту не имѣлъ, и горло охрипло отъ пыли.

*

*) Конечно въ память своего супруга, находившагося нѣкогда въ сношеніяхъ съ Московскими Мартинистами, къ числу которыхъ принадлежалъ И. П. Тургеневъ.

Вѣна, Апрѣля 2 (14) 1802 г.

Наконецъ я достигъ желаннаго города Вѣны. Графъ Андрей Кирилловичъ весьма хорошо меня принялъ и позвалъ къ себѣ обѣдать; изъ его канцеляріи я теперь къ вамъ пишу. Чрезвычайно я усталъ, давно такъ хорошо не обѣдалъ, и мысль, что можно будетъ всю эту ночь проспать, чрезвычайно меня веселитъ.

Графъ говоритъ, что намъ надобно будетъ здѣсь нѣсколько промѣшкать, чего я весьма желаю какъ для своего покоя, такъ и чтобъ посмотрѣть городъ, который и по сю пору не предпочитаю Петербургу. Сталъ я здѣсь у Золотого Быка; многіе у графа хотѣли дѣлить со мною свою комнату, но я не могъ оставить своего товарища одного.

*

Вѣна, Апрѣля 5 (17) 1802 г.

Графъ Андрей Кирилловичъ насъ сегодня ввечеру отправляетъ, а завтра Свѣтло Христово Воскресенье; придется намъ, видно, праздновать оное на дорогѣ съ господами почтмейстерами. Польскій и Нѣмецкій языки великой были мнѣ пользы въ дорогѣ и избавили отъ большихъ обмановъ. Первый изъ сихъ языковъ можно употреблять до самой почти Вѣны; не знаю, отъ чего сіе происходитъ. Я весьма многимъ обязанъ здѣсь г-ну Рибопьеру, камергеру, молодому человѣку весьма благовоспитанному и любезному, причисленному также къ здѣшней миссіи. Онъ меня ввелъ во многіе дома, давалъ свою карету, верховыхъ лошадей, ходилъ и ѣздилъ со мною, показывалъ нѣкоторыя достопамятности города; онъ будетъ весьма полезенъ для брата (котораго я ему рекомендовалъ), ибо у посла самого и въ городѣ вообще знаемъ съ весьма хорошей стороны и очень любимъ. Жаль, что онъ очень стѣсненъ и самъ живетъ у племянника посла, камеръ-юнкера Васильчикова, сына Анны Кирилловны, а то бы вѣрно раздѣлилъ свое жилище съ братомъ. Волынскій готовъ ужъ въ воду идти за будущаго своего товарища; все сіе суть слѣдствія оказанныхъ ему вами благодѣяній, которыя онъ всегда помнитъ и чувствуетъ и достоинъ за то похвалы.

Правитель канцеляріи г-нъ Аншетъ, человѣкъ веселый и любезный, довольно молодой, обходится со всѣми безъ церемоніи и отъ другихъ равнаго требуетъ обхожденія. Со временемъ братъ можетъ и долженъ занять Волынскаго мѣсто, ежели сему дадутъ другое мѣсто; ибо невѣроятно, чтобы онъ службу оставилъ, по крайней мѣрѣ такъ скоро, имѣя въ жалованьѣ одномъ свое пропитаніе, а получаетъ онъ хо-

рошія денежки: 800 съ курсомъ. Здѣсь это 2000, а у васъ болѣе 3000, судя по здѣшней дешевизнѣ.

Къ намъ въ миссію опредѣленъ еще сверхъ штата статскій совѣтникъ Левоптьевъ, коего жена родная сестра Пестелевой жены; онъ поѣхалъ вчера въ Неаполь. Я успѣлъ съ нимъ познакомиться; его хвалятъ; онъ молодой еще человѣкъ.

*

Римъ, Апрѣля 17 (29) 1802 г.

Княгиню Лобанову[1]) долженъ я былъ три раза видѣть, но все не встрѣчалъ или, можетъ быть, ночью попадалась. Вотъ что я здѣсь о ней слышу. Поѣхала она чрезъ Флоренцію смотрѣть каскады di Terni, оттоль будетъ сюда на два мѣсяца, а потомъ поѣдетъ опять въ Неаполь на житье. Лубяновскій, который съ нею вездѣ, проводивъ ее въ Неаполь, поѣдетъ за Муравьевою и проводитъ се до Мадрита, гдѣ мужъ ея[2]) посланникомъ и опять воротится въ Неаполь. Ежели есть здѣсь что̀ хулы достойнаго, то это суть нищіе, отъ которыхъ нѣтъ покоя и что̀ всего смѣшнѣе, что они сами изволятъ назначать, сколько имъ давать должно, и ежели дать безногому копейку, то онъ отвѣчаетъ: такъ мало бѣдному безногому не дается.

Вчера назначенъ monsignore di Arrezzo, епископъ, посломъ папскимъ въ Петербургъ, и онъ скоро отправится. Онъ былъ сперва губернаторомъ въ Perrugio и большой баринъ. Я не знаю, бывали ли пунціи въ Петербургѣ? Генералъ Бороздинъ съ находящимся въ Италіи Россійскимъ войскомъ отправляется, говорятъ, въ Россію обратно, и я спѣшу его застать, ибо имѣю депеши къ нему; послѣ завтра я въ Неаполѣ, поутру отдамъ что̀ имѣю и послѣ обѣда ѣду въ Палермо.

Всѣ единогласно мнѣ обѣщаютъ рай земной возлѣ Италинскаго; онъ генерально всѣми хвалимъ, почитаемъ и любимъ, занимается своими подчиненными какъ своими дѣтьми, особливо, когда видитъ охоту трудиться.

*

Неаполь, 4 Мая (22 Апрѣля) 1802 года.

Воскресенье, Апрѣля 20-го, былъ тотъ счастливый день, въ который я прибылъ наконецъ въ желанный городъ Неаполь. Все то, что̀ я ни претерпѣлъ въ дорогѣ, слишкомъ вознаграждено хорошимъ пріемомъ господина Италинскаго, котораго я здѣсь нашелъ противу всякаго чаянія. Пріѣхавши въ городъ, тотчасъ спросилъ: гдѣ онъ? Не

[1]) Супругу князя Якова Ивановича.

[2]) Иванъ Матвѣевичъ, отецъ Декабристовъ.

было его дома, а былъ онъ у старой графини Скавронской, матери бывшаго здѣсь нѣкогда министромъ Скавронскаго. У нея отдалъ я Италинскому депеши, равно и Бороздину, и письмо графинѣ отъ ея родныхъ. Послѣ былъ я у Гагарина, который, какъ вы знаете, посломъ нашимъ при Сардинскомъ королѣ; очень меня обласкалъ, предложилъ мнѣ ужинъ и комнату, думая, видно, что я на малое время въ Неаполь пріѣхалъ. Отъ него возвратился я къ Италинскому, который уже былъ ома, дабы вручить ему двѣ посылки, которыя были въ моемъ чемоданѣ, будучи слишкомъ велики, чтобъ вмѣститься въ сумкѣ. Я нашелъ его ходящимъ по всему своему дому и выбирающимъ мнѣ лучшую въ немъ комнату. Я не могъ слишкомъ его возблагодарить за попеченіе, которое не успѣлъ еще даже и заслужить; но онъ еще милостивѣе отвѣчалъ, говоря, что его собственная выгода въ томъ—имѣть близко своего секретаря и что я сіе за одолженіе считать не долженъ, но что со временемъ увижу, сколько онъ мнѣ подлинно желаетъ добра. Мнѣ не осталось болѣе ничего дѣлать, какъ чувствовать и молчать. Я надѣюсь, что сдѣлаюсь достойнымъ такого рѣдкаго начальника. Я имѣю комнату, которая почти смежна съ его кабинетомъ, весьма хорошо убрана и снабжена всѣмъ нужнымъ. Сверхъ того есть другая малая комнатка для поклажи; но какъ она также чиста, хотя не прибрана, то хочется мнѣ сдѣлать изъ нея спальню, а въ другой — принимать, писать и пр. Я пріѣхалъ въ 9 часовъ вечера. На другой день министръ дома не обѣдалъ; управитель пришелъ спросить: прикажу ли готовить себѣ столъ? И между тѣмъ другой человѣкъ князя Гагарина пришелъ звать меня къ князю обѣдать, къ которому я и поѣхалъ обѣдать, поблагодаря метердотеля, конечно Италинскимъ ко мнѣ посланнаго. Другіе два дня, то есть вчера и сегодня, обѣдалъ я съ министромъ дома наединѣ и много очень съ нимъ говорилъ, много получилъ совѣтовъ и наставленій.

И такъ, вы можете быть совершенно покойны во всемъ томъ, что только до меня касается, начиная отъ важнаго до самыхъ бездѣлицъ, въ которыя господинъ Италинскій самъ входитъ. Завтра станетъ меня учить шифровать, а на сихъ дняхъ сдана мнѣ будетъ канцелярія и всѣ дѣла, ибо г-нъ Свѣчинъ (вторая особа послѣ министра) въ Палермѣ и довольно долго тамъ пробудетъ: поѣхалъ жениться.

Имѣлъ я также пакетъ изъ Вѣны отъ королевы Неаполитанской къ здѣшнему первому министру генералу Актону, который самъ своеручно вручилъ. Какъ графъ Андрей Кириловичъ *) очень мнѣ рекомен-

*) Разумовскій, нѣкогда посланникъ въ Неаполѣ и близкій человѣкъ къ Неаполитанской королевѣ Каролинѣ.

довалъ въ точности доставить, то я, дабы успокоить его, пишу къ нему и увѣдомляю его о исправномъ исполненіи его приказанія.

Здѣсь городъ очень великъ, на прекрасномъ мѣстѣ, наполненъ прекрасными видами, но очень нечистъ, ибо очень населенъ. Все дѣлается на улицѣ: мясники рѣжутъ скотину, сапожники дѣлаютъ сапоги, башмаки, портные — платья и пр., всякій свое, и послѣ всякаго остаются патурально обрѣзки, обломки и тому подобное, что̀ прибираемо не бываетъ. Нашъ домъ на самомъ морѣ. На лѣвой сторонѣ Везувій, прямо почти островъ Капри, направо прекрасная прогулка, которой имя не знаю. Можно сидѣть цѣлый день на балконѣ, не наскучитъ: то кареты, то люди, то корабли, безпрестанно что нибудь проходитъ или проѣзжаетъ.

Генералъ Бороздинъ съ войскомъ выступаетъ, но не такъ скоро еще. Сегодня буду ужинать у графини Скавронской, которая говоритъ, что много васъ знаетъ. Вообще я примѣчаю, что вы чрезвычайно здѣсь извѣстны, и всѣ меня спрашиваютъ: не родня ли я тому Булгакову, который былъ въ Цареградѣ министромъ?

*

Неаполь, Мая 6 (18) 1802 года.

Послѣ захожденія солнца здѣсь очень вредно ходить, и я, идучи довольно поздно отъ князя Гагарина домой, вѣрно простудился; но теперь буду осторожнѣе. У князя и у графини Скавронской, вотъ гдѣ я всегда бываю; ибо въ Неаполитанскихъ домахъ, кромѣ карточной игры, ничего не найдешь; въ прочіе вечера хожу въ театръ, въ ложу князеву. Здѣсь шесть театровъ, на которыхъ порознь или иной разъ и вмѣстѣ играютъ шесть Итальянскихъ труппъ. Здѣшній теноръ Monbelli славится во всей Италіи; пѣвицы хороши, но не чрезвычайны. Музыка часто, вмѣсто того, чтобы увеселять, заставляетъ меня думать о любезномъ отечествѣ, отъ котораго я такъ далеко, и мнѣ въ театрѣ часто случается плакать, вспоминая драгоцѣнное то время, которое дѣлилъ съ вами и съ прочими родными и друзьями. Воля ваша была меня послать сюда. А какъ все, что̀ вы дѣлаете для меня, клонится къ моему благополучію, то я не жалуюсь и не ропщу; но ожидаю ту минуту, въ которую буду въ вашихъ объятіяхъ, съ покорностію и терпѣніемъ, молю Бога ускорить сіе благополучіе и предстать предъ васъ достойнымъ того попеченія и любви, которыхъ имѣю столь безчисленныя доказательства. Я не смѣю веселиться обѣщаніемъ вашимъ быть въ Италію; вы вѣрно оное написали только, дабы утѣшить меня и придать бодрости сносить разлуку. Но чего не въ состояніи сдѣлать

доброе ваше сердце? Съ какимъ восхищеніемъ брошусь къ вамъ на шею! Мнѣ теперь кажется, что болѣе двухъ лѣтъ васъ не видалъ.

Всѣ удивляются, что я такъ скоро (23 дня) сюда пріѣхалъ, ибо почта ходитъ въ полтора мѣсяца. Сегодня король прислалъ генералу Бороздину, который ѣдетъ скоро, я думаю, въ Петербургъ, прекрасную табакерку съ своимъ портретомъ, алмазами осыпанную. Вчера была буря и сильный вѣтеръ съ моря, которымъ покрыло весь берегъ противъ нашего дому устрицами и раковинами. Жаль, что нѣтъ Щербатова князя Ал. Ал., а то бы онъ могъ обогатить свой кабинетъ безъ денегъ раковинами всѣхъ цвѣтовъ и за которыя въ Петербургѣ не хотѣли взять менѣе 10,000 р. Мы ходили послѣ бури съ княземъ Гагариномъ и много нашли хорошаго, между прочимъ кусокъ довольно большой и красивой de verre antique. Четвертаго дня ѣздилъ я съ княземъ, княгинею и многими другими Русскими въ Казерту, загородный домъ короля съ превеликолѣпнымъ дворцомъ, садомъ и каскадами; видѣли тамъ славный акедюкъ, шелковую фабрику и пр. достопамятности. Вчера былъ я въ славной Позилипской гротѣ; это ничто иное, какъ большая гора, въ которой просѣчена внутрь дорога, хорошо вымощенная и обнесенная страшными сводами; въ серединѣ дороги есть отверстіе вверху для свѣта; но со всѣмъ тѣмъ весьма темно и ужасно ѣхать. Нѣтъ дня, чтобъ я не видалъ что либо примѣчательнаго и удивительнаго. Ежели вамъ оное не наскучитъ, то стану давать отчетъ во всемъ томъ, что̀ вижу. Всякой день обѣдаю я дома; столъ у министра такъ хорошъ, что я не могу вамъ онаго изобразить; однимъ словомъ, нашъ славный Nakel могъ бы быть у нашего повара подмастерьемъ. Теперь призывалъ меня къ себѣ министръ, спросилъ: сколько мнѣ отъ васъ назначено и вычислялъ самъ со мною всѣ расходы, и пашлось по его мнѣнію, что я довольно хорошо могу жить своимъ доходомъ со всѣми выгодами, кромѣ экипажа. Повторилъ всѣ ваши совѣты— ограничивать расходы свои по доходамъ и не входить въ долги и пр., увѣрилъ меня еще въ своемъ благорасположеніи; много очень говорилъ къ вашей похвалѣ и изъявлялъ желаніе свое быть вамъ полезнымъ, въ чемъ можетъ. «Я знаю, говорилъ онъ, вашего батюшку только по репутаціи, но слышалъ, сколько много сдѣлалъ добра и сколько имѣлъ неблагодарныхъ, и мнѣ пріятно имѣть при себѣ сына такого человѣка, какъ батюшка вашъ.» Не думайте, чтобы сіи слова были что̀ называется compliмens de coutume, ибо онъ не любитъ много говорить; но что̀ скажетъ, то подлинно отъ сердца идетъ.

*

Неаполь, 1 Мая (19 Апрѣля) 1802.

На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ Лубяновскаго изъ Флоренціи отъ 10-го Мая, въ которомъ увѣдомляетъ меня о скоромъ своемъ отъѣздѣ въ Россію и предлагаетъ мнѣ писать, ежели хочу. Нельзя мнѣ было сдѣлать пріятнѣйшаго предложенія; ибо кромѣ того что почта такъ долго ходитъ, часто пропадаютъ письма, что̀ весьма непріятно. Я обрадованъ былъ вчера двумя письмами отъ брата; одно получилъ по почтѣ, а другое посредствомъ флотскаго курьера, посланнаго мѣсяца за два въ Петербургъ и вчера сюда обратно возвратившагося.

Работы я имѣю очень много теперь, будучи совсѣмъ одинъ, и все то, что̀ мнѣ дается на цѣлый день, кончаю всегда въ нѣсколько часовъ или какъ можно скорѣе и лучше, и министръ мнѣ уже не одинъ разъ объявлялъ, сколько онъ доволенъ исправностію и скоростію моей работы. Вчера онъ мнѣ сказалъ: «Я дѣйствительно хочу обременить васъ всею работою по внѣшней перепискѣ, а г-нъ Пини, зная хорошо конечно Итальянскій языкъ, будетъ вѣдаться съ здѣшнимъ дворомъ.» Пріѣздъ сюда ѣдущаго въ Корфу по особенному препорученію графа Моцениги, отбытіе туда же части нашего войска, а другой въ Россію, скорый пріѣздъ, какъ говорятъ, короля въ Неаполь изъ Палермы, отбытіе его Сардинскаго величества въ Римъ, по мнѣнію иныхъ, на всегда, а другихъ—на время, все сіе стеченіе разныхъ обстоятельствъ даетъ много намъ дѣла. Надобно думать, что король Сардинскій воротится сюда, ибо въ Римѣ съ нѣкотораго времени господствуетъ заразительная болѣзнь. Жаль весьма мнѣ будетъ, ежели князю Гагарину должно будетъ слѣдовать за королемъ въ Римъ: я потеряю пріятнѣйшій для меня домъ и общество; ибо Русскіе здѣсь рѣдки, какъ красные дни у насъ, а особливо когда войска отбудутъ. Дружественное обхожденіе князя, безчисленныя его ласки заставляютъ меня просить васъ, батюшка, написать къ нему благодарность; адресуйте только ко мнѣ, я ему его доставлю. Къ Италинскому вы безъ того писать хотѣли. Письма ко мнѣ впередъ адресуйте на имя Андрея Яковлевича, вѣрнѣе будутъ доходить. Не забывайте впрочемъ пространныхъ моихъ титуловъ въ адресахъ; письма къ Русскимъ здѣсь въ Италіи весьма сберегаемы бываютъ, особливо когда чиновный человѣкъ на адресѣ. Сіе покажется вамъ шуткою, но въ самомъ дѣлѣ справедливо. На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда нашъ ст. сов. Леонтьевъ, человѣкъ молодой, добрый, женатый, опредѣленный въ нашу миссію сверхъ штата, хотя и съ жалованьемъ 1500 р.

Здѣсь теперь нашъ посолъ въ Швеціи Будбергъ, который у меня объ васъ спрашивалъ. Съ нимъ г-нъ Бурке, Датскій посолъ при Гишпанскомъ дворѣ. Сей послѣдній (кавалеръ Бѣлаго Орла) говорилъ мнѣ, что весьма былъ знакомъ съ вами въ Варшавѣ, и свидѣтельствуетъ вамъ почтеніе. Здѣсь также графъ Иванъ Кириловичъ Разумовскій, но въ весьма жалкомъ состояніи со стороны здоровья: онъ боленъ чахоткою. Моя маленькая лихорадка вытянула меня еще, говорятъ. Я знаю только то, что имѣю послѣ нея страшный аппетитъ. На сихъ дняхъ ѣздили съ княземъ и всею нашею Русской шайкою въ противолежащій островъ Капри, гдѣ провели ночь. Видъ изъ него безподобный: весь Неаполь виденъ во всемъ своемъ пространствѣ; видѣли тамъ еще древній дворецъ Тибера на горѣ, мѣсто, съ котораго кидали людей въ море и пр.

*

Неаполь, 27 Мая (8 Іюня) 1802 года.

Сосѣдство Царьграда съ Италіей сдѣлало васъ здѣсь весьма извѣстными, и даже во мнѣ имя ваше почитается; я обязанъ сохранить его достоинство. Я былъ бы падмененъ, ежели бы желалъ пріобрѣсти себѣ славу вездѣ; но зачѣмъ не заставить хорошо говорить о себѣ въ Неаполѣ? Это не свыше моихъ силъ, и я дѣлаю все, что̀ отъ меня зависитъ, чтобы достигнуть своей цѣли. Кто приходитъ ко мнѣ съ просьбою, тотчасъ бываетъ удовлетворенъ; ибо сто́итъ только доложить министру, ежели просьба справедлива, то все дѣло тотчасъ кончится. Намедни былъ у меня бѣдный Піемонтскій офицеръ, просилъ ходатайства Андрея Яковлевича по его дѣлу и рекомендательнаго письма къ министру королевскому въ Палермѣ. Я выпросилъ сіе письмо, на другой день съ маленькимъ комплиментомъ ему вручилъ, а онъ теперь благовѣститъ по Неаполю мою похвалу и рекомендуетъ всѣмъ: il nuovo segretario dell' ambasciata Moscovita, яко совершеннѣйшаго изъ смертныхъ. Мы теперь вотъ на какой ногѣ: при покойной императрицѣ были, какъ вы знаете, вездѣ совѣтники и секретари посольствъ государь Павелъ I-й истребилъ оныхъ совѣтниковъ (кромѣ Парижа, Лондона, Вѣны и не помню еще гдѣ), и такъ они, потерявъ свои названія совѣтниковъ, берутъ названія или хотятъ по старшинству называться секретарями посольствъ. Мы оными не подписываемся, но, отправляя ихъ должность, всѣ секретарями называемы бываемъ. Вы видите изъ сего, что не весьма пріятно быть совѣтникомъ посольства, кромѣ нѣкоторыхъ дворовъ. Въ этомъ казусѣ у насъ г. Свѣчинъ, который изъ Палермы еще не бывалъ.

Изъ нашего балкона прекрасный видъ: въ маломъ разстояніи на лѣвой рукѣ Везувій, но не въ такомъ видѣ, какъ у васъ въ голубой гостиной. Здѣсь, однакожъ, предсказываютъ въ семъ году или въ будущемъ страшное изверженіе, ибо Везувій съ нѣкотораго времени не дымится, и утверждаютъ, что сіи пары или дымъ сѣрный, накопившись въ большомъ количествѣ въ нѣдрѣ горы, загорится и произведетъ извѣстный фейерверкъ, котораго бы я весьма былъ любопытенъ видѣть.

Отгадайте, кто былъ у меня вчера? Г-нъ James, Англичанинъ, котораго вы знали въ Царьградѣ; весьма мнѣ обрадовался, много объ васъ спрашивалъ, говоритъ, что одно его желаніе есть видѣть васъ прежде своей смерти; очень состарѣлся, но здоровъ; кажется, поселился здѣсь навсегда.

Въ концѣ сего мѣсяца ожидаютъ сюда короля и большія дѣлаютъ пріуготовленія для принятія его: разныя будутъ веселости. Андрей Яковлевичъ сказалъ мнѣ, что буду имъ представленъ его величеству. Вчера весь городъ очистился отъ нищихъ, которые всѣ взяты и отданы въ домы особенные, гдѣ будутъ призрѣны; бо́льшая часть будетъ употреблена на работу, ибо много между ними трезвыхъ и здоровыхъ людей, отъ одной лѣни просящихъ милостыню.

Здѣсь говорятъ за вѣрное вотъ что̀: Бонапарте принялъ на себя званіе Consul Héréditaire, но со всѣмъ тѣмъ предоставляетъ себѣ право выбирать наслѣдника. Учреждается знакъ отличія оказавшимъ заслуги отечеству. Говорятъ, что мало имѣется противниковъ новому сему уложенію, которое весьма бы было желательно.

Пишутъ изъ Парижа, что Демидова жена безъ надежды больна. Самъ Николай Никитичъ тамъ же. Пишутъ изъ Варшавы, что князь Зубовъ, который теперь въ Варшавѣ, вызванъ гр. Гелгутомъ на поединокъ за старыя обиды. Prince de Saxe, бывшій, говорятъ, въ Россіи, также ждетъ отъ него въ Вѣнѣ сатисфакцію. Здѣсь за точную вѣсть говорятъ, что Сардинскій король (который теперь въ Римѣ), въ будущее Воскресенье отрекается отъ короны, дабы посвятить себя монашеской жизни, и передаетъ право престола брату своему, дюку d'Auste, здѣсь теперь находящемуся. Я не помню имени монастыря, выбраннаго его величествомъ, но кажется, что S-t Castello въ Римѣ.

*

Неаполь, Іюня 15 дня 1802 года н. ст.

Короля ожидаютъ въ концѣ сего мѣсяца; пріуготовленія, которыя дѣлаютъ для его пріема, какъ-то храмы, ворота, иллюминаціи и пр., будутъ стоить до 300.000 здѣшнихъ дукатовъ, т.-е. почти 100.000 ч. Новый Сардинскій король третьяго дня поѣхалъ въ Римъ со всею семьей, гдѣ, говорятъ, поселится, ибо этикетъ не позволяетъ быть въ одномъ городѣ двумъ королямъ. Жалѣю, что не успѣлъ я быть ему представленъ княземъ; но видалъ его величество почти всякой день или на гуляньѣ, или на балконѣ, ибо князь жилъ надъ нимъ, во второмъ этажѣ, а король въ первомъ. Наши войска, морскія и сухопутныя, какъ въ Корфу, такъ и въ Россію, еще не отбыли; на сихъ дняхъ на фрегатѣ большой прощальный обѣдъ, который даетъ командиръ эскадры, Александръ Андреевичъ Сорокинъ; онъ говоритъ, что зналъ меня маленькаго въ Царьградѣ. Сегодня полѣземъ на Везувій; я беру съ собою бумагу, перо и чернила, дабы вамъ писать оттуда. До половины нельзя бы было дойти ради страшной жары; но мы начнемъ путешествіе въ полночь, тѣмъ болѣе, что теперь мѣсячное время; увидимъ съ горы восхожденіе солнца и воротимся прежде полдня домой.

*

Неаполь, Іюня 22 дня 1802 н. ст.

Вамъ очень не хочется, чтобъ я ѣхалъ въ Палерму, и мнѣ отъ усталости не весьма хотѣлось туда ѣхать, со всѣмъ любопытствомъ видѣть Сицилію, столь исполненную древностями. Но, слава Богу, все устроилось по желанію нашему. Министръ только-что почти успѣлъ пріѣхать въ Неаполь, какъ и я тутъ же явился. Не могу сказать, чтобы я въ дорогѣ чрезвычайно претерпѣлъ, по крайней мѣрѣ не столько, сколько ожидалъ; но были почи, которыя насилу могъ перенесть, особливо когда шелъ сырой дождь, отъ котораго не могъ защититься, будучи въ открытой повозкѣ. На всякой почтѣ должно было самимъ перекладывать чемоданы и пр., что̀ не очень пріятно, признаться. Слава Богу, что я здоровъ, крѣпкаго сложенія и не имѣю слабую грудь, которая бы вѣрно претерпѣла отъ сумки, полно набитой и тяжелой; сверхъ сумки имѣлъ я еще связочку, въ которую положилъ всѣ прочія большія письма и пакеты; между прочимъ, пакетъ изъ Вѣны, отъ королевы Неаполитанской къ королю; мнѣ было очень рекомендовано гр. Разумовскимъ вѣрно сіе доставить; такъ что, боясь потерять что-нибудь, имѣлъ я всю дорогу сію связку въ рукахъ. Очень тревожила меня всегда мысль, чтобы не пропало что-нибудь, и сія мысль, ежели не портила, то, по крайней мѣрѣ, уменьшала удовольствіе, которое бы доставляла мнѣ дорога по прекрасной Италіи.

Братъ, наконецъ, помѣщенъ также. Больно мнѣ очень видѣть себя счастливѣе его; но имѣю утѣшеніе думать, что не отъ меня зависѣло дать ему лучшее мѣсто. Но что дѣлать? Ежели онъ такъ меня любитъ, какъ я его, то будетъ почитать мое счастіе своимъ собственнымъ. Въ моемъ положеніи нельзя быть довольнѣе, какъ я теперь: въ хорошей школѣ, любимъ министромъ, у него въ домѣ живу, вижу отъ него ласки. Сегодня онъ мнѣ сказалъ: мнѣ очень пріятно видѣть, что вы не мѣшаетесь въ число молодыхъ франтовъ, которые не носятъ ни пудры, ни пучковъ, и думаютъ все сіе замѣнить большими бакенбардами. Пиши хорошій малый, но по несчастію такъ одѣвается; а часто бездѣлицы самыя дѣлаютъ нѣкоторое вліяніе на мнѣніе о человѣкѣ. Я очень радъ, что въ Москвѣ не послѣдовалъ толпѣ угодниковъ моды. Пригодилось!

Кассини пишетъ изъ Рима, что графъ Иванъ Кирилловичъ Разумовскій, который весьма больной, отсюда туда поѣхалъ, тамъ умеръ; здѣсь бы прожилъ онъ мѣсяцъ или два болѣе: усталость отъ дороги, при весьма худомъ состояніи здоровья, ускорила смерть его. Я боюсь, чтобы множество иностранцевъ, его окружающихъ, не ограбили его имущества.

15-го сего мѣсяца были мы съ княземъ Гагаринымъ и пр. на Везувіи. Два часа мы на него карабкались, тамъ завтракали; я написалъ тамъ нѣсколько писемъ; не могу ихъ приложить, ибо сіе письмо не должно быть толсто, потому что вложится въ чужой пакетъ; съ будущею почтой пришлю. Назадъ сошли мы въ 26 минутъ. Зола, которая оттуда катится, насъ съ собою понесла. Я выбралъ лучшій кусокъ лавы, который могъ найти, дабы сдѣлать вамъ табакерку. Что удивительно, что княгиня взошла на самый верхъ; я имѣлъ удовольствіе ее туда вести. И когда всѣ ѣхали на ослахъ, я шелъ пѣшкомъ, въ угодность князю, возлѣ нея и держалъ, дабы не упала; слѣдственно двойной имѣлъ трудъ. Желалъ бы чаще имѣть случай изъявлять князю, сколь цѣню его ласки.

*

Неаполь, 1 (12) Іюля 1802 года.

Я шифровалъ въ первый разъ депешу. Отправленія къ князю Куракину и графу Кочубею стараюсь писать какъ можно почище; кромѣ того, что нечеткія руки должны быть непріятны для тѣхъ, которые имѣютъ множество бумагъ къ чтенію всякой день и слѣдственно не имѣютъ времени сидѣть за однимъ письмомъ полчаса, они, будучи далеко отъ меня, могутъ только судить о мнѣ по прилагаемому мною старанію или пренебреженію въ отправляемыхъ къ нимъ министромъ

нашимъ письмахъ. А я очень помню, что вы сами мнѣ говорили, что многіе обязаны были счастіемъ своимъ единственно хорошему почерку. При томъ, какъ образецъ моего письма, который я подалъ графу въ Петербургѣ, былъ писанъ тщательно, то я долженъ продолжать такъ же, ежели бы дѣлалъ даже оное только для того, чтобъ показать ему, что я не выдалъ чужую руку за свою, и не обманулъ его въ надеждѣ вѣрнѣе получить мѣсто.

Здѣсь дѣла очень довольно. Вы говорите, что главная работа въ почтовые дни: нѣтъ почти дня, чтобы не было письма, и потому трудно мнѣ учредиться съ учителями, которыхъ принужденъ буду часто отсылать. Брать ихъ помѣсячно,—потеряю много уроковъ, а побилетно,—потребуютъ они вдвое, ежели стану заставлять ихъ ходить часто понапрасну. Жалѣю, но долженъ вамъ сказать, что деньги мною отъ банкира взяты и большая часть оныхъ истрачена. Пріѣхавъ сюда, слишкомъ былъ щедръ, нанималъ нѣсколько недѣль карету, пашилъ платья много, одѣванье или, лучше сказать, щегольство есть слабость моя, исповѣдуюсь вамъ въ ономъ; но за то теперь запасёнъ я онымъ и прочимъ всѣмъ на долго. Еще одинъ пунктъ, и тогда всѣ мои вины будутъ вамъ извѣстны и, слѣдственно, мучить меня перестанутъ: я купилъ, ѣдучи чрезъ Вѣну, фортепіано прекрасное, за которое заплатилъ 45 ч.; оно уже здѣсь и мнѣ предлагаютъ за него купцы 70 ч. Это я вамъ говорю, дабы вы не думали, что я былъ обманутъ. Вотъ мои вины; иныхъ я, право, ни передъ вами, ни передъ кѣмъ другимъ не имѣю, и совѣсть моя чиста и покойна. Сердце будетъ весело по полученіи отвѣта вашего на сіе письмо. Я бы могъ утаить все отъ васъ; но охотнѣе понесу брань, нежели ласки, которыя не заслуживаю, ежели будете хвалить меня за обѣщаніе, которое давалъ во всѣхъ моихъ письмахъ беречь деньги. Простите первому шагу въ свѣтъ, которой платятъ иной разъ дороже. Съ прискорбіемъ великимъ вижу, что потерялъ, можетъ быть, нѣсколько вашу довѣренность и для того не смѣю васъ болѣе обнадеживать; но время вамъ докажетъ, сколь истинно я раскаиваюсь. Утѣшеніе, которое мнѣ остается есть истинное увѣреніе, которое могу вамъ дать, что сдѣлалъ, можетъ быть, безразсудное употребленіе изъ денегъ, но никогда ни копейки дурно и постыдно не употребилъ. Я имѣю великую наклонность и нахожу въ томъ удовольствіе, которое никакими размышленіями убѣдить не могу—давать за труды или дарить и пр. рубль тамъ, гдѣ довольно бы было гривны. Была пѣвица у меня съ билетомъ на ея бенефисъ; я подумалъ, что не истратилъ еще на театръ ни гроша, будучи всегда въ ложѣ у князя Гагарина, и далъ 5 р. за биллетъ, прося ее онаго не объявлять и ска-

зать даже другимъ актерамъ, что я ея не принялъ, дабы впередъ избавиться отъ подобныхъ непростительныхъ издержекъ, въ которыхъ я по несчастію нахожу удовольствіе.

11 (23) Іюня король отправился изъ Палермы и по благополучномъ мореплаваніи 15 (27) того же мѣсяца прибылъ въ здѣшній заливъ поутру въ 9 часовъ на воинскомъ Неаполитанскомъ кораблѣ «Архимедѣ» въ провожаніи Англійскаго фрегата, бригантины, куттера, корветы и нѣсколькихъ другихъ здѣшнихъ судовъ. Прибывъ на средину залива, началась пушечная пальба со всѣхъ судовъ и крѣпостей. Король сошелъ на шлюбку и отправился въ Фавориту. Все сіе происходило въ нашихъ глазахъ, ибо домъ нашъ на самомъ заливѣ. Изъ Фавориты (дворецъ), лежащей у подошвы Везувія, въ разстояніи отъ Неаполя $1^1/_2$ или 2 Нѣмецкихъ миль, отправился король верхомъ въ 5 часовъ послѣ обѣда. Шествіе, за множествомъ народа, окружавшаго лошадь королевскую и наполнявшаго всѣ улицы, должно было производиться шагомъ и продолжалось до 9-го часа вечера. Прибывъ во дворецъ, его величество изволилъ слушать благодарственное молебствіе, а потомъ принималъ поздравленія отъ чужестранныхъ министровъ и прочихъ знатныхъ особъ. Всеобщая радость народа о благополучномъ возвращеніи короля въ сію столицу была засвидѣтельствована всѣми возможными способами. Всѣ площади наполнены были прекраснѣйшими зданіями: на одной былъ le temple de Pestum, на другой—амфитеатръ Помпеянскій, наполненный народомъ, одѣтымъ въ Римскія платья, воинами, гражданами и пр., державшими въ рукахъ лавры и пальмы; зрѣлище совсѣмъ новое и прекрасное. Когда король подъѣхалъ къ амфитеатру, то стоявшая предъ онымъ статуя, представлявшая Раздоръ, провалилась и взошелъ бюстъ весьма похожій короля, окруженный Миромъ и Благоденствіемъ. Сіе было весьма удачно произведено въ дѣйство. На другой еще площади противъ дворца стояль прекрасный храмъ Славы. Всѣ сіи зданія первые три вечера королевскаго пріѣзда были иллюминованы, равно какъ и весь городъ. Все оное оставлено до пріѣзда королевы изъ Вѣны, за которою 22 Іюня (4 Іюля) поѣхалъ уже въ Тріестъ тотъ же военный корабль «Архимедъ» съ тремя другими небольшими военными судами. Возстановивъ здѣсь нѣсколько свое здоровье, ея величество отправится моремъ въ Гишпанію съ здѣшнимъ наслѣднымъ принцемъ для трактованія супружества его съ дочерью его католическаго величества. Съ недѣлю тому пошелъ отсель нашъ фрегатъ въ Черноморскіе порты «Св. Григорій Великія Арменіи», на которомъ капитанъ г. Шостакъ, конечно братъ нашего покупщика. «Св. Михаилъ», другой фрегатъ, отправится также скоро въ Корфу съ графомъ Моченигою.

Благодарю за всѣ новости. Домъ Репниныхъ меня весьма интересуетъ. Жениха княжны Софіи [1]) не знаю и не видывалъ, но много слышалъ похвалъ на его счетъ. Сенковскаго здѣсь нѣтъ или нѣтъ еще. Я не знаю человѣка, которому бы менѣе прилично и даже физически возможно было *бѣжать*, какъ княжнѣ Дарьѣ Николаевнѣ [2]). Жалѣю, что не могу поплясать на свадьбѣ Маріи Алексѣевны, моей фаворитки; желаю ей отъ всей души счастія, которое она не можетъ не найти съ хорошимъ ея нравомъ.

О Евсеѣ случается мнѣ вздыхать, хотя и вижу, что онъ бы мнѣ былъ, кромѣ комнатной работы и одѣванья, совсѣмъ безполезенъ. Пріятно въ лѣтахъ имѣть человѣка, который при тебѣ и съ тобою выросъ и вмѣстѣ всегда находился. Я нанялъ камердинера, жившаго всегда при иностранцахъ и всѣми ими мнѣ рекомендованнаго; человѣкъ претрезвый, усердный, честный, который въ разныхъ покупкахъ отъ великихъ меня избавилъ убытковъ. Я испыталъ его честность во многихъ случаяхъ. Плачу ему 4 ч. па мѣсяцъ, что̀ конечно немного. Да, я перешелъ теперь, живу не въ томъ же домѣ, но рядомъ съ министромъ. Съ будущею почтою подробно вамъ разскажу все. Между тѣмъ не думайте, чтобы сіе было слѣдствіе какой-либо ссоры или неудовольствія. Тутъ будетъ канцелярія, въ чемъ я самъ настоялъ. А какъ мѣста болѣе въ домѣ нѣтъ, то и нанялъ пополамъ съ Пиніемъ три прекрасныя комнаты и пр. Вы утаили мнѣ свою болѣзнь; въ семъ нахожу я новый опытъ любви вашей ко мнѣ; оный тѣмъ болѣе меня трогаетъ, что вы, можетъ быть, страдали, а писать все ко мнѣ не переставали. Да воздастъ вамъ Богъ за сіе! Желаю, чтобы намѣреніе ваше ѣхать въ деревню совершилось, но не такъ, какъ прочіе года. Фаста вы, я думаю, возмете съ собою; онъ будетъ вамъ большой пользы, ибо довольно свѣдущъ въ экономіи.

Письмо къ княгинѣ, дабы не занимать лишняго мѣста, не запечатано; прочтите оное, ежели хотите имѣть понятіе о путешествіи нашемъ на Везувій. Я сдѣлалъ обстоятельное описаніе: для женщины довольно сего.

*

Неаполь, 31 Іюля (11 Августа) 1802.

Въ Цизальпинской республикѣ, гдѣ бываетъ довольно остановокъ, пашлось, что командиръ кордона былъ какой-то Полякъ полковникъ, который зналъ васъ въ Варшавѣ, отчего я не былъ нимало задержанъ и тотчасъ отправленъ. Онъ далъ мнѣ, или лучше принудилъ

[1]) Будущаго министра двора, князя П. М. Волконскаго.

[2]) Она была горбата. Бѣжала съ Калонбаргомъ.

взять на дорогу хлѣба и вина. Здѣсь видѣлъ я въ первый разъ «дерево вольности», которое потомъ попадалось на всякой почти почтѣ.

Прошу васъ посадить въ саду дерево въ память отъѣзда моего въ чужіе края; но молю Бога не видѣть его высокимъ по возвращеніи моемъ въ Москву. Смотря на оное, слишкомъ будетъ для меня грустно видѣть долготу нашей разлуки. Я воображаю, сколь много садъ нашъ долженъ васъ занимать. Я вамъ привезу рисунки и пр. для его украшенія. Не понимаю, какъ вы могли выправить аллею къ Голенкину, не трогая забора? Долго ли будетъ вамъ кормить Агличанъ въ конюшнѣ? Здѣсь бы для многаго было полезно мнѣ имѣть верховую лошадь; но теперь и думать о томъ не могу. Пѣшкомъ здѣсь можно ходить только до 8 часовъ утра и съ 6 или 7 часовъ послѣ обѣда до ночи, которая такъ шумна, какъ день. Ничего нѣтъ подлѣе—ѣздить на здѣшнихъ извозчикахъ, которые суть лазаронцы, имѣющіе колясочки на двухъ колесахъ; какъ цѣна ихъ очень низка, то употребляемы всякою канальей, за которую принятымъ быть можешь, такъ что я предпочитаю сто разъ хожденіе пѣшкомъ. Князь Гагаринъ и графиня Скавронская близко отъ насъ, а я болѣе нигдѣ не бываю. Въ театръ, на гулянье и пр. возитъ меня князь или княгиня, которыми я довольно нахвалиться не могу. Плачу о потерѣ сего дома, ибо они думаютъ ѣхать черезъ мѣсяцъ въ Римъ, гдѣ князь, сдавши дѣла и поживя, отправится въ Россію. Палерму я все не отчаиваюсь видѣть. Невѣроятно, чтобы Французы не стали дѣлать новыя покушенія на Италію, особливо когда узнаютъ, что нѣтъ Русскихъ здѣсь болѣе; король, конечно, паки возвратится въ Сицилію, и мы туда же. Фрегатъ «Св. Григорій» отправился уже въ Черноморскіе порты; «Св. Николай» за ветхостью здѣсь продается, «Св. Михаилъ» имѣетъ со всѣми сухопутными войсками, здѣсь находящимися, равно и морскими, на сихъ дняхъ отправиться въ Корфу съ графомъ Моченигою. Вчера былъ маневръ нашихъ баталіоновъ, который удостоилъ его величество своимъ присутствіемъ. Какъ король Сардинскій отрекся отъ престола, то Бонапарте почитаетъ себя освобожденнымъ отъ всѣхъ обязанностей, которыя имѣлъ въ разсужденіи сего короля, и для того Піемонтъ причисленъ къ Французской республикѣ. Имѣнія всѣхъ Піемонтскихъ эмигрантовъ, которые въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не явятся подъ власть перваго консула, будутъ конфискованы и употреблены по соизволенію. Вотъ что пишутъ партикулярно. Новый король ожидаетъ отъ перваго консула подтвержденія сего печальнаго для него извѣстія съ курьеромъ, повезшимъ къ нему объявленіе объ отреченіи короля его брата. Г-нъ Буркъ весьма часто даетъ мнѣ препорученіе вамъ кланяться и по-

мнитъ очень время, которое столь пріятно проводилъ съ вами въ Варшавѣ. Онъ живетъ здѣсь въ загородномъ домѣ въ Ischia. Намедни за столомъ у министра генералъ Бороздинъ (который зналъ васъ также въ Варшавѣ), Будбергъ, Буркъ etc. всѣ говорили объ васъ; за излишнее почитаю сказать вамъ, какъ они объ васъ отзывались. Я обѣщался вамъ сказать, какъ я перешелъ на другую квартиру. Не было мѣста для канцеляріи. Министръ изъявилъ, сколь бы ему было пріятно имѣть близко канцелярію свою, но что между тѣмъ не хочетъ и меня согнать, а мѣста нѣтъ. Хотѣлъ канцелярію въ другое мѣсто перевесть. Я бы былъ глупъ, ежели бы воспользовался сею учтивостью, и потому просилъ его назначить въ моей комнатѣ канцелярію, мнѣ же велѣлъ нанять три комнаты рядомъ съ его домомъ. Какъ наемъ сто́итъ только около 35 ч. въ годъ, то не захотѣлъ я заставить его платить за оное и заключилъ самъ контрактъ на свое имя. Я не опредѣлилъ срока найму, но съ тѣмъ взялъ квартиру, что хозяинъ не воленъ будетъ никогда меня согнать, развѣ нужда будетъ требовать ею пользоваться собственно для себя. Мнѣ сто́итъ только перешагнуть, и я у министра, съ которымъ я часто завтракаю, особливо въ почтовые дни. Весьма тревожитъ меня слухъ о назначеніи Андрея Яковлевича въ Царьградъ на мѣсто Тамары. Богъ знаетъ, каковъ будетъ новый мой начальникъ. Но теперь, зная теченіе и порядокъ всѣхъ канцелярскихъ дѣлъ, могу имѣть начальникомъ и человѣка, который нетерпѣливъ, взыскателенъ, строгъ даже. Зная, что̀ и какъ надобно дѣлать, ежели онаго не исполню, будетъ отъ лѣни или нерадѣнія. Сперва была воля безъ умѣнія, теперь есть все. Я надѣюсь, ежели новый министръ будетъ вамъ знако̀мъ, что вы не оставите меня ему рекомендовать, яко слугу, который не совсѣмъ ему будетъ безполезенъ. А сіе новое назначеніе скорѣе дойдетъ до васъ нежели до меня.

31-го прошедшаго мѣсяца имѣлъ я удовольствіе обнять здѣсь брата. Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Вѣну, какъ отправили его сюда курьеромъ. Вы можете сами посудить, сколь я былъ удивленъ и обрадованъ его видѣть. Онъ былъ 8 дней въ дорогѣ, хотя незнаніе Вѣнской почты и заставило его сдѣлать крюкъ, назначивъ ему путь чрезъ Тріестъ. Онъ живетъ у меня, слава Богу, здоровъ, но очень загорѣлъ. Я представилъ его сіятельству, Италинскому и графинѣ Скавронской, которая говоритъ, что очень знала покойныхъ дѣдушку и бабушку. По сю пору не знаемъ, когда воспослѣдуетъ обратная посылка брата въ Вѣну. Мнѣ очень хочется, чтобъ онъ поѣхалъ съ вышерѣченнымъ курьеромъ, и это, кажется, сдѣлается.

Любя Ивана Петровича Тургенева, жалѣю весьма, что слухи о успѣхахъ его неосновательны. Сынъ его Андрей рыскаетъ по свѣту и скоро заставитъ говорить о себѣ въ газетахъ, яко о первомъ курьерѣ во всей вселенной. Теперь онъ въ Вѣнѣ и ждетъ себѣ новой пищи.

Были мы въ Помпеѣ, которой конечно ничего любопытнѣе видѣть нельзя. Вамъ извѣстно, что это городъ, который, не знаютъ вѣрно когда, былъ покрытъ до основанія мелкимъ каменнымъ дождемъ, золою и пепломъ; ибо сильный вѣтеръ, дувшій во время изверженія Везувія на сей несчастный городъ, все сіе туда перенесъ, хотя и отстоитъ онъ отъ горы верстахъ въ трехъ. Весьма малая часть города открыта; въ ней виденъ амфитеатръ малый и большой, весьма хорошо сбереженные, лавки, гдѣ сидѣлъ народъ, и пр., солдатскія квартиры. Въ одной комнатѣ намарано много именъ, видно, солдатскихъ, и другія слова; большая улица вымощенная, на коей видны даже слѣды колесъ, ибо улица, будучи весьма узка, колеса проходили все по одному мѣсту; городскіе маленькіе ворота (сіе доказываетъ, что то, что̀ отрыто, есть только предмѣстье). Я входилъ во всѣ сіи древніе домы, кои всѣ единообразны, имѣютъ равное количество комнатъ, дворъ, а посереди онаго фонтанъ. Во многихъ комнатахъ живопись весьма хорошо сохранилась; большая часть оной снята и перевезена въ Портичи, гдѣ любопытные могутъ все сіе видѣть. Фигуры, висящія въ вашихъ комнатахъ и называемыя figures d'Herculanum, взяты всѣ изъ Помпеи. Я видѣлъ оригиналы, часть въ Портичи, а другая въ Помпеѣ, на стѣнахъ еще; ибо безъ большой опасности ихъ отнять нельзя. Еще виденъ здѣсь храмъ и отверстіе, въ которое пролѣзали попы и давали оракулы, тогда какъ народъ думалъ, что богиня говоритъ. Полъ храма вымощенъ мозаикою. Въ обоихъ амфитеатрахъ видны мѣста, куда народъ ходилъ за нуждою. Весьма жаль, что не продолжаютъ копать, и сей интересный городъ, т.-е. большая его часть, покрытъ виноградными садами. Во время войны, Французскій генералъ Шампіоне послалъ туда надзирателя съ 600 Неаполитанцами и велѣлъ для себя копать. Одну комнату нашелъ онъ совсѣмъ убранную; въ ней было 30 золотыхъ и до 100 серебряныхъ денегъ, нѣсколько сосудовъ, столовъ, серьги и множество драгоцѣнныхъ вещей, много поваренной посуды и пр. Добыча простиралась до 30.000. Несмотря на всѣ предложенія продать все сіе съ выгодою, онъ не хотѣлъ согласиться и все повезъ въ Парижъ. Сей успѣхъ не поощрилъ правительство дѣлать новыя розысканія. Хозяева земель, покрывающихъ Помпею, охотно оныя продаютъ; но запрещено строго копать. Въ Геркуланумѣ мы не были. Гораздо труднѣе откапывать сей городъ, ибо онъ заваленъ окаменѣвшею лавою, а Помпея только мелкими камешками и золою.

9-го сего мѣсяца пошелъ въ Корфу фрегатъ нашъ «Св. Михаилъ» и 8 транспортовъ, нагруженныхъ войсками нашими, отъ самаго начатія войны здѣсь находившимися. Графъ Мочениго поѣхалъ день спустя.

Читая здѣшнія старыя реляціи, нашелъ я много мѣсть, гдѣ о васъ упоминается; о заключеніи и освобожденіи вашемъ, о причинахъ онаго и проч. Г. Будбергъ, нашъ посолъ при Шведскомъ дворѣ, ѣдетъ сегодня въ Петербургъ.

Я не знаю, можетъ быть, что это ребячество; но свиданіе мое съ братомъ, которое преисполнило меня радостію, даетъ мнѣ крѣпкую надежду скорѣе, нежели думаю, васъ обнять. *Меня* Андр. Яковл. хотѣлъ послать въ Петербургъ курьеромъ, и я уже готовился; но какъ оный, возвращаясь, долженъ заѣхать въ Корфу, то онъ предпочелъ послать морскаго офицера съ фрегата, отправившагося уже въ сей островъ. Говоря о посылкѣ моей, нѣсколько разъ у меня спрашивалъ: не противно ли это будетъ вашему батюшкѣ?

*

Неаполь, Августа 17 (29) дня 1802.

Здѣшній дворъ отправляетъ курьера въ Петербургъ къ дюку Серра-Капріола; онъ ѣдетъ тотчасъ послѣ обѣда. Дѣла очень много; но какъ обязанности мои къ вамъ для меня почти столь же священны, какъ государственная служба, то я, желая исполнить одно и другое, всталъ въ 5 часовъ, дабы имѣть удовольствіе побесѣдовать съ вами, любезный батюшка.

Я бы былъ въ великой тоскѣ, ежели бы двухнедѣльное брата здѣсь пребываніе меня не разсѣяло. Удовольствіе, которое я имѣлъ его видѣть, часто удаляло отъ меня печальныя мысли, которыя съ отъѣзда его опять воскресли и съ большею еще силою наполняютъ воображеніе мое.

Займу васъ теперь нѣсколько описаніемъ здѣшнихъ праздниковъ по случаю супружества Неапольской принцессы съ принцемъ Астурійскимъ. Ея величество въ день прибытія своего 5 (17) Августа имѣла ввечеру въѣздъ въ церковь Св. Януарія. Въ тотъ же вечеръ была въ театрѣ Св. Карла кантата. 7 (19) былъ большой съѣздъ при дворѣ. Княгиня Гагарина и другія дамы были представлены ея величеству. 12 (24) Гишпанскій посолъ маркизъ Мосъ имѣлъ публичный въѣздъ въ городъ; свита была составлена изъ множества придворныхъ каретъ (въ одной былъ онъ самъ) и другихъ экипажей министровъ и дворянства. 13 (25) имѣлъ оный же посолъ публичную аудіенцію, послѣ оной

пошли ихъ величества и фамилія въ придворную церковь, гдѣ кардиналъ, архіепископъ Неапольскій, по прочтеніи папскаго разрѣшенія, благословилъ меньшую принцессу Марію Антоанету въ супружество принцу Астурійскому, коего лицо представлялъ здѣшній наслѣдный принцъ. Невѣста не очень хороша, но стройна и молода. Говорятъ, что Гишпанскій корабль, который имѣетъ пріѣхать сюда за оною принцессою, привезетъ сюда Гишпанскую принцессу, назначенную въ невѣсты его высочеству, наслѣдному принцу Обѣихъ Сицилій. 14 (26) былъ при дворѣ большой съѣздъ; все дворянство допущено было къ цѣлованію руки. Послѣ сего обряда, когда его величество изволилъ сойти съ трона, былъ я ему представленъ г. Италинскимъ. Онъ изволилъ жаловаться, что усталъ, говорилъ, что считалъ людей и нашелъ, что 835 подходили къ ручкѣ. Минутъ съ пять разговаривалъ онъ съ министромъ, будучи очень веселъ, и потомъ ретировался. Пришелъ камергеръ, который объявилъ, что можно видѣть королеву. Мы пашли ее также въ тронной, гдѣ дворянство подходило къ ручкѣ, послѣ чего подошла она къ чужестраннымъ министрамъ. Тутъ представилъ меня г. Италинскій и королевѣ, которая, услыхавъ мое имя, сказала весьма ласково: Il me semble vous avoir vu à Vienne; ou n'avez vous pas passé par cette ville?—Oui, votre majesté, et j'ai même eu le bonheur d'être le porteur de vos dépèches pour sa majesté le roi.—Je vous en suis très reconnaissante, отвѣчала ея величество съ маленькимъ поклономъ. Потомъ представленъ я былъ его высочеству наслѣдному принцу, который жаловался на жары. Ввечеру долженъ былъ быть при дворѣ балъ, но отложенъ, а была въ театрѣ Св. Карла (зданіе рѣдкое въ своемъ родѣ), который весь былъ освѣщенъ, приличная случаю сему кантата. Вчера принесли мнѣ билетъ, коимъ приглашенъ я къ завтрашнему вечеру на балъ, который даетъ ихъ величествамъ и всей фамиліи здѣшнее дворянство. Отдѣлка одной залы стоила, какъ говорятъ, 6.000 дукатовъ или 10.000 р. (почти). Въ три дни, т.-е. 24, 25 и 26 Августа всѣ построенные еще для пріѣзда его величества изъ Палермы храмы, амфитеатры и пр. зданія на площадяхъ, равно какъ и всѣ домы, были иллюминованы. Вотъ вамъ всѣ здѣшнія новости; важнѣйшая же есть, что Андр. Яковл. получилъ уже назначеніе свое къ Портѣ и черезъ мѣсяцъ думаетъ отправиться туда на Англинскомъ фрегатѣ съ г. Друмондомъ, Англинскимъ при здѣшнемъ дворѣ министромъ, также туда назначеннымъ.

*

Неаполь, 26 Августа (7 Сентября) 1802 года.

Въ одинъ изъ сихъ дней былъ я представленъ ихъ Неапольскимъ величествамъ и наслѣдному принцу. Назначенная ему невѣста еще не прибыла, но всякой день ожидается. Балъ, данный здѣшнимъ дворянствомъ королю, былъ весьма великолѣпенъ, и я много танцовалъ. Третьяго дня получилъ я отъ князя Александра Борисовича письмо въ отвѣтъ на мое, писанное по пріѣздѣ моемъ сюда; прилагаю вамъ копію съ онаго. Сія атенція со стороны князя весьма меня тронула, и вообще я не знаю, чего бы я не сдѣлалъ изъ благодарности къ сему доброму и милостивому начальнику. Вамъ извѣстно уже назначеніе или опредѣленіе г-на Италинскаго министромъ въ Буюкдере. Д. П. Татищевъ на его мѣсто. Хотя я съ нимъ и кланялся, но не знакомъ, а видалъ его часто у вице-канцлера въ Москвѣ и Петербургѣ. Андрей Яковлевичъ не опредѣлилъ еще, когда ѣхать, ибо не получилъ еще инструкціи, отзывной грамоты и пр. Говорятъ, что новый министръ везетъ еще двоихъ съ собою; весьма мнѣ будетъ непріятно, ежели отнимутъ у меня часть работы. Теперь дѣло мое есть: депеши къ Государю, къ вице-канцлеру, къ графу Кочубею, цидулы въ Коллегію и вписываніе въ журналъ. Пини, который также въ ономъ участіе беретъ, когда слишкомъ много дѣла, ведетъ переписку по-италіянски, пишетъ ноты къ здѣшнему министерству. Шифруемъ и расшифровываемъ вмѣстѣ. И такъ, вы видите, что мы заняты равно оба; ежели же прибавятся еще двое или трое, то не будетъ дѣла почти, особливо, ежели экспедиція Мочениги и всѣ дѣла вообще, касающіяся до Корфу, передадутся г. Италинскому, что̀ болѣе нежели вѣроятно. Совѣтникъ посольства Свѣчинъ, который и не бываетъ даже никогда въ канцеляріи, думаетъ возвратиться въ Россію. Ежели новый совѣтникъ захочетъ трудиться, то не останется мнѣ другого дѣла, какъ бить баклуши; это могу я дѣлать и въ Россіи; по крайней мѣрѣ буду васъ видѣть. Но заранѣе всего предвидѣть нельзя; увидимъ, какъ пойдетъ. Здѣсь непремѣнно нужно быть занятымъ; я видѣлъ и вижу, что̀ дѣлаютъ тѣ, которые праздны; этого довольно было, чтобъ открыть мнѣ глаза. Знатное дворянство здѣшнее не гнушается обойти всякой день всѣ кофейные домы передъ обѣдомъ, всякое послѣ обѣда ѣздитъ прогуливаться въ Позилипъ (берегъ морской) и всякой Божій вечеръ бывать въ театрѣ. Учителей не взялъ я еще, ибо теперь карманъ мой недостаточенъ; ему будетъ большой подрывъ, ежели Татищевъ не будетъ давать стола. Узналъ я, какъ съ денежками обходиться. Отложу положенную сумму на всякой мѣсяцъ; за нее не буду переходить ни копейкою. Узнавши, роспишу: что̀ всякому учителю, что̀ квартира, что̀ человѣку

и пр. и по доходамъ буду издержки дѣлать. Пріѣхавши сюда, мысль, что имѣю (какъ думалъ) лишнія деньги, ввела меня въ издержки, которыя бы вѣрно остерегся дѣлать, ежели бы все расчислено было. Но не я первый, не я послѣдній, съ которымъ сіе бываетъ. Деньги употребилъ я, можетъ быть, безразсудно, но не гнусно, и сіе меня утѣшаетъ. Бонапарте ассигновалъ Сардинскому королю два милліона ливровъ въ годъ за отнятый у него Піемонтъ. Не знаетъ никто, гдѣ оснуется сей король; иные полагаютъ, что въ Венеціи, другіе, что поѣдетъ въ Сардинію.

*

Неаполь, Сентября 2 (14) дня 1802.

Андрею Яковлевичу пишутъ, что Тамара отправился уже изъ Царьграда въ Россію. Я признаюсь вамъ, что мысль остаться при г. Италинскомъ и желаніе видѣть мѣсто моего рожденія заставляли меня часто думать о перемѣщеніи къ Царьградской миссіи, а теперешнія обстоятельства и состояніе дѣлъ тамъ единственно меня останавливаютъ, и притомъ мнѣ кажется, что менѣе славы сидѣть въ 7 башняхъ ассесоромъ, нежели министромъ. Ежели все тамъ успокоится, и что миссія здѣшняя сдѣлается для меня маловажною по множеству людей, ее занимающихъ, то можно будетъ подумать о перемѣщеніи моемъ. Я слышалъ, что Пини сего уже искалъ черезъ брата; но онъ мнѣ ничего о томъ не говорилъ, ни министръ, которому я прочелъ все то, что̀ вы объ немъ говорите. Онъ мнѣ сказалъ: «Слова батюшки вашего, изъявляющія его желаніе видѣть васъ всегда при мнѣ, чрезвычайно для меня лестны. Поведеніе ваше до сихъ поръ заставляетъ меня тоже самое желать; но вы знаете, что сіе отъ меня не зависитъ. Прошу васъ оное ему при почтеніи моемъ отписать».

На сихъ дняхъ прибыла сюда Гишпанская эскадра, между прочимъ 120 пушечный военный корабль, имѣющій отвезти отсюда наслѣднаго принца, будущаго супруга Гишпанской принцессы. Оный корабль повезетъ также туда Неапольскую принцессу Марію-Антоанету. Обрядъ бракосочетанія ея съ принцемъ Астурійскимъ, коего лице представлялъ здѣшній наслѣдный принцъ, и бывшія по сему случаю празднества описалъ я вамъ подробно. Иные говорятъ, что король проводитъ принца и принцессу въ Гишпанію, другіе—что королева, третьи—что никто.

Третьяго дня было здѣсь поутру маленькое землетрясеніе, почти нечувствительное, великая непогода, дождь, а ночью затменіе лунное почти совершенное, такъ что изъ прекраснаго мѣсячнаго времени сдѣ-

лалась темная ночь. Всѣ сіи происшествія сдѣлали день сей примѣчательнымъ, и утверждаютъ, что суть предвѣстники изверженія Везувія, который однакожъ и не дымитъ даже. Вчера обѣдалъ у насъ генералъ Fox, братъ извѣстнаго Fox'a, человѣкъ весьма молчаливый. Неапольскія войска, назначенныя уже давно въ Мальту, числомъ болѣе 2000 человѣкъ, туда отправились на 13 транспортныхъ судахъ. Имѣемъ извѣстіе, что войска наши благополучно прибыли въ Корфу и что графъ Мочениго былъ отмѣнно принятъ жителями.

*

Неаполь, Октября 1 (18) дня 1802.

Нашъ совѣтникъ посольства Свѣчинъ по именному указу отрѣшенъ отъ всѣхъ дѣлъ за поступокъ, большаго наказанія заслуживающій. Говорятъ, что будетъ сюда на его мѣсто Демчинскій, который былъ при васъ въ Варшавѣ. Ежели Пини (что̀ братомъ его легко выпрошено быть можетъ) поѣдетъ въ Царьградъ, то я бы желалъ занимать одинъ мѣсто и жалованье, раздѣляемое мною и имъ. Я чувствую возможность отправлять дѣла безъ товарища, особливо ежели будетъ Демчинскій или другой знающій хорошо по-итальянски и желающій не быть праздным, какъ Свѣчинъ. Не худо вамъ это знать, и я на всякій случай предваряю васъ о томъ. Во всякомъ случаѣ я Татищеву безполезенъ не буду, не смотря на то, что, какъ я вижу, миссія будетъ составлена изъ цѣлой почти дюжины, все сверхкомплектныхъ. Онъ можетъ различить лѣнивца, повѣсу и невѣжду отъ того, который ведетъ себя хорошо и имѣетъ охоту работать.

Дворъ, который переѣхалъ жить въ Портичи, наложилъ трауръ на 4 мѣсяца по случаю кончины эрцгерцогини Тосканской, дочери здѣшней королевы. Недавно возвратилась обратно въ Барцелонію Гишпанская эскадра; на оной отбыли здѣшній наслѣдный принцъ и принцесса. Ихъ Неапольскія величества вмѣстѣ, а потомъ порознь намѣревались проводить дѣтей своихъ до Барцелоны, гдѣ желали имѣть свиданіе съ его католическимъ величествомъ, но отмѣнили ради издержекъ.

На прошедшей недѣлѣ былъ я съ княземъ и княгинею Гагаринами на ярмонкѣ въ Салернѣ, гдѣ ночевали двѣ ночи; ѣздили также оттуда въ Пестумъ; видѣли сіе древнѣйшее Греческое селеніе, ежели можно такъ назвать оставшіяся еще развалины: три храма, два моста и четыре башенки. Средній храмъ, имѣющій 75 шаговъ длины и 25 ширины всѣхъ огромнѣе, великолѣпнѣе и лучше сбереженъ; всѣ колоны, копхъ 13 въ длину и 6 въ ширину, а всѣхъ 34, почти цѣлы. Каждая колона составлена изъ пяти кусковъ бѣло-красноватаго камня, похо-

жаго на гранитъ нашъ, и я замѣтилъ, что куски сіи не связаны известью, но просто положены одинъ на другой, и все строеніе также, такъ что храмъ можно бы безъ вреда перенесть на другое мѣсто. Внутренность—двѣ стѣны; но по онымъ нельзя судить, какое могло быть расположеніе храма. Потолка нѣтъ ни въ одномъ изъ трехъ храмовъ. Les colonnes sont sillonnées. Прочіе два храма почти той же архитектуры, но число колонъ больше или меньше. Вашъ видъ Пестума похожъ, но не совсѣмъ: много прикрасовъ, которыхъ въ натурѣ совсѣмъ нѣтъ, и можно было сдѣлать лучшій видъ, пользуясь сосѣдствомъ моря, на берегу коего построенъ Греками Пестумъ. Не смотря на розысканія, не могли точно опредѣлить, когда и кѣмъ построенъ Пестумъ.

Король Этрурскій выѣхалъ изъ своихъ областей. Сардинскій по сю пору нигдѣ не оснуется. Говорятъ, что Бонапарте присоединилъ Геную къ Цизальпинской республикѣ; но оное не подтверждается.

Радуюсь, что князь Хованскій наконецъ свое дѣло кончилъ. Я къ нему недавно писалъ и послалъ для дочери двѣ Итальянскія аріи. Курьеръ самъ ихъ хотѣлъ отдать ему.

*

Неаполь, 12 (24) Октября 1802 года.

Кромѣ печальнаго извѣстія объ отъѣздѣ князя Гагарина 13-го сего мѣсяца въ Римъ, не имѣю вамъ ничего сказать. Андрей Яковлевичъ, не имѣя права безъ особеннаго повелѣнія позволить мнѣ выѣхать изъ предѣловъ королевства, согласился охотно, чтобъ я князя проводилъ до границы. Я бы вѣрно того позволенія просить не сталъ, зная, что оно неосновательно; но побужденія князевы ѣхать съ нимъ въ Римъ, а при томъ желаніе, которое я имѣлъ ему доказать, что нѣтъ средства, котораго я бы не употребилъ къ достиженію удовольствія провесть съ нимъ еще нѣсколько времени, заставили меня просить и увѣриться въ истинѣ моего мнѣнія. Я оставилъ ихъ въ Гаетѣ; тамъ мы ночевали. Я съ ними на другой день распрощался; они поѣхали далѣе; а я, дабы сократить свое путешествіе и уменьшить издержки, нанялъ въ Гаетѣ барочку за 20 карлинъ и поѣхалъ въ столичный свой городъ. Мѣстоположеніе Гаеты прекрасно. Одна часть города строеніями своими закрываетъ почти половину довольно высокой и островатой горы, другая стоитъ на вдавшемся въ море мысѣ; здѣсь крѣпость. Третья разбросана по клочкамъ и составляетъ предмѣстія и жилища Гаетскихъ рыбаковъ. Обширный заливъ, окруженный почти весь селеніями; множество кипарисовыхъ деревьевъ; съ одной стороны гора вся бѣлая отъ строенія, съ другой—вся желтая отъ песку и кам-

ня того же цвѣта; далѣе зеленыя горы, покрытыя густымъ кустарникомъ. Сія необыкновенная пестрота дѣлаетъ видъ сей новымъ и пріятнымъ. Разбросанныя по гавани и заливу галеры, шлюпки и другія суда придаютъ ему еще болѣе красоты. Но сколь городокъ сей, довольно хорошо укрѣпленный, хорошъ по мѣстоположенію, столько нечистъ, теменъ и худо застроенъ; улицы чрезвычайно узки; арсеналъ здѣшній неваженъ, и ежели есть въ немъ пушки, то только для того, чтобъ преступники, которыхъ заставляютъ ихъ ворочать безполезно, не были праздны; какъ будто нельзя бы было найти другаго способа съ пользою употреблять руки и силы человѣческія! Но это не первая и не послѣдняя глупость въ Италіи. Я право здѣсь научился разсуждать; не знаю, какъ Итальянцы тому не паучаются. Мало вещей, которыя бы не давали къ тому явнаго повода. Но вотъ куда завело меня позволеніе министра ѣхать проводить князя. Потеря милаго сего дома очень для меня чувствительна. Но что̀ дѣлать? Надобно утѣшиться, и притомъ признаюсь вамъ, любезный батюшка, что прекрасные княгинины глаза отъ многихъ хорошихъ предпріятій меня отвлекали*). Теперь за все примусь и путемъ.

Андрей Яковлевичъ снабженъ всѣмъ нужнымъ къ отъѣзду своему и скоро отправится въ нашъ Буюкдере. Писалъ онъ въ Средиземное море къ одному Аглинскому адмиралу, испрашивая у него позволенія воспользоваться для переѣзда своего въ Царьградъ находящеюся въ гавани здѣшней Англинскою фрегатою, что̀ вѣрно исполнено будетъ, ибо Англинскій министръ участіе въ ономъ беретъ. Время для мореплаванія теперь плохо. Недавно была около Архипелага буря, отъ которой погибло болѣе сорока судовъ, между прочими четыре транспорта изъ числа одиннадцати, посланныхъ отсюда въ Мальту съ 2.000 войска здѣшняго; одинъ транспортъ былъ съ провіантомъ, прочіе три съ людьми. Сіе несчастное происшествіе очень опечалило городъ.

На сихъ дняхъ прибылъ сюда обратно наслѣдный принцъ, ѣздившій въ Гишпанію за нареченною своею супругою, оставя тамъ меньшую свою сестру, отданную въ супруги Астурійскому принцу. Приданое ея съ деньгами составляетъ 357 т. дукатовъ здѣшнихъ или столько серебряныхъ рублей.

Татищевъ пишетъ сюда и препоручаетъ нанять большой домъ; видно, что онъ имѣетъ отеческіе виды на насъ. Желаю очень, чтобъ

*) Княгиня Анна Петровна Гагарина, ур. княжна Лопухина, предметъ рыцарскаго поклоненія императора Павла, была писаная красавица. Она скончалась въ 1805. Супругъ ея, князь Павелъ Гавриловичъ, пережилъ ее на 45 лѣтъ.

онъ велѣлъ также купить столъ, за которымъ бы вся миссія усаживаться могла. Это бы очень выгодно было моему карману, который проситъ у васъ его не забыть. Деньги изъ Россіи сюда грѣшно иначе пересылать какъ на фунты-стерлинги, что̀ очень выгодно. Векселя на Лондонъ здѣсь большими деньгами покупаютъ; всѣ прочіе обороты на другія деньги служатъ только къ обогащенію господъ банкировъ. Разсудите, что за Голландскій червонецъ, который вамъ вѣрно стоитъ 4 р. 50 к., дали мнѣ здѣсь только 3 р. съ небольшимъ, говоря, что съ Голландіею дѣлъ совсѣмъ не имѣется; это и правда. Но подите купить Голландскій червонецъ, то заплатите 29 карлинъ или 2 р. 90 к. серебромъ на наши деньги.

Нѣсколько дней тому назадъ возилъ меня Андрей Яковлевичъ съ собою въ Нолу, маленькій городъ, отстоящій отъ Неаполя въ 16 миляхъ здѣшнихъ; видѣли мы тамъ славное собраніе Этрурскихъ вазъ маркиза Вивенція, между коими есть много Греческихъ и нѣсколько Египетскихъ. Надобно знать, что сей маркизъ, заставивши копать землю, имѣлъ счастіе найти множество древнихъ гробницъ. Древніе имѣли обыкновеніе класть съ собою, умирая, лучшія свои вазы. Иные клали семь, три у каждой ляжки и одна надъ головою; другіе только три, по одной на каждомъ плечѣ и одна между ногами. Живопись на оныхъ вазахъ весьма хорошо сохранилась, и видны по меньшей и большей ихъ древности постепенные успѣхи сего художества. Сюжеты рисунковъ взяты почти всѣ изъ баснословія и исторіи Римской и служатъ къ изъясненію многихъ вещей: яко одежды и пр., коихъ были извѣстны одни только имена. Поле вазъ черное, а изображенія прекраснаго померанцеваго цвѣта. Что касается до ихъ формъ, то онѣ безчисленны. Достоинство, которое онѣ также имѣютъ, есть удивительная ихъ легкость. Забылъ вамъ сказать, что изображенія не нарисованы на горшкѣ, но такъ сказать вкоренены въ него, и сіе дѣлалось посредствомъ огня; время никакъ сіе истребить не можетъ. Сіе доказывается тѣмъ, что есть вазы, которымъ болѣе 2.000 лѣтъ, и оное явствуетъ изъ надписей и рисунковъ и пр. Кромѣ вазъ есть здѣсь множество медалей, денегъ, ключей древнихъ, лампадъ и пр., также въ землѣ найденныхъ. Возлѣ Нолы есть гора, изъ которой видъ безподобенъ; показываютъ долину, на которой славный Аннибалъ сражался съ Римлянами.

Министръ въ первый разъ препоручилъ мнѣ сочинить депешу къ князю Куракину о нѣкоторомъ дѣлѣ и нашелъ ее столь исправною, что почти ничего не поправилъ. Завтра велѣлъ къ себѣ быть поранѣе; слѣдовательно двойная польза не ѣздить въ Портичи. Андрей Яковле-

вичъ укладываетъ свою библіотеку для пересылки ея въ Царьградъ. Я имѣлъ честь быть съ годъ вашимъ библіотекаремъ, а потому и въ состояніи ему помогать; но, признаться, трудно возиться съ Арабскими, Персидскими, Греческими и тому подобными книгами. Онъ началъ учиться по-турецки, и я увѣренъ, что, пріѣхавъ въ Царьградъ, будетъ ужъ понимать сей языкъ. Знаете, кто учитель его? Монахъ, родной братъ du chevalier d'Osson, написавшаго что-то о Турціи.

Я получилъ на сихъ дняхъ треть своего жалованья. Я имъ обязанъ, конечно, не своимъ, но вашимъ заслугамъ и отеческому попеченію. Вы мнѣ не откажете и не будете меня бранить за нѣкоторые гостинцы, которые къ вамъ посылаю. Меня все сіе не только не разорило, но даже мало очень стоило; одна только мозаика, которую я купилъ во время проѣзда моего черезъ Римъ, заплачена 8 черв. Голландскихъ; прочее все мелочь здѣшняя, но въ Россіи большой цѣны и рѣдко. Впрочемъ, прилагаю вамъ при семъ всему обстоятельный реестръ, цѣну, описаніе и расписаніе кому что̀ отдать, ибо не забылъ и тетушку и пр. Я было хотѣлъ писать ей; но вдругъ велѣли курьеру готовиться, и я, видя, что не успѣю кончить своего пакета, оставилъ оный. Курьеръ долженъ былъ здѣсь остаться до отъѣзда Андрея Яковлевича; но онъ, желая угодить королевѣ и избавить ее отъ посылки курьера въ Петербургъ, предложилъ ей воспользоваться нашимъ фельдъегеремъ.

*

Неаполь, Октября 21 (Ноября 2 дня) 1802.

Вы спрашиваете, какое посадить дерево на имя мое? Оставляю на ваше благоразсмотрѣніе. Скажу только, что простая береза въ вашемъ саду несравненно болѣе принесетъ мнѣ удовольствія, нежели всѣ кипарисы, кедры и пальмы въ здѣшнемъ королевскомъ саду и всей Италіи, а ежели хотите дерево изъ Италіи, то позвольте мнѣ онымъ быть: ему садъ вашъ будетъ рай земной, а здѣсь оно, не смотря на сильные дожди, которые падаютъ, не можетъ освѣжиться. Вы изволили меня записать въ Калмыки; но я, право, въ оные не просился, по крайней мѣрѣ не думалъ о томъ; ибо, право, очень чувствую, что молоко пріятно, когда есть своя коровка; но есть животныя, которыя требуютъ молока, вмѣсто того, чтобы оное давать. Ежели не ошибаюсь, то ваши 7 Англичанъ въ семъ числѣ. Они, мнѣ кажется, не заслуживаютъ инвалиднаго содержанія: молоды, крѣпки; а одна кампанія, которую они сдѣлали въ село Никольское, не могла ихъ столь изувѣчить. Но на милость образца нѣтъ. Ихъ въ деревнѣ расковали, и они за ваше здоровье по полю прыгаютъ. Не годятся ли они къ тетуш-

кину заводу? Но полно объ нихъ. Мнѣ братъ пишетъ, что Татищевъ въ Москвѣ. Можетъ быть, видѣлись вы съ нимъ гдѣ-нибудь и имѣли случай поговорить. Впрочемъ, я вѣрно все употреблю, чтобъ ему понравиться. Я видалъ его часто у князя Куракина, онъ видѣлъ отмѣнное князя съ нами обхожденіе и не счелъ насъ слѣдственно за какихъ-либо повѣсъ; притомъ мать его, сестры и вся родня очень ласково съ нами обходились. Я очень радъ, что Гагаринъ будетъ къ намъ; онъ малый очень смирный, хорошій и не глупъ. Вы говорите мнѣ о Фастѣ; я не только успѣлъ его видѣть, но и обнять; но я давно поплакалъ уже объ отъѣздѣ его; желаю всѣмъ сердцемъ отплатить ему визитъ его. Ему въ Вѣнѣ вѣрно не скучно съ столь хорошими ребятами, какъ Тургеневъ, Гагаринъ и пр. Я сего совсѣмъ лишенъ. Пиніемъ я доволенъ; но сердце къ нему не клонится: все какъ то не свой братъ Русскій. Вы не можете себѣ, батюшка, вообразить, сколь для меня больно говорить столь рѣдко на своемъ языкѣ, а сіе одно заставляетъ меня иной разъ жалѣть о Евсеѣ. Послѣ отъѣзда князя Гагарина я очень часто и почти всегда дома, ежели не у министра; у Скавронской и Леонтьева бываю рѣдко. Я бы пропалъ со скуки, ежели бы не находилъ чѣмъ заниматься. Съ симъ новымъ мѣсяцемъ начнутся новыя упражненія. Всѣхъ учителей я не въ состояніи теперь имѣть. Мы живемъ въ концѣ города, и они требуютъ ровно вдвое, дабы имѣть чѣмъ платить за экипажъ, который по отдаленности принуждены панимать. И такъ, до пріѣзда Татищева я только начну по-англински, и на сихъ дняхъ возьму первый урокъ; тамъ увидимъ.

Сардинскій король получилъ отъ Бонапарте повелѣніе оставить Римъ въ непродолжительномъ времени. Вотъ что̀ за вѣрное по крайней мѣрѣ утверждаютъ; не знаютъ еще, какой городъ будетъ избранъ королемъ для пребыванія его. Прошедшее Воскресеніе былъ опять во дворцѣ въ Портичи или, лучше сказать, въ близъ лежащемъ отъ онаго королевскомъ замкѣ, называемомъ Favorita, большой балъ. Я не могъ тамъ быть, ибо наканунѣ занемогъ маленькою лихорадкою, которую черезъ два дня прогналъ голодомъ. Перемѣна времени сему причиною, и я вижу, что всѣ наши сему подвержены. У насъ сильный вѣтеръ и дожди, вотъ и зима здѣшняя. Говорятъ о перемѣнѣ въ Коллегіи нашей и что графъ А. Р. Воронцовъ назначенъ канцлеромъ.

*

Неаполь, Ноября 8 (20) дня 1802.

Теперь лучшее время взяться за ученіе; я ужъ началъ учиться по-англински, платя по 6 дукатовъ (6 р. серебромъ) за мѣсяцъ; учитель будетъ ходить три раза въ недѣлю; мнѣ это кажется очень недорого, тѣмъ болѣе, что онъ первый по Неаполю. Хочется мнѣ приняться также за музыку, а еще болѣе за рисованіе, и сіе желаніе возбуждается во мнѣ всякой разъ, что гляжу изъ моего окна, изъ коего видъ безподобенъ. Желаніе украсить вашъ кабинетъ Неапольскими видами моей работы увеличиваетъ во мнѣ охоту учиться живописи. Здѣсь же есть одинъ родъ весьма легкій для пейзажевъ, а сія работа идетъ притомъ весьма скоро. Ежели всѣ учители столь дешевы, то мнѣ можно будетъ себя удовольствовать во всемъ.

На прошлой недѣлѣ пріѣхалъ сюда Англинскій 38-ми пушечный фрегатъ, который повезетъ на сихъ дняхъ г. Италинскаго въ Царьградъ. Третьяго дня имѣлъ я съ нимъ длинный разговоръ; онъ повторилъ мнѣ желаніе свое имѣть меня при себѣ въ новой своей миссіи, говоря, что большая часть бывшихъ при Тамарѣ отправляется съ нимъ въ Россію. Вотъ что̀ онъ мнѣ сказалъ: «Какъ цѣль ваша не есть умереть какимъ нибудь совѣтникомъ, но быть со временемъ то, что̀ былъ вашъ батюшка, слѣдовательно должны искать случая отличиться. Вы оный съ трудомъ найдете здѣсь, ибо по дѣламъ могли видѣть, что связь наша съ здѣшнимъ дворомъ не столь велика: доказательство тому, что даютъ здѣшній постъ молодымъ людямъ, не занимавшимъ прежде министерскихъ мѣстъ и пр.; въ Царьградѣ же смежность земель, торговля, всякій счастливый оборотъ и даже несчастное обстоятельство дастъ поводъ отличиться и случай къ произвожденію. Я могу васъ увѣрить, что, видя въ васъ охоту, мнѣ пріятно будетъ васъ имѣть при себѣ и предупреждаю, что въ Царьградѣ много будетъ работы.» Вотъ, любезный батюшка, выгоды быть въ Константинополѣ. Здѣсь выигрываю я вотъ что̀: ежели Пини перейдетъ въ новую миссію, то надѣюсь занимать одинъ мѣсто канцелярскаго служителя и получать жалованье, теперь между мною и имъ раздѣляемое, какъ оное сдѣлалось съ братомъ его при миссіи князя Гагарина. Совѣтникъ или, лучше сказать, секретарь посольства г. Леонтьевъ въ будущую весну оставляетъ Неаполь, коего климатъ вреденъ здоровью его жены; очень можетъ случиться, что мнѣ дадутъ сіе мѣсто по праву старшинства, особливо ежели Татищевъ обо мнѣ будетъ интересоваться возлѣ графа Алекс. Роман., который ему дядя; а я вѣрно всѣ приложу силы сдѣлаться того достойнымъ. А попавъ разъ въ сіе мѣсто, нельзя меня будетъ переве-

сти къ другой миссіи не на томъ же основаніи. Для отправленія сей должности одна только можетъ быть для меня трудность—министеріальныя ноты, которыя всегда пишуть на Итальянскомъ языкѣ; но для изученія его имѣю я довольно еще времени. Вотъ, любезный батюшка, перспективы мои въ Неаполѣ и Царьградѣ. Напомнить вамъ нѣкоторое намѣреваемое путешествіе или сказать, куда клонятся мои желанія, есть тоже. Еще забылъ я вамъ сказать: я не просилъ министра писать обо мнѣ, зная, что онъ ужъ просилъ за Пинія; я не хотѣлъ принудить его, можетъ быть, дать мнѣ отказъ, въ боязни докучать министерству частыми просьбами; но ежели бы *мнѣ* пришлось просить, я могу на него сослаться. Пини ничего по сю пору о себѣ не знаетъ, и ежели его не переведуть, то стало быть и хорошо сдѣлали мы не проситься. Теперь, все вамъ разсказавъ, батюшка, какъ есть, предаю волѣ вашей. Кто можетъ мнѣ дать лучшій совѣтъ, какъ тотъ, который былъ двадцать лѣтъ моимъ благодѣтелемъ и безъ котораго воли я не сдѣлаю никогда шагу? Увидимъ, какъ пойдетъ съ Татищевымъ, а г. Италинскій имѣлъ вчера прощальную аудіенцію; но королева кромѣ того велѣла его пригласить быть къ ней въ назначенный день для приватнаго прощанія. Въ отсутствіе его до прибытія министра остается повѣреннымъ въ дѣлахъ г-нъ Леонтьевъ; его жена, m-elle Кюск(?), говоритъ, что вы часто ѣзжали къ ея матери; она сестра Пестельши, и мужъ и жена прелюбезные и добрые люди. Вашъ сынъ Александръ будетъ секретаремъ по старшинству; но вамъ извѣстно, что я и прежде правилъ сію должность съ Пиніемъ, всякой по своей части, ибо Свѣчинъ даже и въ канцелярію не ходилъ. Въ прошедшую недѣлю поѣхалъ онъ въ Римъ, а оттуда отправится черезъ Вѣну въ Россію. Говорятъ, что въ Римѣ на мѣсто Кассинія будетъ министръ.

Сюда пріѣхала зимовать княгиня Лобанова, князя Якова Ивановича жена; я былъ у нея вчера; нахожу что она потолстѣла; пріѣхала она нездорова. Я спросилъ, есть ли ей легче? Она отвѣчала, что чувствуетъ себя лучше съ тѣхъ поръ, что перешла въ спальню, которая гораздо теплѣе прежней. Разсудите, ежели такъ говоритъ въ Италіи; что̀ скажетъ она, когда возвратится въ Россію?

Есть здѣсь сочиненіе: Storia del' anno 1794, 95, 96... до 1801, заключающее всѣ достопамятныя происшествія Европы въ сіи разныя времена. Мнѣ хочется оное начать переводить, но по-французски, ибо скорѣе кончится; потому что легче съ Итальянскаго на Французское, нежели на Русское переводить. Г-нъ Италинскій внушилъ мнѣ сіе желаніе. 17 томовъ (хотя и не толстыхъ, которые составятъ томовъ 7—8, какъ Всемірный Путешествователь) меня пугаютъ нѣсколько. Что̀ вы

на это скажете, любезный батюшка? Можно бы частію наградить брата и Тургенева; а книга стоитъ перевода; впрочемъ есть подробности и мелочи въ разсужденіи Италіи, которыя можно выкинуть. Какъ рѣчь зашла о книгахъ, то скажу вамъ, что продаются здѣсь 1) Les Antiquités d'Herculanum, 9 vol. folio, прекрасное изданіе, виньеты и истолкованіе, печатано здѣсь дворомъ; каждый томъ стоитъ 9 дукатовъ (9 р. серебромъ), что̀ очень дешево, ради красоты изданія. 2) Collection des vases étrusques dessinée par Tischbein; истолкованіе древнихъ изображеній на вазахъ сдѣлалъ г. Италинскій, которому много стоило это трудовъ. Я вамъ говорю о сихъ книгахъ на всякій случай и чтобъ извѣстны вамъ были цѣны. Коллекція стоитъ 9, а истолкованіе 3 дуката.

Теперь, перекрестясь, стану писать первую депешу къ новому канцлеру, которую мнѣ сейчасъ вручили.

Un Anglais, qui vient d'arriver de la Sicile, a apporté la nouvelle que cet île jouit du beau et terrible spectacle de l'erruption de l'Etna; il en a été témoin et est parti quand le volcan, cessant de fumer, a commencé à jetter des tourbillons de flammes, des pierres, des cendres, qui, si l'erruption est grande, parviennent dans les tems venteux jusqu'à Naples. Un ruisseau de lave coule du côté de la mer. Et toi, Vesuve, tu dors? Je voudrais bien voir une erruption, et beaucoup sont de mon avis. Mais je vois que les prières des pauvres habitans du Tor-del-Greco (petite ville située au pied du Vesuve) parviennent plutôt au ciel que celles de nous autres curieux. J'ai décacheté, mon cher papa, pour vous annoncer cette illumination. Я бы поставилъ въ Москвѣ въ Крещенскіе морозы Этну на какой-нибудь площади, только не въ Нѣмецкой слободѣ и не у Салтыкова моста. Я бы охотно теперь пошелъ на Этну, ежели бы могъ васъ оттуда видѣть. Простите еще разъ! Цѣлую ваши ручки. Этотъ годъ надобно будетъ жить безъ снѣгу и льда; а это бѣда въ здѣшнемъ климатѣ, гдѣ мороженое и хлѣбъ за одно почти почитается.

*

Неаполь, Ноября 10 (22) дня 1802 года.

Я вижу, что вы еще во мнѣ сумнѣваетесь: вы напоминаете мнѣ обязанности мои, а сіе дѣлаютъ только тѣмъ, которые ихъ забываютъ. Правда, что я впалъ нѣсколько въ погрѣшность молодыхъ людей, которые, живучи двадцать лѣтъ въ родительскомъ домѣ на всемъ готовомъ, оный потомъ оставляютъ и имѣютъ вдругъ, вмѣсто прежняго совершеннаго о всемъ безпечія, тысячу заботъ и попеченій объ особѣ своей, поступкахъ, знакомствахъ, связяхъ, издержкахъ и пр., а вмѣсто нѣжнаго отца и наставника, людей, которые только того и

ждутъ, какъ бы обмануть и что-нибудь сорвать. Я сіе не поставляю себѣ извиненіемъ, ибо былъ вами предостереженъ во всемъ; но я до того не дошелъ, чтобы себя разстроить. Впрочемъ божусь вамъ, любезный батюшка, что сто разъ предпочту нуждаться, нежели огорчить васъ, доставляя себѣ что-либо посредствомъ долговъ, коихъ вы мнѣ столь часто повторяли избѣгать. Впрочемъ была ли на меня когда-либо малѣйшая жалоба въ разсужденіи сего? Оставляя Вильну и Москву, не требовалъ я у васъ ничего на заплату какого-нибудь долга; и здѣсь, не долженъ будучи ни копейки, я бы долженъ читать письмо ваше съ равнодушіемъ и даже съ удовольствіемъ; но я столь отъ сего далекъ, что съ великимъ нетерпѣніемъ жду будущее ваше письмо, которое меня можетъ успокоить. Подозрѣніе ваше одно, которое меня столь трогаетъ, должно вамъ быть доказательствомъ, что оно никогда не оправдается.

P.S. Теперь я буду первая особа послѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Вамъ есть чѣмъ величаться. Прошу милостиво извинить сіе хвастовство; но мнѣ, право, пріятно говорить вамъ все, что думаю. Письмо писано скоро, и не знаю, успѣю ли пробѣжать оное. И такъ, не прогнѣвайтесь, ежели вторая особа при Неапольской миссіи ошиблась въ чемъ-нибудь.

*

Неаполь, 24 Ноября (6 Декабря) 1802 г.

Благодарю васъ, любезный батюшка, за намѣреніе ваше поговорить обо мнѣ съ Татищевымъ. Я какъ будто имѣлъ предчувствіе, что онъ нѣкогда будетъ моимъ начальникомъ, ибо гдѣ его ни встрѣчалъ, всегда отмѣнную ему оказывалъ учтивость. Впрочемъ я не думаю, чтобы онъ могъ отказать благосклонность свою человѣку, который всѣ свои силы употребитъ, чтобы ее снискать. По стараніямъ, которыя прилагалъ г. Италинскій къ моему, такъ сказать, дипломатическому воспитанію, я предстану предъ Татищевымъ уже не новичкомъ и ручаюсь вамъ заранѣе, что онъ будетъ мною доволенъ. Я вамъ писалъ о перспективѣ моей въ Неаполѣ, которая есть занять мѣсто г. Леонтьева, который въ будущемъ Маѣ думаетъ оставить постъ свой, дабы возвратиться въ Россію; оное можетъ сдѣлаться, ежели Т. только захочетъ; а чтобы онъ оное захотѣлъ, буду стараться всѣми силами. Сей шагъ былъ бы хорошъ и сдѣлалъ бы основаніе твердое службѣ моей. Богъ милостивъ!

Вы изволите говорить, что полагаете нравоученія ваши для меня ненужными. Хотя сіе меня и льститъ и очень радуетъ; но я васъ прошу оныя мнѣ повторять иной разъ, ибо они великое дѣлаютъ во мнѣ

впечатлѣніе и побуждаютъ меня еще болѣе хорошо себя вести. Что̀ касается до денегъ, то болѣе объ нихъ не упоминайте: я ужъ сытъ вашими упреками и, право, ихъ болѣе никогда не заслужу; я взялъ въ томъ твердое намѣреніе и никогда вамъ, любезный батюшка, не дамъ повода къ неудовольствію съ сей стороны или съ другой какой-либо. Прошу вашу ручку, которую въ залогъ сего цѣлую отъ всей души.

Поклонъ мой князю В. А. Хованскому и прекрасной его пѣвицѣ; скоро надѣюсь прислать ей другую арію; княжнѣ Софьѣ также что нибудь отъ меня извольте сказать. Поздравляю васъ съ сосѣдствомъ Французской трупы, которая будетъ съ садомъ вашимъ доставлять вамъ отраду.

Съ тѣхъ поръ, что нѣтъ Гагариныхъ, возбудилось во мнѣ сильное желаніе быть все дома и работать, и въ истинѣ сего беру въ свидѣтели весь Неаполь. Графиня Скавронская сказала мнѣ: я напишу батюшкѣ твоему, что ты меня оставилъ и дѣлаешься мизантропомъ. Но ее мудрено удовольствовать, ибо требуетъ, чтобъ я всякой Божій день у нея бывалъ. Здѣсь совсѣмъ нѣтъ книгъ для чтенія. Мнѣ попался на улицѣ томъ Вольтера, которому столь обрадовался, что знаю почти наизустъ. Диксіонеры также очень рѣдки, и я не могу нарадоваться, что къ счастію взялъ съ собою Французской и Русской лексиконъ. Послѣ уѣхавшаго нашего Свѣчина купилъ я Троца и много Нѣмецкихъ книгъ, путешествій, всеобщую исторію и пр.; есть чѣмъ помнить Нѣмецкій языкъ, къ которому я столь сильно привязанъ.

У меня возобновилась здѣсь моя Петербургская глазная болѣзнь. Я думалъ, что все само собою пройдетъ; но наконецъ принужденъ былъ по всеобщему совѣту поставить въ затылкѣ Шпанскую муху, которая чрезвычайно много вытянула мокроты и много мнѣ сдѣлала добра не только глазамъ, но и глухому уху. Слава Богу, что все прошло и что я могу вмѣстѣ извѣстить васъ и о болѣзни и о выздоровленіи. Я бы даже не упомянулъ сего, ежели бы оно не служило къ оправданію меня передъ вами, любезный батюшка, ибо нѣсколько почтъ вамъ не писалъ.

Наша миссія умножилась пріѣхавшимъ сюда недавно изъ Парижа титулярнымъ совѣтникомъ Рихтеромъ, причисленнымъ къ намъ сверхъ штата; но мы къ удивленію нашему не имѣемъ объ немъ никакого изъ Коллегіи сообщенія. Онъ кажется очень смирный и хорошій малый и увѣряетъ, что Парижъ не только не можетъ развратить порядочнаго человѣка, но напротивъ того придаетъ ему ума. Его отецъ губерн.

гражд. въ Ригѣ, а онъ самъ хорошій музыкантъ и пѣвецъ. Надѣюсь, что онъ мнѣ будетъ хорошій товарищъ; но болѣе всего жду Гагарина, котораго я очень знаю за прелюбезнаго малаго.

Неаполь населяется множествомъ Англичанъ и дамъ. Третьяго дня была у графини Питова племянница и богатый лордъ Беверлей съ фамиліею. Ждутъ сюда на сихъ дняхъ Англичанку, которая столь прекрасна, что принуждена всегда быть покрытою d'un voile: безъ сей предосторожности всѣ за нею бѣгаютъ и останавливаются, чтобы на нее смотрѣть.

Дворъ переѣхалъ въ Казерту; но говорятъ, что на карнавалъ будетъ въ городъ и дастъ большой балъ.

А. Н. КРЕНИЦЫНЪ.

Въ 6-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“, 1898 года въ статьѣ „Четверостишіе А. С. Пушкина къ портрету П. Х. Молоствова“, встрѣчается упоминаніе о родномъ моемъ дядѣ, А. Н. Креницынѣ. При этомъ говорится, будто Креницынъ былъ одно время высланъ за границу, но потомъ прощенъ и жилъ *безвыѣздно* у себя въ имѣніи Псковской губерніи, *Лужскаго* уѣзда“.

Въ виду нѣкоторой неточности, вкравшейся въ это сообщеніе, нелишними будутъ нижеслѣдующія свѣдѣнія.

Александръ Николаевичъ Креницынъ родился 5 Марта 1801 года. Воспитывался онъ сначала въ первой Петербургской Гимназіи, гдѣ товарищемъ его былъ князь А. М. Горчаковъ (до поступленія въ Лицей). Въ Сентябрѣ 1812 г. Креницынъ перешелъ въ Пажескій Корпусъ. Здѣсь его товарищами были К. В. Чевкинъ, Я. И. Ростовцовъ, Е. А. Баратынскій, А. Л. Философовъ и др. Съ Ростовцовымъ и Баратынскимъ А. Н. Креницынъ былъ связанъ узами тѣснѣйшей дружбы, которая не прекращалась до самой смерти того и другого. Будучи пажемъ, Креницынъ сталъ писать стихи. Сыновья извѣстнаго силача Лукина познакомили его съ А. А. Бестужевымъ, тогда юнкеромъ лейбъ-драгунскаго полка. Бестужевъ поощрялъ поэтическій талантъ Креницына [1]). Съ Баратынскимъ, сердечнымъ другомъ своимъ, Александръ Николаевичъ обмѣнивался посланіями. Въ „Сынѣ Отечества“ 1819 г. (ч. 55, стр. 181, № 6) напечатано слѣдующее посланіе Баратынскаго къ А. Н. Креницыну [2]):

Къ Креницыну.

Товарищъ радостей младыхъ,
Которыя для насъ безвременно увяли,
Я свидѣлся съ тобою! Въ объятіяхъ твоихъ
Мнѣ дни минувшіе, какъ смутный сонъ, предстали:
О, милый! Я съ тобой когда-то счастливъ былъ!

---

[1]) Нѣкоторые стихи А. Н. Креницына были напечатаны: въ „Сынѣ Отечества“ 1819 г., и одно, въ томъ же году, отдѣльною брошюрою; нѣсколько стихотвореній помѣщено Креницынымъ въ журналѣ А. А. Воейкова „Славянинъ“, а одно стихотвореніе „Къ брату Б. Н. К.“ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1828 г.

[2]) Посланіе это не вошло въ собранія „Стихотвореній Баратынскаго“.

Гдѣ время прежнее, гдѣ прежнія мечтанья,
И живость дѣтскихъ чувствъ, и сладость упованья!
Все хладный опытъ истребилъ.
Узналъ-ли друга ты? Болѣзни и печали
Его состарили во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ;
Ужъ много слабостей тебѣ знакомыхъ пѣтъ,
Ужъ многія мечты ему чужими стали!
Разсудокъ тверже и вѣрнѣй,
Поступки, разговоръ скромнѣе.
Онъ осторожнѣй сталъ, быть можетъ, сталъ умнѣе,
Но, вѣрно, счастіемъ теперь стократъ бѣднѣй.
Не подражай ему; иди своей дорогой,
Живи для радости, для дружбы, для любви;
Цвѣтокъ нашелъ, скорѣй сорви:
Цвѣты прелестны лишь весною!
Когда разсѣянно, съ унынiемъ внимать
Я буду снамъ твоимъ о будущемъ, о счастьѣ,
Когда въ мечтахъ твоихъ не буду принимать,
Какъ прежде пылкое, сердечное участье,
Не сѣтуй на меня, о другѣ пожалѣй.
Все можно возвратить—мечтанья невозвратны!
Такъ, были нѣкогда и мнѣ они пріятны,
Но быстро скрылись отъ очей.
Я легковѣренъ былъ: надежда, наслажденье
Меня съ улыбкою манили въ темну даль,
Найти я радость мнилъ—нашелъ одну печаль,
И сердцу милое исчезло заблужденье.
Но для чего грустить? Мой другъ еще со мной,
Я не всего лишенъ судьбой ожесточенной.
О, дружба нѣжная, останься неизмѣнной;
Пусть будетъ прочее мечтой!

Евгенiй Баратынскiй

Въ томъ же 1819 году „Сына Отечества“ (№ XXXVI, стр. 137—138) было напечатано нижеприводимое стихотвореніе А. Н. Креницына. Но прежде чѣмъ его привести, надо сказать нѣсколько словъ. Креницынъ, въ бытность еще пажемъ, рано заявилъ свое поэтическое дарованіе. Мы уже говорили, что одна изъ звѣздъ литературной критики 1820-хъ годовъ, благородный и глубоко сочувствовавшій интересамъ родной словесности А. А. Бестужевъ рано замѣтилъ талантъ Креницына и поощрялъ его. Нѣсколько стихотвореній поэта-пажа ходили по рукамъ, въ рукописныхъ спискахъ; но особенный говоръ возбудило бойкое, юмористическое его стихотвореніе: „Панскій бульваръ“, въ которомъ онъ зло и умно осмѣивалъ недостатки многихъ лицъ, въ томъ числѣ довольно высоко стоявшихъ на іерархической

лѣстницѣ чиновъ... Противъ поэта поднялась гроза; хотѣли исключить его изъ Пажескаго корпуса, бранили, преслѣдовали, и молодой человѣкъ, выведенный изъ себя, отвѣчалъ сильнымъ и смѣлымъ стихотвореніемъ, которое и было напечатано въ томъ же 1819 году. Вотъ оно:

Къ врагамъ.

Враги ничтожные моей правдивой Музы!
Мой геній оковать не въ силахъ ваши узы.
Бичемъ я буду злыхъ, доколѣ злые есть:
Правдивымъ быть велитъ, коль не разсудокъ, честь!
Пусть гнусные льстецы вамъ похвалы сплетаютъ;
Пускай въ смиреніи святымъ уподобляютъ,
Пусть гимны вамъ поютъ; но я, я не таковъ!
Косой взглядъ мудраго страшнѣе мнѣ враговъ;
При видѣ подлеца не сохраню молчанья,
Лесть—въ краску приведу, распутство—въ содроганье!
Долгъ благородныхъ душъ—порокъ изобличать,
Личину честности съ безчестнаго срывать.
Виновенъ-ли я въ томъ, что злымъ кажусь невѣждѣ,
Что добродѣтель чту, не кланяясь одеждѣ?
Я прославлять съ пеленъ одно добро привыкъ;
Что̀ сердце чувствуетъ, не скроетъ то языкъ!
Гоните же меня, гоните клеветами,
Глупцы! Я тѣмъ горжусь, что ненавидимъ вами.

А. Креницынъ.

„Радости молодости“ для Баратынскаго и Креницына „безвременно увяли“: въ 1817 году, какъ извѣстно, Баратынскій былъ разжалованъ въ солдаты и находился тогда въ Финляндіи; вскорѣ послѣ того, а именно въ Апрѣлѣ 1820 года *), и молодой поэтъ Креницынъ также разжалованъ въ рядовые и опредѣленъ въ 18-й Егерскій полкъ, въ 9-ю дивизію 3-го корпуса. Причина несчастія, постигшаго Креницына, заключалась въ вспыльчивости и горячности молодого человѣка; горячность вовлекла его въ тяжкое оскорбленіе одного изъ гувернеровъ, за что и пришлось ему поплатиться трехлѣтней службой въ нижнихъ чинахъ. Въ 1823 году онъ произведенъ въ прапорщики, и затѣмъ только въ 1828 году удалось ему выпроситься въ отставку. Онъ уволенъ подпоручикомъ арміи.

По выходѣ въ отставку Креницынъ поселился въ своемъ красивомъ имѣніи Мишневѣ, близъ Петербургской большой дороги, *въ Великолуцкомъ уѣздѣ*, Псковской губерніи. А. С. Пушкинъ и дядя мой были сосѣдями по имѣніямъ и посѣщали другъ друга. Въ 1837 году Креницынъ былъ на панихидѣ по Пушкинѣ и провожалъ колесницу, увозившую останки поэта

*) Т.-е. почти въ тоже время, какъ сосланъ былъ и Пушкинъ. П. Б.

въ Святыя Горы. Нѣсколько дней спустя по кончинѣ Пушкина, сестра его, Наталья Николаевна, попросила у него стиховъ въ альбомъ. Вотъ что отвѣчалъ Креницынъ:

Нѣтъ! Не до пѣсенъ мнѣ, сестра,
Когда поэтъ, кумиръ народный,
Еще подъ лаврами вчера,
Увы! сегодня трупъ холодный.

*

Могу ль я слезы удержать,
Пѣвца Полтавы вспоминая?
И какъ не плакать, не рыдать,
Когда рыдаетъ Русь Святая?

*

О, сколько сладостныхъ надеждъ,
И думъ завѣтныхъ, и видѣній,
На радость сильныхъ и невѣждъ,
Ты въ гробъ унесъ, могучій геній!

*

Во мракѣ ссылки былъ онъ твердъ,
На лонѣ счастья—благороденъ,
Съ временщикомъ и смѣлъ, и гордъ,
. . . . . .

*

Такъ, Пушкинъ, именемъ твоимъ
Гордиться вѣчно Русскій будетъ!
Кого жъ теперь мы слѣпо чтимъ,
Потомство скоро позабудетъ.

*

И кто жъ убійца твой? Пришлецъ,
Барона пажикъ развращенный,
Порока жалкій первенецъ,
Французъ продажный и презрѣнный! *).

*

Да будетъ проклятъ сей Французъ,
Да будетъ проклятъ мигъ кровавый,
Который насъ лишилъ и Музъ,
И лучшей радости, и славы!

*

И пѣтъ его! Въ могилѣ онъ!
Ужъ нѣтъ народнаго кумира,
Поэта непробуденъ сонъ,
Замолкла пламенная лира!

С.-Петербургъ, 10-го Февраля 1837 г.

---

*) Дантесъ-Геккернъ, сенаторъ при Наполеонѣ Ш-мъ (имѣвшемъ наглость выбрать его для посылки письма своего въ Берлинъ къ императору Николаю Павловичу), скончался 84 лѣтъ отъ роду, въ Сультцѣ (въ Эльзасѣ), 24 Октября 1895 года стараго стиля Отъ брака съ Екатериной Николаевной Гончаровой († 1844), старшею сестрою жены А. С. Пушкина, имѣлъ онъ сына и двухъ дочерей. Нѣкоторые Русскіе продолжали съ нимъ знакомство. И. С. Тургеневъ намъ сказывалъ, что познакомился съ нимъ на обѣдѣ у нашего посла, графа П. Д. Киселева, посадившаго ихъ рядомъ. Дантесъ-Геккернъ былъ въ нашей Парижской церкви на отпѣваніи И. С. Тургенева. П. Б.

Поселись въ деревнѣ, Креницынъ весь отдался чтенію книгъ. Изъ-за границы, куда онъ часто ѣздилъ, Александръ Николаевичъ привозилъ въ свое Мишнево много книгъ, гравюръ, эстамповъ, литографій и различныхъ рѣдкостей. Только изрѣдка А. Н. Креницынъ сѣдлалъ своего Пегаса; но и то, чуждый авторскаго самолюбія, не печаталъ своихъ живыхъ и остроумныхъ посланій и эпиграмъ, которыя однако быстро расходились въ спискахъ въ средѣ знакомыхъ и друзей „Мишневскаго пустынника“. Въ Мишневѣ у дяди была многотомная библіотека, гдѣ хранилось много интересныхъ рукописей, замѣтокъ и брошюръ на иностранныхъ языкахъ, главнымъ образомъ по исторіи вообще и по исторіи Россіи и Франціи въ особенности. Съ 1829 года ежегодно выписывалъ онъ до 30 газетъ и журналовъ. Все это сокровище было передано М. И. Семевскому въ одинъ изъ его пріѣздовъ въ Мишнево, послѣ смерти дяди, послѣдовавшей въ 1865 году, его наслѣдникомъ Закржевскимъ.

Москва, 25 Іюня 1898 г.

Генералъ-лейтенантъ Николай Владимировичъ Креницынъ.

ЧТО ТАКОЕ РЫСКАМОРА И КИКАМОРА.

(Къ стр. 280-й).

Слово „рыскамора“ есть ничто иное, какъ „Rüstkammer“ (припомните: „sich rüsten, Rüstung“) и здѣсь обозначаетъ кладовую для оружія. Вообще же „Rüstkammer“ обозначаетъ комнату, гдѣ собрано все, что́ нужно для снаряженія человѣка на какое-либо дѣло, напр. на войну, на путешествіе, на выходъ на сцену для актера и т. д. Это слово употребляется даже и относительно ученыхъ, напримѣръ химиковъ, докторовъ и т. п., когда „Rüstkammer“-ой называютъ складъ ихъ химическихъ, анатомическихъ и т. д. препаратовъ. Слово же „кикамора“ я не могу объяснить, хотя подозрѣваю, что тутъ ключъ таится въ глаголѣ „kiecken“, gucken, т.-е. „высматривать“. Но была ли это *комната, изъ которой наблюдали за кѣмъ или чѣмъ-либо*, или же это была тоже *кладовая, гдѣ хранилось все достойное внимательнаго разсмотрѣнія*—не знаю.

А. С.

«ГОРЕ ОТЪ УМА» ВЪ ПЕРМСКОЙ МЕЖЕВОЙ КОНТОРѢ *).

29 Сентября 1831 года старшій землемѣръ титулярный совѣтникъ Мельниковъ, землемѣръ Ивановъ и дневальный Михайловъ подошли къ столу директорскому въ чертежной комнатѣ, и притомъ усмотрѣли на столѣ лежавшій на двухъ листахъ написанный собственный экземпляръ Кудрявцева руки, какіе-то стихи. Но какъ по содержанію ихъ можно почесть за пасквиль, а если и не таковымъ, то по крайней мѣрѣ сіи партикулярныя и безполезныя бумаги при должности писать или ихъ въ присутственномъ мѣстѣ оставлять законами воспрещено. Вслѣдствіе онаго онъ Мельниковъ поставилъ себѣ въ обязанность означенныя бумаги, давъ подписать дежурному Яковлеву и дневальному Михайлову, нынѣ въ оригиналѣ Конторѣ представить и просилъ взять, какъ поступокъ землемѣра Кудрявцева, равно и смыслъ сочиненныхъ имъ стиховъ, на разсмотрѣніе; ибо они, по мнѣнію его (Мельникова) въ законопротивномъ духѣ писаны на нѣкоторыя государственныя *заведенія* и составляютъ упрекъ педаготическому (sic) инструменту. Съ тѣмъ вмѣстѣ Контору проситъ о томъ, какъ до свѣдѣнія его дошло, что многіе дежурные въ Чертежной Конторѣ очереди свои замѣняютъ не сами лично, а чрезъ наемъ, или иные условясь съ другими чиновниками, то, дабы прекратить таковые безпорядки, приказано было по дошедшей очереди каждому, самому за себя дежурить лично, а въ случаѣ пропущенія за болѣзнью по выходѣ къ должности задерживать свою пропущенную очередь.

Изъ листовъ же, взятыхъ имъ Мельниковымъ, въ Чертежной на директорскомъ столѣ, писанныхъ рукою Кудрявцева, видно. „*Фамусовъ*: Ну вотъ великая бѣда, что выпьетъ лишнее мужчина; ученье — вотъ чума, ученость — вотъ причина, что нынче пуще, чѣмъ когда, безумныхъ развелось людей, и дѣлъ и мнѣній. *Хлестова*: И вирямь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ, какъ бишь ихъ звать? ланкарточныхъ взаимныхъ обученій. *Княгиня*: Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ, педаготическимъ, какъ кажется, зовутъ, тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣріи профессора! У нихъ учился нашъ родня и вышелъ хоть сейчасъ въ аптеку въ подмастерье. Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня, чиновъ не хочетъ знать; онъ химикъ, онъ ботаникъ, князь Ѳедоръ мой племянникъ. *Ска-*

*) Извлечено изъ архива Московской Межевой Канцеляріи, дѣло № 4509, картонъ 32-й. Началось 23 Октября 1831, рѣшено 5 Октября 1833.

лозубъ: Я васъ обрадую, всеобщая молва, что есть проэктъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій; тамъ будутъ лишь учить по нашему разъ-два, а книги сохранять такъ для большихъ оказій. *Фамусовъ*: Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ, ужъ коли зло пресѣчь, забрать всѣ книги бы, да сжечь. *Загорѣцкій*: Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь, а еслибъ, между нами, былъ цензоромъ назначенъ я, на басни бы налегъ. Ахъ Боже, смерть моя, насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами; какъ что ни говори, они, хоть и животныя, а все-таки цари. *Хлестова*: Отцы мои, ужъ кто въ умѣ разстроенъ, тамъ все равно отъ книгъ-ли отъ письма-ль, а Чацкаго мнѣ жаль, по христіански такъ онъ жалости достоинъ. Былъ добрый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три. *Фамусовъ*: четыре! *Хлестова*: Три сударь. *Фамусовъ*: четыреста. *Хлестова*: Нѣтъ триста: *Фамусовъ* въ моемъ календарѣ... *Хлестова*—все врутъ календари".

На что Контора резолюціею своею того же числа заключила предписать землемѣру Кудрявцеву указомъ и велѣть подать въ сію Контору, не продолжая, болѣе одного дня, объясненіе въ томъ: 1) Въ какомъ случаѣ опредѣляетъ онъ, будто бы ученіе есть чума и причина, что нынче пуще чѣмъ когда безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній, и изъ какихъ именно событіевъ, дѣлъ и мнѣніевъ онъ то заключаетъ. 2) Почему онъ себѣ дозволилъ, вопреки мудрому распоряженію правительства и всѣхъ здравомыслящихъ людей, что якобы „и вирамъ съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ", ибо всѣми благонамѣренными людьми утверждено, что они есть разсадникъ образованія, ума и нравственности, какъ благодѣтельное ланкарточное обученіе и занятіе упражняющихся въ географіи и прочихъ теоретическихъ наукахъ, служащихъ къ счастію благоучрежденнаго государства. 3) Кто его увѣрилъ, или съ какого повода онъ дерзнулъ написать, что въ педагогическомъ С.-Петербургскомъ институтѣ упражняются въ расколахъ и безвѣріи профессора, и говоритъ то тогда, когда небезъизвѣстно ему, что въ педагогическомъ институтѣ воспитывались начальникъ его членъ Прутковскій и второй Корбеленкій, и на какую онъ родню указываетъ, что будто бы вышедъ изъ онаго можетъ быть подмастерьемъ въ аптекѣ, ибо въ оный поступаютъ только для окончанія высшихъ наукъ, и слѣдовательно таковымъ его выраженіемъ на чье лицо дѣлаетъ пасквильное порицаніе? 4) Въ семъ смыслѣ наводитъ сомнѣніе дальнѣйшее его описаніе. Того ради обязанъ онъ неоспоримыми объяснить доводами: А) гдѣ и какъ дошла до него всеобщая молва о таковомъ всеобщемъ разрушеніи учебныхъ заведеній, какъ онъ пишетъ, „что есть проектъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій, тамъ будутъ лишь учить по нашему разъ-два и книги сохранять такъ для большихъ оказій"; притомъ объяснить, какой въ себѣ заключаетъ смыслъ выраженіе „по нашему разъ-два". В) Какое онъ разумѣетъ зло, для пресѣченія коего потребно „забрать всѣ книги бы да сжечь". С) Съ какимъ намѣреніемъ онъ вложилъ въ уста нареченнаго имъ Загорѣцкаго, что „еслибъ былъ цензоромъ назначенъ, онъ на басни бы налегъ". Будто-бъ басни смерть его, ибо якобы „насмѣшки вѣчныя надъ львами надъ орлами, какъ что ни говори,

они, хоть и животныя, и все-таки царп“ и прочее, изражаемое чрезъ посредницу его наименованную имъ Хлестову. D) Чѣмъ онъ руководствовался при должности писать стихи, что̀ доказывается тѣмъ, ибо еще они не окончены, и для чего онъ то свое сочиненіе оставилъ при должности, не съ тѣмъ-ли намѣреніемъ, дабы внушить прочимъ его сослуживцамъ, о чемъ ему, Кудрявцеву, отъ 6-го числа Октября за № 1.651 предписано указомъ.

„Вслѣдствіе каковаго предписанія землемѣръ Кудрявцевъ рапортомъ, поданнымъ Ноября въ 7-е число, Конторѣ объяснилъ, что стихи такъ - называемые землемѣромъ Мельниковымъ и предъявленные присутствію сей Конторы, въ законопротивномъ духѣ имъ понятые, суть копія съ выписки, сочиненной г. Грибоѣдовымъ, какъ значилось на бумагѣ, съ которой они списаны. Оригиналъ таковыхъ найденъ былъ на дорогѣ, и какъ бумага была запачкана, такъ что кой-какъ можно было разбирать, то въ свободныя минуты въ квартирѣ онъ ихъ переписывалъ; они въ бумагахъ нечаянно занесены въ чертежную, и какъ онъ приводитъ себѣ на память, были отложены и здѣсь забыты, смѣетъ оправдывать ихъ: они не представляютъ пасквилей духа законопротивнаго и вольнаго, изображаютъ характеры непросвѣщенныхъ: для нихъ кажется ученье чумою. Другой судитъ—книги забрать, да сжечь и прочее. Вотъ все значеніе стиховъ. Они по видимому разговору не имѣютъ ни конца и ни начала. А симъ неоспоримо подтверждалъ и самую истину его объясненія“.

*

Московская Межевая Канцелярія, куда былъ препровожденъ рапортъ Пермской Межевой Конторы, выдержка изъ котораго приведена выше, не придала, къ чести ея, никакого значенія этому наивно-невѣжественному доносу и не нашла въ немъ основанія для того чтобы, какъ требовала Пермская Контора, исключить изъ службы Кудрявцева, переписывавшаго въ свободныя отъ служебныхъ занятій минуты найденный имъ на дорогѣ отрывокъ изъ *Горе отъ Ума*, нынѣ помѣщаемый во всѣхъ изданіяхъ безсмертной комедіи. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Князь Н. Шаховской.

ОБЪ АРХИМАНДРИТѢ ФОТІИ.

(Изъ семейныхъ разсказовъ).

У Фотія было пять двоюродныхъ братьевъ отъ родной сестры его матери. Старшему изъ нихъ онъ помогъ поступить въ село дьячкомъ, на мѣсто умершаго его отца. Другихъ двухъ онъ убѣдилъ впослѣдствіе поступить къ нему въ монастырь. Четвертаго, двѣнадцатилѣтняго мальчика онъ самовольно взялъ къ себѣ, не спросивъ согласія у матери его. Мальчикъ этотъ учился уже въ духовномъ училищѣ, и Фотій взялъ его изъ училища съ тою цѣлью, чтобъ избавить тетку свою отъ лишнихъ заботъ и издержекъ. Мальчикъ этотъ впослѣдствіи былъ преемникомъ Фотія, настоятелемъ Юрьевскаго монастыря. Пятому своему брату Фотій далъ возможность кончить курсъ въ Духовной Семинаріи и хотѣлъ было заманить въ свой монастырь, но не могъ этого сдѣлать, при всемъ своемъ желаніи.

Дѣло было такъ. По окончаніи курса, этотъ двоюродный братъ Фотія пришелъ къ нему погостить, какъ онъ это дѣлалъ и раньше. Въ это время Фотій сталъ настойчиво убѣждать его поступить въ монастырь. Братъ отговаривался тѣмъ, что онъ не готовъ еще къ жизни монашеской. Фотій взялъ его за руку, привелъ его въ свою моленную и, сказавъ ему: „нечего тебѣ объ этомъ думать много, а молись вотъ Богу“, заперъ его въ этой комнатѣ на ключъ и ушелъ. Чрезъ нѣсколько часовъ Фотій выпустилъ брата изъ моленной и спросилъ: „ну, что?“ Братъ, боясь раздражить Фотія, сказалъ ему, что онъ теперь согласенъ поступить въ монастырь, но прежде всего желаетъ съѣздить къ матери въ деревню, повидаться и проститься съ нею. Фотій спокойно его отпустилъ. Но онъ въ скоромъ времени нашелъ себѣ невѣсту, женился и былъ опредѣленъ священникомъ къ Спасо-Преображенской церкви въ Новгородѣ. Это было въ 1824 году.

Послѣ сего страннымъ можетъ казаться слѣдующее. Сестра этихъ братьевъ Фотія, когда ей было около 18 лѣтъ, пожелала поступить въ монастырь и пріѣхала къ Фотію за благословеніемъ. Фотій сталъ сильно отговаривать ее отъ монастыря, обѣщался найти ей хорошаго жениха изъ студентовъ семинаріи и выхлопотать ему хорошее священническое мѣсто. Но та упала Фотію въ ноги и со слезами умоляла его благословить ее въ монастырь. Фотій, видя ея непреклонность, далъ ей свое благословеніе, и она поступила послушницей въ Новгородскій Звѣриновъ монастырь. Увидя вскорѣ послѣ сего игуменью Звѣринова монастыря, Фотій просилъ ее подвергнуть сестру его самому тяжелому искусу, надѣясь чрезъ это заставить ее оставить монастырь. Такъ какъ Фотій пользовался большимъ уваженіемъ въ монастыряхъ Новгорода и окрестныхъ, то игуменья въ точности исполнила просьбу его и подъ строгимъ надзоромъ заставила сестру Фотія, кромѣ

неопустительнаго посѣщенія церковныхъ службъ и особыхъ молитвенныхъ стояній, исполнять всевозможныя монастырскія работы. Евѳимія нѣсколько времени все безропотно исполняла, но, наконецъ, у нея не достало болѣе силъ, и она тяжко заболѣла. Приняты были всѣ мѣры къ ея излѣченію, и она чрезъ нѣсколько времени совсѣмъ поправилась. Послѣ сего Фотій, призвавъ ее къ себѣ, сталъ опять убѣждать ее оставить монастырь, но та осталась попрежнему непреклонною. Тогда только Фотій оставилъ ее въ покоѣ и даже просилъ игуменью не отягощать ее впредъ монастырскими работами. Съ этихъ поръ Евѳимія окончательно поселилась въ монастырѣ, приняла постригъ и прожила въ немъ слишкомъ 60 лѣтъ. Фотій послужилъ для нея образцомъ въ жизни, которому она неуклонно слѣдовала.

Говорятъ, что Фотій широко пользовался деньгами графини Орловой лично для себя. Но это невѣрно. Фотій почти вовсе не тратилъ денегъ на себя, такъ какъ обстановка у него была самая обыкновенная; образъ жизни велъ онъ строгій и былъ настоящій постникъ. Извѣстно, что въ Великомъ посту онъ съѣдалъ въ день одну просфору обыкновенной величины. Его строгое воздержаніе и было причиной полнаго истощенія его организма, бывшаго всегда слабымъ и болѣзненнымъ. Все, что Фотій имѣлъ цѣннаго, подарено было ему графинею Орловой. Не тратя денегъ на себя, Фотій не тратилъ ихъ и на родныхъ, которымъ, правда помогалъ, но очень скудно. Если же онъ далъ старшей племянницѣ своей (дочери роднаго брата своего Евѳимія, бывшаго священникомъ Софійскаго собора въ Новгородѣ), въ приданое крупную сумму, 30 тысячъ ассигнаціями, то онъ далъ не свои деньги: это былъ подарокъ невѣстѣ отъ графини Орловой, только чрезъ Фотія ей переданный, хотя сдѣланный графинею, конечно, ради Фотія. Своихъ денегъ Фотій никогда не далъ бы столько. Да и графиня дала такую крупную сумму въ приданое потому только, что племянница Фотія, будучи дочерью священника, выходила за свѣтскаго человѣка, доктора, что было тогда большою рѣдкостью. Копить денегъ Фотій не имѣлъ привычки. Сколько осталось послѣ него денегъ, мы навѣрное не знаемъ; но думаемъ, что очень немного, такъ какъ хорошо помнимъ скромное житье невѣстки Фотія, когда она была уже вдовою и жила со второю своею дочерью-дѣвицей.

В. Соловьевъ.

*

Покойный князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ передавалъ намъ, что въ молодости своей ѣздилъ онъ въ Юрьевъ монастырь къ своему дядѣ, іеромонаху Аникитѣ. У Фотія въ гостиной сидѣли двѣ монахини и жаловались на строгость своей игуменьи. „Аникита, принеси кусокъ хлѣба!“ закричалъ Фотій. Онъ плюнулъ на поданный хлѣбъ и бросилъ его подъ диванъ. Черезъ нѣсколько времени опять крикъ: „Аникита, достань хлѣбъ!“ Тотъ согнулся и подалъ оплеванный кусокъ. — „Аникита, съѣшь!“ И Аникита исполнилъ повелѣніе. „Такъ вотъ оно, монашеское житіе, обратился Фотій къ инокинямъ, а вы еще смѣете осуждать и жаловаться.“ П. Б.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ИЗДАТЕЛЮ РУССКАГО АРХИВА.

Вамъ, конечно, лучше чѣмъ кому-нибудь извѣстно, какое множество историческаго матеріала за послѣднее столѣтіе разбросано въ нашихъ дворянскихъ усадьбахъ, и какъ безслѣдно погибаетъ оно съ переходомъ помѣщичьихъ имѣній въ постороннія руки. Поэтому обязанность всякаго любящаго свою родину человѣка — спасать что̀ можно отъ всеобщаго погрома.

Въ приблизительно подобномъ положеніи находится сосѣднее со мною имѣніе въ сельцѣ Брѣевѣ, Касимовскаго уѣзда. Прежній владѣлецъ его, Егоръ Ивановичъ Гинцъ, былъ человѣкъ со средствами, служилъ у насъ предводителемъ дворянства (1824—1827) передъ княземъ Максутовымъ. Женатъ онъ былъ на Софьѣ Матвѣевнѣ Муромцовой, сестрѣ извѣстнаго Матвѣя Матвѣевича Муромцова, любопытныя Записки котораго помѣщены были въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890 года. У Егора Ивановича былъ братъ Левъ Ивановичъ Гинцъ, бывшій директоромъ канцеляріи цесаревича Константина Павловича и весьма близкимъ къ нему человѣкомъ. Есть основаніе предполагать, что перу Л. И. Гинца принадлежатъ нѣкоторыя бумаги, касающіяся отреченія отъ престола цесаревича Константина Павловича. По крайней мѣрѣ, вскорѣ по вступленіи на престолъ Николая Павловича, Л. И. Гинцъ получилъ весьма значительную аренду въ Волынской губерніи, старостово Свинюхинское.

Послѣ обоихъ братьевъ осталось весьма много старыхъ бумагъ, съ которыми мнѣ удалось подробно ознакомиться. Въ числѣ ихъ есть многія относящіяся къ эпохѣ 1825 года и кончинѣ императора Александра Павловича, и хотя о нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминается въ книгѣ барона Корфа, но я не знаю, напечатаны ли они гдѣ-нибудь вполнѣ? Документы эти принадлежатъ *Екатеринѣ Ивановнѣ Ястребцовой*, урожденной Вельяминовой-Зерновой, внучкѣ Егора Ивановича Гинца. Желательно, чтобы они вышли на свѣтъ Божій.

А. Мансуровъ.

КЪ ТОРЖЕСТВУ 16 АВГУСТА 1898 ГОДА.

(Отъ Русскаго Архива).

Народная признательность, любовью предваряя судъ исторіи, воздвигла на высотѣ Московскаго Кремля великолѣпный памятникъ Государю, оправдавшему на чредѣ Своей слова вѣщаго поэта о «святѣйшемъ изъ званій *человѣкъ*». Да будетъ на вѣки благословенно имя Александра Николаевича!

Помиловать, облегчить, допустить, разрѣшить, освободить—было насущною потребностью Его чуднаго сердца, и онъ исполнялъ завѣтъ великой Своей Прабабки:

Развязывая умъ и руки,
Велѣлъ любить торги, науки
И счастье дома находять.

Нынѣ имя Его раздается на всемъ пространствѣ и въ многомиліонномъ населеніи Россіи. Мы, изъ архивной нашей глубины, чувствуемъ потребность заявить, что благость этого просвѣщеннѣйшаго изъ монарховъ пролила свѣтъ въ потемки родной нашей старины. При немъ возобновились успѣхи въ великомъ дѣлѣ нашего историческаго самопознанія. Пишущій эти строки съ благодарнымъ умиленіемъ помнитъ о милостяхъ Императора Александра Николаевича къ основанному въ его царствованіе «Русскому Архиву», о томъ, какъ въ 1866 году изволилъ Онъ спасти наше изданіе, отстранивъ отъ него чрезъ мѣру усердныхъ охранителей; какъ съ высоты Его престола многократно поступали въ нашъ сборникъ историческія письма и бумаги, при чемъ нѣжная память Государева сердца однажды выразилась въ приказаніи графу А. В. Адлербергу помѣтить посылку писемъ В. А. Жуковскаго 20-мъ числомъ Октября (день кончины императрицы Александры Ѳеодоровны). «Русскій Архивъ» осчастливленъ былъ и посмертною Его милостью: по Его волѣ, предъявленной министромъ Двора, письма Его наставника къ Нему появились также у насъ.

Вѣчная, вѣчная память великодушному Государю и теплая молитва объ упокоеніи души его!..

Петръ Бартеневъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1898 года

(выпуски 5, 6, 7 и 8).

358. Построеніе соборной церкви въ городѣ Ряжскѣ въ XVII вѣкѣ.

481. Сказаніе объ Азовскомъ сидѣніи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

595. Объ учрежденіи Андреевскаго ордена. **П. М. Майкова.**

275, 445 и 513. Указы графа **П. Б. Шереметева** его управителямъ. 1773—1777.

445. Изъ далекаго прошлаго: прототипы Митрофанушки, балетмейстеръ Ланде, А. П. Сумароковъ.

177. Къ исторіи Русской промышленности: памятная книга крестьянина села Иванова **А. Ф. Полушина** съ дополнительными примѣчаніями сына его и внука. 1751—1850. Сообщилъ **Н. А. Полушинъ.**

41, 289 и 365. Письма **Я. И. Булгакова** къ старшему сыну его изъ Москвы въ Неаполь. 1805—1807 годы.

600. Письма **А. Я. Булгакова** къ отцу его. 1802.

97. Письмо графа **Г. Г. Кушелева** къ его крестнику графу Д. Н. Шереметеву. 1820.

652. Архимандритъ Фотій. Изъ семейныхъ разсказовъ. **В. Соловьева.**

465. Оборона Петропавловска противъ Англо-Французской эскадры въ 1854 г. (современное письмо).

100. Письма графа **Д. Е. Остенъ-Сакена** къ И. У. Палимпсестову.

172. Отношенія сельскаго священника къ мѣстной помѣщицѣ въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка.

499. Записка (графа) М. Н. Муравьева (Виленскаго) о Бѣлоруссіи (1830).

67. Юрій Никитичъ Бартеневъ. Жизнь въ Крыму. 1842-й годъ.

5, 363, 406 и 522. Записки графа **М. Д. Бутурлина.** 1853—1858.

518. Чешскій фабрикантъ въ Курской арестантской ротѣ. **А. А. Танкова.**

461. Графъ Владиміръ Алексѣевичъ Бобринскій. Воспоминаніе **князя Д. Д. Оболенскаго.**

81. С. Т. Аксаковъ какъ цензоръ. **Н. М. Павлова.**

644. А. П. Крепицынъ. Статья **Н. В. Крепицына.**

333. Воспоминаніе о М. П. Погодинѣ. **И. П. Татлина.**

332. Четверостишіе **А. С. Пушкина** къ портрету П. Х. Молоствова.

480. Адамъ Мицкевичъ. **П. Б.**

124 и 388. Памятныя записки игумены Страстнаго монастыря **Евгеніи Озеровой.**

472. Воспоминаніе объ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ. **Ротмистра В. Донецкаго.**

147, 206 и 337. Чего достигли и чего домогаются впередъ достигнуть Финлядцы по пути отпаденія ихъ отъ Русской государственной власти. **Ѳ. П. Еленева.**

336. Керчь. Изъ путевыхъ замѣтокъ **Л. М. Савелова.**

591. Русское Генеалогическое Общество. Его же.

648. О значеніи слова „Рыскамора".

460. О значеніи слова „Кудіаръ". **Н. Остроумова.**

335. О памятникахъ императорамъ Александру Николаевичу и Александру Александровичу. **П. Б.**

655. Къ торжеству 16 Августа 1898 года. **П. Б.**

ВНИМАНІЮ ГОСПОДЪ ЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ.

ИХЪ ЗНАКОМЫХЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіе многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Юдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями «Изъ библіотеки Чухломскаго купецкаго сына **Михайла Юдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Юдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности.

Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются, вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ: въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю нелишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ, т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Юдинъ).

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898 года.

(Годъ 36-й).

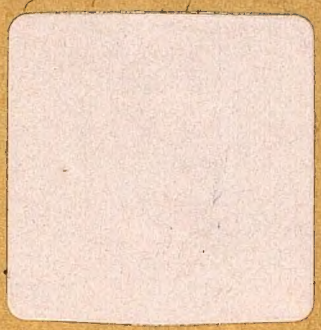
«Русскій Архивъ» въ 1898 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три большія книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1898 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ Петръ Бартеневъ.